Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2

2016

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Мехман МУСАБЕЙЛИ. **Грузовой вагон.** *Пьеса* 13
Ариф ГУСЕЙНОВ. **Автопортрет.** *Повесть* 55
Татьяна РУСТАМЛИ. **Позволь себе быть Богиней!** *Эссе* 118

ПОЭЗИЯ

Сабир РУСТАМХАНЛЫ. **Путешествие в память.** *Поэма* 3
Сергей СТУКАЛОВ. **Осенние мысли.** *Стихи* 50
Кёнюль ГАСАНГУЛУ. **Западный ветер.** *Стихи* 113

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Фантастический вышечный город** 8
Аяз МУСАЕВ. **Издание, достойное памяти писателя.** *Рецензия* 131

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА**
Компьютерная верстка – **Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Эмиль АГАЕВ Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Подписано в печать 23.01.2016г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2016 г..

.

..

САБИР РУСТАМХАНЛЫ

Путешествие в память

*Поэма**

Отправляюсь к Орхону...
И родственный зов
Окликает меня из далёких веков.
Отправляюсь к Орхону...
Провожатый в пути –
Дух, который велит мне идти.
Может, пламень тысячелетий во мне.
И ужели ни искры не вспыхнет
в степной пелене?
Отюкен – легендарное имя страны,
Где мой пращур
знавал колыбельные сны.
Снеговые вершины белеют вдали,
Остужая огни отогретой земли,
Здесь когда-то улус огневой обитал,
Жар души клокотанию рек передал.
И тропинки летят, разбегаясь вразброд.
Целой жизни не хватит ходоку этих троп.
Зеленя пережили расцветы долин,
Воцарилась в округе
осенняя стынь.
Застилает глаза мне невольно слеза,
Взор прикован к натянутым струнам дорог.
И давно позабытых эпох голоса
Обступают меня: «Ты откуда, ходок?»
И полжизни томит меня эта печаль,
Тьму других поглощая...
И безбрежная даль
Промелькнувших веков раскрывает скрижаль,
Как врата в неизведанный мной до сих пор
Благодатный заветный простор.
И куда путь держать, и стремиться куда?
Мне огня в очаги не вдохнуть.
Как постичь мне, когда же, когда
Обозначил улус исторический путь?
Оседал пращур мой в тридевятых краях,
Но в чужбинах пришелец пребывал в чужаках,
Я теперь – как дитя, что резвится на дне
Океана, который истаял в волне.
И огромная степь – океанское дно,
Я в безбрежной пустыне – только пятно.

*Журнальный вариант.

Вот валун, где резвился когда-то шалун,
Вот тропа, где мой пращур
встарь проскакал,
Вот начало начал, всех походов канун,
От Машрига в Магриб мой улус доскакал.
И уста родников снова мне открывал
Перезвонами струн звонкоструйный дастан.
И когда здесь прошёл по тропе караван?
Взвился древний улус, как самум, до небес,
И барханом застыл, каменея, прибой.
Мы, измучась земной бесконечной войной,
Вжались в сердце своё и замкнулись в себе.
Смутный гул океана опять на слуху,
Будят тяжкие волны седую тоску.
Обойдя белый свет, первую колыбель
Я увидеть хочу, как заветную цель,
Я к Орхону спешу – шлет привет и поклон
Благодарный гонец из далёких времён,
И река ждет меня, как праматерь седая,
Заждалась, берега нараспах обнимая.
Равномерен улуса старинный уклад.
И в неспешном потоке хлопотных дней
Жены пестуют быстро растущих детей,
а мужья – поголовье коней.
Монгольская юрта само колдовство,
Войти-то легко, выходить – каково!
Хозяин пред гостем слугою стать рад.
От чистого сердца идет сей *адат*!
Эй, табунщик младой, горячи-ка коня,
Своим длинным шестом табуны гоня.
Направо-налево рулит коновод,
Словно вздыбленным волнам даёт укорот.
С гиком-криком табун повернул назад,
И хлынул по склону живой каскад,
Табун уже рядом. Он – прыг с седла,
Как будто орла уронила скала,
Подходят друг другу они искони –
Табунщик и степь, Аллах их храни!
Из юрты выходит хозяйка-жена:
«Входите! Отведайте нашу снедь!
Мякоть косули вкусна и нежна...
Кумысом залить её не во вред!».
Хозяйка улыбчива и добра,
На ней архалук с золотой бахромой,
И стан перехвачен её пояском,
И юрта подстать хозяйке самой,
И чаша с кумысом сходна с жильем,
И все повторяется в стиле одном.
Нам сливки подносит степная ханум,
И суп из косульего мяса – хорош,
Кумыс разжигает нам аппетит,
Невольно приходит гостю на ум:
«Верблюда слопаешь, кажется, тоже...»

Азартная блажь завладела мной,
Решил, так сказать, тряхнуть стариной,
В бегах потягаться с табунщиком здесь,
Под сенью просторных монгольских небес!
И вот я в седле, скачу и скачу,
Не бойся, дружище, с коня не слечу.
Мне кажется, в этой степной стороне
Когда-то я мчался на резвом коне!
Прощай, мой табунщик,
прощай, мой собрат,
Да будет удачлив, здоров и богат
Народ твой, очаг твой, мечтанья твои,
Да сбудутся все упованья твои!

* * *

По межгорью катит воды, пригорюнившись, Тугра.
Вздох стихии, трепет струйный – не забава, не игра,
Отзывается в стихии стародавняя пора,
Как восстали друг на друга ветви древа одного,
Племя Девяти Огузов из посева одного,
Как сражался тюрок с тюрком, не признав за своего.
Не могли ужиться вместе в лоне матери-земли,
С чином грозным совладали, со своими – не могли,
Показалась тесной братьям колыбельная постель,
И разъять пытались в распре роковую колыбель,
Разделить пытались землю, хлеб и солнце заодно,
Без вражды никак не можем, видно, так уж суждено.
Если нету супостата, таковому брату быть,
Было бы кого чехвостить, кого бить и перебить,
Покорять твердыни вражьи, дать соседям укорот,
Биться храбро, биться насмерть, у соседских у ворот.
Бьются храбрые игиды, налицо их ратный пыл,
Если бойня, то доволен ангел смерти – Азраил,
Значит, есть ему работа, мало ль крови он пролил!
И летит стрела, пылая, из уйгурской стороны,
Знаком брани, знаком смертной
и губительной войны.
От Машрига до Магриба каждый водружает стяг,
Объявляет венценосцем себя в ходе передряг,
Но крушить привыкли прежде перво-наперво своих,
Чтоб противиться не смели никогда и ни на миг!
Размышляю удручённо об уроках старины,
Отголоски этих распрей из веков других слышны,
Предо мной течет привычно полноводная Тугра.
Но я слышу плеск Аракса, предо мной течёт Кура,
И аукается в сердце сатанинская игра...
Не с мечом сюда пришёл я,
но разъятый окоём
Предо мной предстал, как прорва,
исторический разлом.

...Я верхом мчусь, припадая
к гриве резвого коня,
Это я с седла слетаю, сам себя же полоня,
Это с берега другого в меня пущена стрела,
Это я ныряю в реку, что студена, холодна.
Зябко ёжатся в дубленках
рядом спутники мои.
Меня сбили с панталыку
вдруг ожившие бои,
Сиганул я в холодину,
и прошиб мороз меня,
Остудить я чаял память
распрей рокового дня.

*** * ***

Склонился я пред мраморной плитой,
Пред издревле рокочущим Орхоном,
Опорой мне явившейся рукой,
Пред духом, этой твердью воплощённым.

Склонил колени перед языком,
Озвучившим глагол родимого народа,
К седому мрамору приник лицом,
Где горькая маячила невзгода.

И ширится простором даль земли,
И горы поднимаются все выше,
Мне кажется, что в мраморе я слышу
Серцебиение родной семьи.

Земля трепещет, дышит, оживая,
Безмолвная доныне и давно,
Распахивается до конца и края,
Как в прошлое волшебное окно!

Я всматриваюсь пристально в него,
Гляжу в окно – в своё первоначало,
Вот твердь – праматерь рода моего,
Вот небо, что родителем предстало.

Здесь реют тени пращуров моих,
Я вижу их воочию и въяве,
Склонившихся на нивах золотых,
С чертами неземных гостей на диво.

И это я скачу во весь опор,
И гик мой оглашает мир окрестный,
И это я зажёг здесь свой костёр,
И это я храню огонь чудесный.

Улусами рассеялся Огуз,
А горы стали нам горнилом силы,
От колыбели до самой могилы,
И не было божественнее уз.

Улус был – океаном расплескался,
Один на север, а другой – на юг,
Улус на поле брани с тьмой сражался,
Ни смерти не боялся, ни разлук.

И полумесяц в неба глубине,
Осколок расчленившейся подковы,
Очажный свет, угасший на войне,
Свидетель передряги бестолковой.

Тягались с Господом Всевышним те,
Кто возомнил себя владыкой века,
Но проучила самозванца-бека
Судьба в неоспоримой правоте.

Таков тысячелетний наш урок,
Раздрай и распри были нам не внове,
Лукавых чужаков худой кусок
Нас отрывал от корневой основы.

Свергали козни с трона храбрецов.
Вороны каркали в угодьях соловьиных,
Измена доморощенных сынов
Была бедою со времён старинных.

И легковерье было нам бичом,
Не верили владевшему мечом,
А уповали на крикливую отвагу
Притворного служения Аллаху.

Начертаны на небе письмена
От века изначально и позвёздно,
И саз в руках умолкший у меня...
Но верю я, настанут времена
Заговорит он рано или поздно.

Я – память павших праведно родов
И смертью смерть поправших поколений.
И смена новых, будущих годов
Возьмет урок из памяти нетленной.

Улан-Батор – Баку

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Приезд В.Маяковского в Баку в феврале 1926 года стал значимым событием для бакинцев

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ВЫШЕЧНЫЙ ГОРОД

«Люблю я Баку. В нем есть что-то особенное, никогда не забывающееся».

Строчка, вынесенная в заголовок, может принадлежать только поэту. А она и принадлежит поэту – Владимиру Маяковскому. Именно таким ему увиделся Баку, когда он оказался в нем впервые. Было это в 1906 году, проездом из Кутаиси в Москву, куда перебирались Маяковские после смерти главы семейства. Будущему поэту, которому было в то время всего тринадцать лет, эта встреча запомнилась навсегда.

Спустя два десятилетия, в 1926 году, в очередной раз оказавшись в Баку и вспоминая о своей первой встрече с ним, он именно так назовет его – фантастический вышечный город… Собственно, и слова, приведенные в качестве эпиграфа, тоже принадлежат ему. Увидев Баку впервые, Маяковский сразу полюбил этот удивительный город, в который он потом наведывался еще не раз. Да и как было Маяковскому, с его поэтической мощью, не влюбиться в Баку, в седой Каспий, *«пьяный от норд-оста»*, в черные нефтяные фонтаны, леса нефтяных вышек, неустанно качающих *«черную кровь земли»* – это вам не «лютики-цветочки»!

Наверное, и «кавказское» происхождение поэта (Маяковский родился и провел свои детские и отроческие годы в Грузии) делало для него Баку, с его с детства привычными для поэта *«плосковерхими домами, горбоносыми людьми»*, – изначально родным и близким. Хотя Маяковский и пишет о нем (а поэт не раз обращался в своем творчестве к «бакинской теме») без «лирического сюсюканья», рисуя образ города размашистыми, резкими мазками:

Баку.
Город ветра.
Песок плюет в глаза.
Баку.
Город пожаров.
Полыхание Балахан.
Баку.
Ручьи –
чернила нефти.
Баку.
Плосковерхие дома.
Горбоносые люди.
Никто не селится для веселья.
Баку.
Жирное пятно на пиджаке мира.
Баку.

Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более –
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка – правоверного,
Иерусалим –
христиан
на богомолье…

О своей первой встрече с Баку Маяковский впоследствии напишет в очерке «Америка в Баку» (1926 г.):

«За Тифлисом начались странные вещи: песок – сначала простой, потом пустынный, без всякой земли, и наконец – жирный, черный. За пустыней – море, белой солью вылизывающее берег. По каемке берега – бурые, на ходу вырывающие безлистый куст верблюды.

Ночью начались дикие строения – будто вынуты черные колодезные дыры и наскоро обиты доской. Строения обложили весь горизонт, выбегали навстречу, взбирались на горы, отходили вглубь и толпились тысячами. Когда подъехали ближе, у вышек выросли огромные черные космы, ветер за эти космы выдрал из колодцев огонь… Горело в трех местах. Даже на час загнув от Баку к Дербенту, видели зарево».

Следующая и теперь уже настоящая встреча с Баку – не проездом! – состоялась у Маяковского спустя восемь лет, в марте 1914 г., когда он был уже молодым, но достаточно известным поэтом. Вместе со знаменитыми московскими футуристами Д.Бурлюком и В.Каменским он прибыл сюда с гастролями – все они представляли модное тогда в Москве авангардистское поэтическое течение под названием футуризм. Футуристы проповедовали разрушение норм и условностей в искусстве ради слияния его с ускоренным жизненным процессом. Для них характерно преклонение перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией, возвеличивание себя и презрение к слабому. По своей идеологии футуризм был близок как правым, так и левым радикалам, ориентированным на революционное ниспровержение прошлого. «Теплота куска железа или дерева отныне более волнует нас, чем улыбка ребенка или слеза женщины» – этот постулат из программы основателя футуризма итальянца Маринетти, наверное, наиболее точно отражает суть этого движения. Разрушение устоев и внедрение нового, противоречащего сложившимся устоям, даже если это новое не было более целесообразным или лучшим, чем старое, новое не ради лучшего, а ради нового, новое – в пику старому…

В подтверждение своего неприятия сложившихся в обществе устоев, «условностей», да и, наверное, ради привлечения внимания, в день прибытия, 26 марта, московские поэты-футуристы «ходили по городу с размалеванными физиономиями» (газета «Каспий» от 1 апреля 1914 г) . А вечером в театре братьев Маиловых Маяковский читал доклад о футуризме, иллюстрируя его стихами в духе того авангардистского движения, которое он представлял. На сцене футуристы «восседали за большим столом, в театральных креслах с высокими спинками, лица причудливо расписаны… В.В.Маяковский нарядился в желтую ситцевую кофту и красную феску…» (там же).

Зрители реагировали на выступление поэтов-футуристов неоднозначно – кто-то принимал их с восторгом, кого-то они раздражали и возмущали. Статьи в бакинских газетах также не были однозначными, более того, порой они были крайне негативными (газета «Баку»). Однако резонанс от выступления московских поэтов получился достаточно широким – о них говорили, спорили, обсуждали, и это вполне их удовлетворило. А в ба-

кинском магазине «Сотрудник» появились книжные новинки – «Стихи Маяковского» и «Маяковский. Трагедия, шедшая в Луна-парке».

В Баку Маяковский приедет еще не раз. И посвятит ему еще не одно произведение. О Баку говорится в первой главе поэмы «150 000 000», во второй редакции пьесы «Мистерия-Буфф», в стихотворениях «Приказ №2 армии искусств», «Это значит вот что!». Поэма «Гулом восстаний, на эхо помноженным…» была написана Маяковским к 6-летию гибели 26 бакинских комиссаров.

Маяковский не только много писал о Баку – он здесь много публиковался. В 1923-1924-х годах на страницах здешних газет – «Бакинский рабочий», «Молодой рабочий», «Заря Востока» – появляются его стихотворения «Наше воскресенье», «Газетный день», «Это значит вот что!», «Мы не верим», «Марш комсомольца», «Праздник комсомольцев», отрывки из поэм «Гулом восстаний на эхо помноженным…» и «Владимир Ильич Ленин» под названием «Октябрь».

Создавая новые произведения, Маяковский старался донести их до публики не только через публикации в прессе и издание своих книг, но и через живое общение, выступая перед читателями, обсуждая с ними услышанное, стараясь понять, насколько точно каждая строка бьет в цель, как она воспринимается. *«Продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю»*, – писал Маяковский в своей автобиографии. Среди этих городов Баку занимает достойное место – Маяковский любил не только этот город, но и его публику.

Побывав в Баку в 1924 году, в феврале 1926-го он вновь сюда приедет. Неделя, которую он на этот раз здесь провел (с 17 до 24 февраля 1926 года), стала запоминающимся, значимым событием в литературной и общественной жизни города. Его выступления, проходившие в оперном и драматическом театрах, перед рабочими-нефтяниками в Балаханах, собирали полные залы. По воспоминаниям современников, обычно Маяковский появлялся задолго до выступления, ходил по фойе, присматривался к публике, заговаривал с молодежью, расспрашивал о любимых поэтах, выяснял отношение к себе, к своей поэзии. Охотно подписывал свои книги, но часто потешался над теми, кто просил что-нибудь надписать на память просто на листе бумаги. Иногда вместо автографа оставлял беглый, очень выразительный рисунок, всего из нескольких штрихов…

Новаторская, мощная, громкая поэзия Маяковского неизменно привлекала на его выступления бакинскую публику. Впрочем, не следует думать, что Маяковский, при всей его громкости и резкости, не умел быть лиричным и, быть может, где-то даже несколько сентиментальным. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к Лиле Брик – женщине, которую он любил и в любви которой остро нуждался до конца своей жизни («Лиля, люби меня!» – напишет он в своей предсмертной записке). Письмо было отправлено Маяковским из Баку 20 февраля 1926 г. В нем он писал: *«Я живу сию минуту в Баку, где и видел (а также и по дороге) много интересного, о чем и спешу тебе написать. Во-первых, от Краснодара и до самого Баку ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал. Не дожевавши, часто останавливался и серьезно и долго смотрел на горы – удивленно, безнадежно и грустно.*

*В Баку тоже не без зверев. Во-первых, под окном третьего дня пробежали вместе (точно) одиннадцать мирблюдов (*именно «мирблюдов» – так у Маяковского*), бежали прямо на трамвай. Впереди, подняв руки, задом прыгал человек в черкеске, орал им и что-то доказывал – чтоб повернули. Едва-едва отговорил.*

А также, наискосок, ежедневно становится в девять часов хороший ослик с фруктами…

Здесь весна – на улицах продают мимозы. Можно ходить без пальто, но тогда очень холодно. Налево от меня какая-то уличка, на ней парикмахерская «Аэлита», тут же все по-тюркски, но выглядит страшно иностранно, т.к. теперь латинский алфавит: «Аптека»

и сейчас же по-ихнему – «Aptig».

Направо от меня – Каспийское море, в которое ежедневно впадает Волга, а выпадать ей неоткуда, т. к. это море – озеро, и положенье его – безвыходное»…

Здесь слышен совсем другой Маяковский – он по-детски весело-игрив, словно щенок, носящийся по солнечной поляне, да он так и подписывается под письмами, адресованными Лиле Брик, – «Щен», от слова «щенок»…

Приезжая в Баку, Маяковский зорко подмечал происходившие здесь перемены – город благоустраивался, *«столичневел»*. Своими впечатлениями об этом поэт поделился с читателями в очерке «Рожденные столицы», написанном им в 1928 г.:

«Я помню дореволюционный Баку. Узкая дворцовая прибрежная полоса, за ней грязь Чёрного и Белого города, за ней – тройная грязь промыслов, с архаической фонтанной и желоночной добычей нефти. Где жили эти добыватели – Аллах ведает, а если и жили где-то, то недолго. Пыльно, безлисто. Культура – «интернациональная».

Язык – среднерусский: «беру манташевские, даю манташевские!» Запросы простые – заплатить копейку, вышибить рупь. А тюркский язык – к чему он? Манташев и без него в Париже обойдётся, а манташевский рабочий читать всё равно не умеет…

Я видел Баку 1924 года.

Свобода наций бурно выплеснулась на каждый дом тюркским алфавитом вывесок.

С неба непрерывный дождь, с боков непролазная грязь (она течёт с боков горок, делая улицы непроходимыми). С моря – непродыхаемый норд-ост»...

Но – читаем далее: *«Каждый день моего недельного визита, пробираясь по улице к кому-нибудь из бакинцев, я слушал бесконечные планы, проекты»…*

И проекты эти осуществлялись. И – довольно быстро. *«После годовщины десятилетия я снова объехал Баку. Часов в 6 утра протираю глаза. И от утра, и от необычайности зрелища. Навстречу прогромыхал электропоезд. Огромнейшие, чистейшие вагоны поднимали к проводам пары стальных иксов. На таких иксах вели поезда электровозы по тоннелям под Нью-Йорком. В двадцать четвёртом я трясся здесь в чём-то теплушечном, обдаваемый копотью. Тогда дорога шла через песок и пустырь, сейчас – через европейские коттеджи, в садиках и цветниках… В первый раз в жизни читаю тюркские слова вывесок латинским шрифтом. Этот шрифт – культурнейшая революция, – это сближены пониманием начертания – четверти человечества. Хожу. На пригорке сад. Лестница белого камня. Было кладбище. Велели родственников перенести. Теперь разрастается парк и сад, а лестница – из невзятых памятников»* (здесь, видимо, речь о бывшем парке Кирова, ныне – Аллея шехидов)…

Свое отношение к Баку Маяковский в очередной раз выскажет в своей автобиографии «Я сам» (1928 г.): *«Лучше всего – Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи – нефть, а дальше – степь»...*

Маяковский все эти годы писал, создавал новые, новаторские произведения, печатался, колесил с выступлениями по городам и весям. Но, как вспоминает один из его современников и почитателей его таланта В.А.Мануйлов, «уже в 1926 году иногда чувствовалась безмерная усталость Владимира Владимировича. Он сам признавался, что не умеет отдыхать»...

В этот свой приезд, выступая в Бакинском рабочем театре, Маяковский томился, не скрывая своего раздражения и недовольства слушателями, хотя видимых причин как будто бы и не было…

В последний раз Маяковский посетил Баку за несколько лет до своей смерти, в декабре 1927 года. Народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам вспоминал об этом так: «…Появился он неожиданно, никого не известив о своем приезде. Он считал Баку своим родным городом и говорил, что приезжает сюда, как в собственный дом. Азербайджанские поэты увидели своего дорогого гостя, когда он пришел в Союз пролетарских писателей,

помещавшийся во Дворце азербайджанской культуры…. Мы, азербайджанские поэты, были в восторге от этой неожиданной встречи. Началась оживленная беседа. Маяковский интересовался, какими творческими силами и произведениями мы располагаем, существуют ли у нас связи с читателями. Оказалось, что Маяковский довольно близко знал нашу литературную жизнь. Он, говоря об укреплении связей с читателями, в частности, указывал, что надо приучить массу достойным образом ценить художественную литературу. Для этого он рекомендовал нам планомерно устраивать платные литературные вечера…».

Находясь в Баку, Маяковский неизменно встречался с рабочими коллективами, читал свои стихи, а после заводил беседы с рабочими, расспрашивал их об условиях труда в старое время и теперь, о зарплате, о новом рабочем быте. Поэт Сулейман Рустам вспоминал: «Перед отъездом из Баку Маяковский просил нас присылать ему переводы его стихов на азербайджанский язык и все, что будет печататься о нем в нашей печати»...

Маяковский до конца своей жизни не забывал Баку, вновь возвращался к азербайджанской теме, говорил о Баку в публицистических и полемических статьях «Прошу слова», «Подождем обвинять поэтов», «Вас не понимают рабочие и крестьяне», в автобиографии «Я сам».

И хотя после 1927 года Маяковскому не довелось побывать больше в прославленном городе нефти, Баку продолжал занимать творческое воображение поэта. Имеются сведения о том, что Маяковский собирался создать большую поэму о Баку...

Баку 20-х годов прошлого века – бурно развивающийся город, куда приезжали многие видные представители советской литературы и искусства. Баку принимал всех и всем был рад. Здесь в те годы побывали Максим Горький, Сергей Есенин, Василий Качалов и многие другие. Кстати, к Сергею Есенину здесь было особое отношение – его любили, особенно студенческая молодежь. Маяковский, бывая в Баку, выступая перед бакинской публикой, всегда читал свое стихотворение «Сергею Есенину», и ему удавалось убедить аудиторию в справедливости, в правильности своего отношения к смерти поэта. Помните? «В этой жизни умереть не ново, сделать жизнь значительно трудней».

Но… 14 апреля 1930 года прозвучал выстрел, поставивший свинцовую точку в жизни Владимира Маяковского – поэт перестал жить, дышать, быть. И эту точку в своей жизни он поставил сам… Почему? Вряд ли кто-то, кроме самого поэта, сможет назвать истинную причину случившегося.

Бакинцы с болью в сердце переживали смерть поэта. А память о нем навсегда сохранилась в их сердцах. Стихи Маяковского многие из нас и сегодня помнят и знают наизусть.

Поэзия Маяковского, его литературное новаторство оказали определенное влияние на творчество многих видных азербайджанских поэтов – таких, как Сулейман Рустам, Мамед Рагим и других.

В память о поэте в Баку, на боковом фасаде старинного здания, нынешнего Азербайджанского государственного педагогического университета, установлена мемориальная доска с барельефом Маяковского и памятным текстом на азербайджанском и русском языках: «Здесь, в большом зале Азербайджанского педагогического института, неоднократно читал свои произведения великий советский поэт Владимир Владимирович Маяковский»…

МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ

ГРУЗОВОЙ ВАГОН

(Драма в двух частях и четырех действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

САРЫГЮЛЬ
МУХТАР
АШРАФ
ОРДУХАН
САРВАН (Машинист)
НАГДАЛЫ (Полицейский)
СЮСАН
РОВШАН
НУСРЕТ (Офицер)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действие первое

Картина первая

Лагерь беженцев. Один из заржавленных, вышедших из строя грузовых вагонов… В боковой стене вагона – дверь и окно, обтянутые полиэтиленом вместо стёкол. Перед дверью – лестница с широкими перилами. Справа от двери – большой обеденный стол, за ним скамейки без спинок. Поодаль от вагона, слева, сложенное из кирпича возвышение, на нем – самовар и стаканы, рядом – большие и маленькие тарелки. Это маленькая летняя кухня. Позади вагона электрический столб. На его верху – репродуктор, а внизу умывальник. От вагона во все стороны тянутся веревки, одна из них привязана к столбу. С веревок свисает недавно постиранная одежда, простыни и пр. Темнеет. Сарыгюль продолжает развешивать постиранное белье. Она задумчива. Сама не замечает, как вешает белье на верёвку.

САРЫГЮЛЬ *(почувствовав, что кто-то подходит, останавливается, но не оглядывается).* Эх, Мухтар… Снова приходишь, когда уже темнеет. *(Вдали из темноты начинает появляться Мухтар. Он тихими шагами, оглядываясь вокруг, подходит к Сарыгюль.)* Когда мы впервые встретились и понравились друг другу, тоже было темно… *(Мухтар ничего не говорит, помогает ей развешивать белье.)* А потом, когда ты сердился на меня, говорил – будь проклят отец того, кому еще раз в темноте понравится девушка! И самым грубым твоим ругательством было это проклятие. И когда

в подвале школы ты нашел склад оружия, ты выругался точно так же, и когда по нам начали стрелять… нет, тогда ты выругался еще крепче: «Будь прокляты отцы», сказал ты… *(Заливисто смеется.)* «Будь прокляты отцы». *(Мухтар устало садится на ступеньки.)* А теперь не ругаешь. Теперь уже не ругаешь…

МУХТАР. Но ты забыла одну вещь, Сарыгюль. С того дня я всем молодым советовал знакомиться с понравившимися им девушками только в темноте, при свете луны. В темноте люди становятся более искренними. Красота при свете дня может обмануть. Отвлечь внимание. А темнота помогает почувствовать голос человека. Я часто ошибался в жизни, Сарыгюль, но в твоем голосе я не ошибся, в голосе твоего сердца… И сыну своему хотел было посоветовать то же самое… побеседовать с любимой в темноте…

САРЫГЮЛЬ *(словно рассказывает сказку).* Мы хотели надстроить дом *(смеется*). Все заработки отдавали на материалы. Все, на что хватало возможностей, покупали, чтобы построить второй этаж. Мы бы достроили все до женитьбы ребенка. Еще даже не знали, на ком он женится. Ты вроде бы хотел найти ему образованную девушку. Все говорил, что армянские девушки бывают образованными. А я желала женить его на девушке из наших, чтобы заботилась о нашем сыне… Ты… *(громко смеется.)* Ты еще посреди двора строил амбар… чтобы материалы не стащили. *(Так, словно рассказывает финал истории.)* Теперь нет ни материалов, ни амбара, Мухтар, ни дома, ни ребенка… Мухтар.

МУХТАР. Прости меня, Сарыгюль, я лишил тебя счастья. Выйди ты замуж за кого-то другого, ты не осталась бы такой несчастной.

САРЫГЮЛЬ. Знаешь, где теперь твой сын? Его нет со мной… к тебе он не пришел? Ты не видел его?.. Куда он ушел, о, Мухтар, не знаю, не знаю, съели ли его звери, куда он делся? Ни тебя я не смогла сберечь от зверей, ни твоего сына.

Кто-то появляется в темной части сцены.

МУХТАР. Я все испортил, я… *(Медленно поднимается и оглядывается.)* Но я не хотел уйти... *(Медленно обходит вагон, уходит в глубину.)* Осталось немного, Сарыгюль. Все будет хорошо. Даже лучше, чем ты думала. *(Исчезает в темноте, но голос его продолжает звучать.)* Сарыгюль, цветочек мой, верь мне…

Идущий позади вагона Ашраф подходит к умывальнику.

САРЫГЮЛЬ. Я всегда верила тебе, Мухтар…

АШРАФ, услышав эти слова, останавливается и задумывается, опираясь рукой о столб. Потом хочет умыться, но тут видит, что вода закончилась. Идет за водой к «летней кухне». Сарыгюль видит, что он подходит, поднимается и входит в вагон. АШРАФ, закончив умываться, садится за обеденный стол перед вагоном.

САРЫГЮЛЬ *(появляется в дверях вагона с кастрюлей в руках).* Ашраф, ты будешь пить чай или пообедаешь?

АШРАФ. Я выпью чаю, невестушка, выпью чаю. *(Сарыгюль уходит в вагон, чтобы поставить кастрюлю, потом выходит оттуда и спускается по ступенькам. Подходит к самовару, разжигает его. Потом неспеша, задумчиво расставляет пустые*

ведра и таз из-под белья.) Очень уж ты мучаешь себя, невестушка.

САРЫГЮЛЬ. К чему говорить, что я мучаю себя, Ашраф, я одинокая женщина, это нетрудно…школы нет, чтобы я там кого-то учила. Как ты говоришь, если не я, то кто же помоет все это? Назлы больна, другие заняты своими детьми, мужьями…

АШРАФ *(хочет поменять тему).* Хоть покушай что-нибудь, а то совсем бледная.

САРЫГЮЛЬ. Аппетита нет.

АШРАФ. А ты поешь без аппетита. Сейчас ни у кого нет аппетита. Все едят только, чтобы прожить.

Пауза.

САРЫГЮЛЬ. Может, он в плену? (*Плачет.*) Если в плену, его не оставят в живых. Он еще ребенок, от пыток он умрёт. Откуда же ребенку знать военные тайны…

АШРАФ. Успокойся, невестушка! Не начинай снова! И без того это очень большое испытание. И ты не одна. Не мучай себя!

САРЫГЮЛЬ. Все, что было, отдали! Чего им еще надо? Пусть отпустят мое дитя!

АШРАФ. Где Сюсан?

САРЫГЮЛЬ. Её сегодня не будет. Она ушла к тете, в город. Там и заночует.

АШРАФ *(словно самому себе).* Когда-нибудь она останется у тети навсегда... Тогда уже за тобой некому будет смотреть…

САРЫГЮЛЬ. Нет, нет. Не говори так. Сюсан не такая. Дай ей Бог здоровья, счастлив будет дом, где она станет невесткой. Без неё я совсем с ума сойду. И за мной ухаживает, и за бабушкой. Она всем помогает, да еще и норвежцам помочь успевает. *(Подходит к самовару.)*

Входит Ордухан, садится напротив Ашрафа и начинает разговор.

ОРДУХАН. Тахмаз тоже уехал в Россию. Сын Арифа.

АШРАФ. Невестушка, принеси чай и Ордухану. (*Ордухану.*) Сколько человек осталось?

ОРДУХАН. Двенадцать. Семеро в нашем лагере. Остальные в других. Я еще не знаю, что они решили – уедут или нет.

АШРАФ. Сами разберутся. Это дело необязательное. Они сами этого захотели. Хорошо, хоть за это время мы смогли узнать, кто есть кто.

ОРДУХАН. Ашраф, дорогой, брат мой, за эти годы многие женились, у многих появились дети.

АШРАФ. Я же ничего не говорю.

Сарыгюль приносит два стакана чая и ставит их перед Ашрафом и Ордуханом.

ОРДУХАН. И напрасно не говоришь. *(Ждет, пока Сарыгюль поставит стаканы и уйдет. Сарыгюль, видя, что они замолчали, уходит.)* И напрасно не говоришь! Сейчас твое слово могло бы многое решить. Наш отряд все уменьшается и уменьшается.

АШРАФ. Наш отряд… Хорошо, что уменьшается. А вдруг не получится, по крайней мере, погибнет мало народа. И вообще я не хочу, чтобы ты говорил слово: «отряд». И не жди от этого многого. Я и тогда говорил это. Среди нас нет места желающим жить. Я уже мертвец. Мне нужны такие, кто считают себя мертвецами.

ОРДУХАН. Зря так говоришь. Слава Богу, самый живой человек здесь – это ты. Все в тебе видят аксакала. Но если ты так говоришь, то что же говорить остальным?

АШРАФ. Моего брата убили, Ордухан. (*Оглядывается в сторону Сарыгюль, чтобы убедиться, что она не слышит.*) Наша невестка осталась вдовой. И сына потеряла. Они истребили наш род. Дом наш отняли. Но я смог убежать и спасся. Не испугайся я тогда их силы и не убеги, я тоже был бы убитым. По ночам, в ущелье, где мы прятались, мы считали снаряды, с воем пролетающие над нами… С тех пор я держу эту жизнь, как заложницу, Ордухан. Потому что, если я остался живым, значит, на мне лежит какой-то долг.

ОРДУХАН. …долг мести!

АШРАФ. Не знаю, какой долг, Ордухан. Может, в доме престарелых меня ждет какая-то голодная кошка. Не знаю, может, я потому остался жив, что когда-нибудь в старости должен буду накормить кошку или собаку, чтобы они не подохли с голоду. Знаю только одно – на моих плечах лежит долг и мучает меня. А я не хочу стареть под этой тяжестью.

ОРДУХАН. Если ты соберешь людей и скажешь им все это, клянусь, вокруг тебя все соберутся. И мы тогда пойдем и освободим наше село от этих подлых армян.

АШРАФ. Ордухан, ты нигде не говорил о нашем деле?

ОРДУХАН. Нет, Ашраф! Не говорил. За кого ты меня принимаешь? Разве я не понимаю, что это очень опасно? Это приведет к международному скандалу. Нельзя стрелять после перемирия. Только жаль, что я об этом нигде не говорил. Если б сказал, могли бы собрать большую армию.

АШРАФ. Выбрось из головы эти мысли… Завтра навести и тех четверых, покажи им место, которое я указал тебе, договорись с ними о месте встречи. Послезавтра мы должны покончить с этим. Да будет Всевышний нам в помощь. Каковы эти четыре человека, о которых ты говоришь? Есть среди них разведчики?

ОРДУХАН. Почему четыре? Там семь человек. И все семеро – разведчики. Ты велел найти разведчиков, я их и нашел. Завтра я должен встретиться еще с троими.

АШРАФ. Время не ждет. Чем больше мы медлим, тем меньше у нас остается людей. Трое могут присоединиться и позже. У меня есть ключ. Еще не заржавел. Главное – одно место, надо заглянуть туда, а потом благополучно вернуться. Остальное за мной. А потом уже ты сможешь искать людей, чтобы воевать. Жаль, что погиб мой брат, покойный был живой картой. Но и я неплохо знаю эти места. *(Пауза.)* Ладно, уже поздно, скоро ночь. Ты подготовься к утру. Скажи, что послезавтра утром мы встречаемся в километре от поста, где стоят наши. А сам останешься здесь…

Сарыгюль подходит к ним, садится за стол и пьет чай. Ордухан молчит.

САРЫГЮЛЬ. Я думаю, может, он вырос где-то, женился и остался там, а сейчас возвращаться стесняется … Напрасно он стесняется. Пусть берет жену и детей и приезжает, навестит одинокую мать. Клянусь Богом, я ничего не сделаю.

ОРДУХАН *(не в силах молчать).* Как это останусь здесь, что ты говоришь?

АШРАФ. Ты уже не в том возрасте. Не смотри на меня, я – спортсмен.

Сарыгюль задумчиво встает из-за стола, идет в сторону вагона и садится на ступеньки.

ОРДУХАН. С каких это пор ты стал спортсменом, Ашраф? Ты был учителем физкультуры. Учителем!.. Спортсмен – это совсем другое.

АШРАФ. Ты нужен здесь. Людям покажется подозрительным, если исчезнем мы оба. Это не детские игры. Давай-ка распишись и забери свою гуманитарную помощь. (*Достает из кармана ручку, тетрадь и кладет их на стол.*)

ОРДУХАН. Старуха Назлы, кажется, окончательно захворала. Её помощь тоже дай, я передам.

САРЫГЮЛЬ. Сюсан отнесет.

АШРАФ. А Сюсан когда приедет? До неё она с голоду помрёт! (*Ордухану.*) Тогда подпишись и за Назлы!

Достает из кармана связку ключей, идет в сторону своего вагона и пропадает из виду. Ордухан перелистывает тетрадь и подписывается в двух местах. Сарыгюль убирает стаканы. Со стороны левого вагона появляется Машинист Сарван. Это старый худой мужчина. На нем поношенная одежда машиниста и такая же фуражка на голове. На груди висят несколько орденов. Вид у него болезненный. Дойдя до лестницы, останавливается.

САРВАН. Было бы лучше, если б вы освободили эти вагоны.

САРЫГЮЛЬ *(поднимаясь по ступенькам).* Не переживай, дурачок, немного осталось, как только вернемся домой, отдадим ваши ржавые вагоны. *(Входит в вагон и закрывает за собой дверь.)*

Свет в вагоне гаснет. Возвращается Ашраф с двумя ящиками.

САРВАН. Ржавые вагоны… ржавые вагоны… Не нравится, не живите в них. Они не ваши, эти ржавые вагоны. Все принадлежит государству. Захватили их и уселись, а теперь не нравится.

АШРАФ. Садись, лучше выпей чаю. Не бойся, никуда твои вагоны не уедут.

САРВАН. Почему не уедут?

ОРДУХАН. Потому что они сломаны. Никому твои вагоны не нужны. И колеса их давно уже прилипли к рельсам. *(Ашраф ставит ящики на стол и идет за чаем для Сарвана. Ордухан, заметив, что Сарван удивленно смотрит на ящики, убирает их со стола на землю.)* Не понимаю, почему ты нервничаешь, когда что-то видишь на столе?

САРВАН. Вы не знаете, почему эти вагоны не едут?

ОРДУХАН. Потому что их некому водить.

САРВАН *(указывая на себя).* Есть кому водить. И вагоны есть! И рельсы есть! И дорога открыта. Но не едут. Почему? Знаете? *(Не дожидаясь ответа.)* Не знаете. Потому что нет приказа. Вы думаете, что и локомотив, который тащит их, заржавел? Нет! Локомотив в порядке. Но он сейчас тянет другие вагоны. Я сорок лет проработал машинистом. Ереван-Баку. Баку-Ереван. А потом Ереван-Москва!.. Я – Герой Социалистического труда. Да если б я захотел, выехал бы с рельсов и поехал бы к себе домой. И все верили, что я могу это сделать. Но сейчас я не могу сдвинуть его с места. Почему не могу сдвинуть? Потому что сверху нет приказа. *(Пауза.)* Сейчас я не могу заснуть по ночам, если не слышу перестука колес поезда. Этот звук превратился для меня в колыбельную, а ржавый вагон – в колыбель. *(Растроганный от собственных слов, вытирает глаза тыльной стороной ладони.)*

АШРАФ. Пей свой чай, Сарван-киши, остынет!

САРВАН *(делая глоток чая).* Я знаю, что не даю вам спать по ночам… *(Вдруг с новой силой.)* Нет, вы не знаете! Среди шума колес я различаю каждый стук, и знаю, в каком вагоне какое колесо, левое или правое, касается стыка. У меня даже было рационализаторское предложение.

АШРАФ. Что за предложение?

САРВАН. Я предлагал записывать перестук колес во время рейса, и если будет катастрофа, я бы послушал эту запись и сказал бы, почему случилась авария.

ОРДУХАН. То, о чем ты говоришь, называется «черным ящиком». В самолетах.

САРВАН. Да послушай до конца… Именно «черный ящик», только для поездов.

АШРАФ. И чем все закончилось?

САРВАН. А чем могло закончиться? Сказали, что это нерационально. И дорого обойдется, и рациональность низкая. *(Отпивает чай.)* Эти приходили… *(Пауза.)*

АШРАФ. Кто приходил?

САРВАН. Да кто мог прийти? Врачи. Еще когда я был в Ереване.

ОРДУХАН. И что сказали?

САРВАН. Сказали, что ничего опасного. Сказали, мол, это профессиональная болезнь. Ничего опасного, но и лекарств от этого нет…

ОРДУХАН. Эх, Сарван-киши, а чего ты ждал от врагов?

САРВАН. Нет, тогда еще все было спокойно… Но я не об этом. Я только хочу сказать, что чем скорее вы освободите вагоны, тем было бы лучше. Я старый, больной человек. Давайте не мучать друг друга. Вы тоже жили бы там, в палатках.

ОРДУХАН. Плохо ты знаешь Ашрафа, Сарван-киши. Было время, когда и Ашраф, и жена его покойного брата Сарыгюль жили в палатках. А когда появились новые беженцы, они отдали им свои палатки…

АШРАФ. Ты не беспокойся, Сарван-киши, мы здесь временно. И звук твоего магнитофона нас не пугает. Мы еще не такие звуки слышали…

САРВАН *(встает).* Я свое слово сказал… *(Направляясь к своему вагону, продолжает говорить.)* Чтобы ни я, ни вы не оказались в плохом положении, когда получу приказ. Это все-таки государственное имущество *(заходит в свой вагон).*

ОРДУХАН. Ладно, Ашраф, уже поздно.

АШРАФ. А где же наша невестушка?

ОРДУХАН. Она ушла в дом и больше не выходила. Наверное, спит, не беспокой ее, жалко, она устала. Пусть поспит.

Услышав шум, Ордухан вглядывается в темноту.

АШРАФ. Куда ты смотришь?

ОРДУХАН. Кто-то идет.

Из темноты появляется полицейский Нагдалы и направляется к ним.

НАГДАЛЫ. Кто здесь Ашраф?

Ашраф и Ордухан с удивлением и страхом переглядываются.

АШРАФ. Какой Ашраф?

НАГДАЛЫ. Откуда мне знать, какой Ашраф? *(Копается в кармане.)* Вас здесь всего двое. Много среди вас Ашрафов? (*Наконец достает из кармана клочок бумаги, подносит к свету и читает.)* Ашраф Гарибзаде!

АШРАФ. Это я.

НАГДАЛЫ. Где палатки?

АШРАФ. Если посмотришь в ту сторону, то все увидишь.

НАГДАЛЫ. Послушай, мне нужна новая палатка. Мне сказали, что это ты раздаешь палатки. Она нужна не мне, прибыли новые переселенцы, они ждут.

АШРАФ. Какие переселенцы? Какой еще район захватили?

НАГДАЛЫ. Никакой. Со взятием районов уже покончено. Уже не те времена. У этой женщины ревматизм, поэтому ее послали на равнину.

ОРДУХАН. Ты что, сынок, пришел таким взвинченным? Присядь, отдохни.

НАГДАЛЫ *(садится).* Как можно быть спокойным, когда тебя будят среди ночи и посылают на пустырь, который находится в пятнадцати километрах от города?

АШРАФ*(смеется).* На этом пустыре мы живём, причем, давно живем, но мы же не говорим, как ты. *(Ордухану, но так, будто разговаривает с собой.)* Все это свидетельствует о том, что пришла пора двигаться.

НАГДАЛЫ *(видит на столе стакан с чаем).* Нельзя ли выпить стакан чая?

АШРАФ. Гостю можно. Но, кажется, он будет холодным. *(Идет к самовару.)* Ордухан, ступай, скажи водителю, чтобы подавал машину сюда.

ОРДУХАН. Почему сюда?

АШРАФ. Пусть эти переселенцы поживут у меня в вагоне. *(Ордухан замирает. Не находит ответа.)* Иди. Я найду, где мне прикорнуть.

ОРДУХАН. Если за рулем Камаз Сабир, сюда не подъедет.

АШРАФ. Да плевать на Камаз Сабира. Скажи, пусть придёт и заберет свою помощь. Скажи. Ради гуманитарной помощи подъедет.

Ордухан выходит.

НАГДАЛЫ *(кричит в темноту).* Если и это не поможет, скажешь, за ним придет полицейский! *(Смеется, после паузы – Ашрафу.)* Почему вы живете в вагонах?

АШРАФ. А нам палаток не досталось.

НАГДАЛЫ. Как это? Ты раздаешь палатки и не оставил себе?

АШРАФ. Если б ты раздавал палатки, то оставил бы детей под открытым небом и взял бы себе палатку? *(Нагдалы ничего не отвечает. Внимательно смотрит на Ашрафа.)* Я пойду. В вагоне кое-что осталось, заберу.

НАГДАЛЫ. Погодите минутку… Вы случайно не тот самый Ашраф?

АШРАФ *(застигнут врасплох, не оборачиваясь к Нагдалы).* Какой Ашраф?

НАГДАЛЫ *(смеется).* Опять «какой Ашраф»… Спасший жителей целого села от истребления!

АШРАФ. Тридцать человек, всего только тридцать человек… А насчет жителей всего села – это сказка.

НАГДАЛЫ. Пусть будет тридцать. Вы тот самый Ашраф или нет?

АШРАФ. Нет, тот Ашраф погиб. Да и пусть я буду тем Ашрафом, что в этом плохого? В той ситуации кто-нибудь обязательно сделал бы это. И ты тоже, и я…

НАГДАЛЫ. Я и не говорю, что это плохо. Ты уж прости меня, просто у меня манера такая, соответствует моей работе. Наверное, я ошибся… *(Пауза.)* А откуда ты

узнал, что там было всего тридцать человек?

АШРАФ. Память хорошая. Во всяком случае, мы, беженцы, об этом знаем.

НАГДАЛЫ. А что вы еще знаете?

АШРАФ. Об этом говорить не стоит.

НАГДАЛЫ. Я, например, знаю, что он не смог спасти своего раненого брата. Чтобы спасти те тридцать человек, он вынужден был застрелить своего страдающего брата.

АШРАФ. Это было давно…

НАГДАЛЫ. Ладно, простите меня. Я не хотел бередить ваши раны. Не подумайте, что я виню его в чем-то или что-то еще… Напротив, как говорится, он поступил, как настоящий мужчина. Не каждый смог бы так, в той ситуации любой мог бы астеряться…

АШРАФ. Закончим этот разговор. Зачем говорить о том, что было давно. И такого мужества я никому не пожелаю. С вашего позволения, я пойду, освобожу вагон *(выходит).*

НАГДАЛЫ. Да, конечно… И я пойду, кажется, Камаз Сабиру нужна помощь.

После ухода Нагдалы наступает тишина и безлюдность, в это время открывается дверь вагона. Полусонная Сарыгюль стоит на ступеньках и оглядывается.

САРЫГЮЛЬ *(зовет сонным и тихим голосом).* Мухтар…

Сарыгюль вновь уходит в вагон и закрывает за собой дверь.
Из репродуктора начинает доноситься ритмичный звук едущего поезда.

Затемнение.

Картина вторая

Утро. Звук поезда уже не слышен. Ашраф спит, укутавшись в одеяло, на скамейке, которая находится между вагоном и столом. Его голова накрыта одеялом, поэтому сразу и не различишь спящего. За скамейкой с наружной стороны вагона повешен ковер. На ковре – старинное ружье и узелок. СЮСАН подходит к вагону, проверяет, высохло ли белье. Снимает несколько высохших простыней и идет к вагону.

СЮСАН *(зовет)*. Тетя Сарыгюль! Тетя Сарыгюль!

На ее крик просыпается Ашраф. Сюсан испуганно вскрикивает и отходит назад.

АШРАФ *(вытаскивает голову из-под одеяла).* Сюсан, дочка, ты пришла?

СЮСАН. Дядя Ашраф? Как вы меня напугали. Почему вы спите здесь?

АШРАФ *(зевая, смеется).* Меня выгнали из дома.

СЮСАН *(смущенно).* Как вы можете смеяться над этим кошмаром?.. Я никогда не смогла бы…

АШРАФ. Ой, доченька, не обижайся, говоря «дом», я имел в виду этот вагон.

СЮСАН. Этот вагон? Не может быть. Кто же вас выгнал? Этот старый хрыч?

Сейчас я пойду и скажу ему, что надо!

АШРАФ. Нет, нет, Сюсан, дочка, не трогай никого. Это я пошутил. Никто меня не выгонял. Просто пришли новые поселенцы, вот я и отдал им свой вагон. Но пусть это останется между нами.

СЮСАН. Будь спокоен, дядя Ашраф, я твою тайну никому не выдам.

Из вагона выходит Сарыгюль.

САРЫГЮЛЬ. А, Сюсан, это ты? *(Замечает Ашрафа.)* Ашраф, в каком ты виде? Ты что, не спал ночью?

АШРАФ. Спал, невестушка.

СЮСАН. Прибыли новые беженцы, дядя Ашраф отдал им свой вагон. А сам спал здесь *(показывает на скамейку).*

АШРАФ. Это называется, женщина хранила тайну. Кадыка ведь у них нет…

САРЫГЮЛЬ. А почему здесь? В собственном вагоне тебе не нашлось места?

АШРАФ. Там поселилась женщина.

САРЫГЮЛЬ. А почему ружье повесил напоказ? Придут и отнимут у тебя.

АШРАФ. Не бойся, невестка. Его у меня не отнимут. Это ружье не опасно. Настоящее оружие у нас давно отобрали. Во время войны. А это – музейный экспонат. Единственное наследство, оставшееся мне от дедушки. Оно здесь висит временно, как и мы сами. *(Кашляет.)*

САРЫГЮЛЬ. Ты простудился. Надо было разбудить меня. Сказал бы, я бы постелила тебе внутри, мог бы поспать.

АШРАФ. Я не хотел беспокоить тебя. Спать на открытом воздухе – особое наслаждение.

САРАГЮЛЬ. Для нас не может быть никакого наслаждения от сна на открытом воздухе. Вставай! Вставай, иди, поспи внутри. Ты, наверное, всю ночь мучился от этой стукотни *(указывает на репродуктор).* По лицу видно. (*Ашраф встает и собирается войти в вагон.)* Братец Ашраф, а кто такие эти новые переселенцы?

АШРАФ. Одна больная женщина. Бедняжка, совсем ходить не может, на ногу не может ступить. *(Входит в вагон и закрывает дверь.)*

САРЫГЮЛЬ. Сюсан.

СЮСАН. Да.

САРЫГЮЛЬ. Как твоя тетя?

СЮСАН. Неплохо. Передавала тебе привет.

Открывается дверь вагона и появляется Ашраф с кастрюлей в руках.

АШРАФ. Невестушка, отнеси эту еду той женщине *(показывает на свой вагон).* Пусть подогреет и поест.

САРЫГЮЛЬ. Это твой паёк.

АШРАФ. Я не хочу есть. Она целый день была в дороге. А еще и машина испортилась. Поэтому они доехали только к вечеру. Отнеси ей. А я пару часов посплю.

Сарыгюль берет кастрюлю, Ашраф снова входит в вагон и закрывает дверь. Сюсан наконец-то собрала белье.

СЮСАН. А я отнесу белье.

САРЫГЮЛЬ. Отнеси, доченька. И к тому же узнай, есть ли у них хлор, принеси, а то у меня уже закончился.

Обе уходят. С озера, находящегося неподалеку, изредка слышится шуршание камышей и кваканье лягушек. Появляется юноша с рюкзаком за спиной, оглядывается, словно изучает каждую деталь, подходит к вагону. Увидев ковер, висящий на стене вагона, останавливается, долго смотрит на ковер, на ружье, прикасается к висящему на ковре узелку. Потом, сняв со спины рюкзак, ставит его на стол, открывает, достает из него завернутый в бумагу бутерброд. Устраивается удобней за столом и начинает есть. Этот молодой человек – Ровшан.

Торопливо возвращается Сюсан. Увидев Ровшана, вздрагивает.

РОВШАН *(вскакивает и поправляет волосы).* Разве я настолько страшный?

СЮСАН. Кто вам нужен?

РОВШАН *(протягивая ей бутерброд).* Хочешь поесть?

СЮСАН. Я тебя не знаю, а ты следи за словами. Я спросила, кто тебе нужен?

РОВШАН. Красавица! Вот я увидел тебя, и больше мне никто не нужен.

СЮСАН. Ты очень наглый! А теперь, как пришел, так и уходи отсюда, не то плохо будет.

РОВШАН. Грубость тебе не идет.

СЮСАН. Я сама знаю, что мне подходит, а что нет. Скоро ты не так заговоришь.

РОВШАН. О! Ты еще и гадалка...

СЮСАН. Слушай, кто ты такой?

РОВШАН. Ага! Значит, ответ на первый вопрос принят. Мы уже знаем, кто мне нужен. Перейдем ко второму. Кто я такой? Я – юноша на белом коне, принц, дарящий во сне цветок.

СЮСАН. Ты больше похож на туриста. Откуда ты?

РОВШАН. Из Баку.

СЮСАН. Ну, осчастливил! Это можно понять по твоей наглости.

РОВШАН. У тебя превратное мнение о бакинцах, красавица.

СЮСАН. А я о них вообще не думаю.

РОВШАН. Это неважно, я вообще не бакинец.

СЮСАН. А это твои личные проблемы. Ты уходить не собираешься?

РОВШАН. Дай мне хоть спокойно доесть.

СЮСАН. В человеке должна быть и застенчивость.

РОВШАН *(продолжая жевать).* Спасибо. Разрешите присесть?

Сюсан не отвечает, с недовольством качает головой и начинает подметать двор. Ровшан садится и неспеша ест бутерброд. Возвращается Сарыгюль с пустой кастрюлей в руках. Увидев Ровшана, останавливается.

САРЫГЮЛЬ *(взволновано).* Сюсан, кто этот молодой человек?

СЮСАН. Не знаю, тетя Сарыгюль. Пришел и уселся здесь.

РОВШАН *(еле слышно).* Это я, мама…

СЮСАН. Я ему уже тысячу раз говорила, чтобы уходил… Он не туда попал…

РОВШАН. Мама, эта девушка меня выгоняет!

СЮСАН. А он все не уходит…

САРЫГЮЛЬ. Мухтар… Мухтар! *(Теряет сознание, падает, роняет кастрюлю.)*

СЮСАН. Что с вами, тетя Сарыгюль? *(Бежит к ней на помощь.)*

Из вагона выходит Ашраф.

АШРАФ. Что такое? Что случилось?

РОВШАН *(при виде Ашрафа).* Как?! Мухтар?! Мой отец? *(Выбегает.)*

АШРАФ. Это ещё кто? Что с ней? Винтовка на месте?

СЮСАН. Я не знаю, кто это был, откуда пришел сюда. Он назвал тетю Сарыгюль мамой. И та упала.

АШРАФ. Щенок! Если я его поймаю, затопчу.

Ашраф со стаканом воды подходит к Сарыгюль.

СЮСАН *(берет стакан из рук Ашрафа, старается напоить Сарыгюль).* Сильно не бейте его, дядя Ашраф.

АШРАФ. Ты не узнала его?

СЮСАН. Нет, не узнала. *(Пауза.)* Может…

АШРАФ. Может, что?

СЮСАН. Может, он действительно сын тети Сарыгюль?..

АШРАФ. Молчи!

СЮСАН. Дядя Ашраф… Он пришел издалека… Говорил, якобы, пришел из Баку.

АШРАФ *(неожиданно задумывается.)* Конечно… конечно… Нет! Не может быть.. Не может быть!..

СЮСАН. Почему не может быть? Ведь сами говорили, что он пропал без вести.

АШРАФ. Молчи, дочка! Мы его столько искали, столько ждали, но ничего не получилось. А теперь все начинать снова? Что только ни перенесла его мать… Не заставляй нас снова мучиться. *(Пауза.)* Что я еще мог сказать? Мы не нашли его ни живым, ни мертвым. Уже прошло шесть лет. И никаких вестей от него. Последний раз я видел его убегающим. А потом – беспрерывные взрывы.

СЮСАН. Тогда найди его, дядя Ашраф, кем бы он ни был, всыпь, как следует.

АШРАФ. Что значит – всыпь? Я ему ребра переломаю. Правда, не знаю, получится или нет… Я никогда еще не бил тех, кто младше меня. *(Поспешно уходит)*.

Сарыгюль постепенно приходит в себя.

САРЫГЮЛЬ. Что со мной было?

СЮСАН. Ничего… тетя Сарыгюль. Небольшое головокружение. Вы совсем за собой не следите. Сколько можно работать голодной?

САРЫГЮЛЬ. Кажется, я здорово ушиблась. Все тело болит. *(Вдруг кричит.)* Сюсан! Мой сын был здесь, ты видела?

СЮСАН. Нет, тетя Сарыгюль. Это вам показалось.

САРЫГЮЛЬ. Мухтар не так приходит. В этот раз я слышала и запах. *(Пауза.)* Ночью мне что-то приснилось, я не поняла, но что-то происходит. Дай Бог, чтобы все хорошо закончилось. Наверное, и Мухтар так говорил.

СЮСАН. Что говорил?

САРЫГЮЛЬ. Все будет хорошо, говорил он. Сюсан! Вот увидишь, это мой сын!

СЮСАН. Тетя Сарыгюль… Давай войдем внутрь, ты немножко полежишь, придешь в себя.

САРЫГЮЛЬ. Но голос был не его. Голос очень погрубел. Вчера Мухтар тоже говорил о голосе…

СЮСАН. Пойдем… *(помогает ей подняться)* Я заварю для тебя свежий чай..

САРЫГЮЛЬ. Да, кажется, придется лечь. Ты уж прости меня, у меня все тело в ушибах. Я не смогу тебе помочь. *(Хочет войти в вагон.)*

Поспешно появляются Ашраф и Ровшан.

РОВШАН. Мама!

Сарыгюль некоторое время смотрит в сторону голоса, потом, спустившись по лестнице, иногда поглядывая на Сюсан, идет к Ровшану. Ровшан тоже идет к Сарыгюль. Они обнимаются.

Затемнение.

Действие второе

Картина третья

Вечереет.
Сюсан снимает с веревок белье, выходит на переднюю часть сцены и начинает аккуратно складывать его в таз. Складывая белье, задумывается и начинает беззвучно пересчитывать белье в тазу. Потом поднимает таз и заглядывает под него. Из-за вагона появляется закутанный по самую голову в белую простыню Ровшан и тихими шагами подбирается к Сюсан. Сюсан видит его и подбоченивается.

РОВШАН. Было время, и я смотрел, как ты сейчас. А теперь я стал несчастной тенью этой земли. Да, я тень молодого человека, исчезнувшего в разочаровании. Без признаний в любви, без познания жизни, и в таком молодом возрасте…

СЮСАН *(продолжая)…* то есть, недоразвитый *(снимает простыню с Ровшана).*

РОВШАН. Ты – храбрая девушка. Даже мертвых не боишься?

СЮСАН. Мне уже нечего бояться, сейчас я больше боюсь живых.

РОВШАН. А как насчет духов мертвецов? Их тоже не боишься?

СЮСАН. Настоящие духи бывают невинными, им нет дела до живых, а с наглыми я еще не встречалась.

РОВШАН. То есть, с такими, как я?

СЮСАН. Я хочу дать тебе совет. Больше так не шути! Вдруг здесь окажусь не я, а тетя Сарыгюль! Бедняжка только-только начала приходить в себя.

РОВШАН. Значит, запрещается и шутить! Кстати, а где моя мама?

СЮСАН. По соседству, ухаживает за тетей Телли.

РОВШАН. Да она сама нуждается в помощи.

СЮСАН. А за ней ухаживаю я.

РОВШАН. Это я знаю… но…а кто такая эта тетя Телли

СЮСАН. Больная женщина, живущая в вагоне дяди Ашрафа. Я в пятый раз повторяю. Научись запоминать имена своих соседей. Твоя мама день и ночь ухаживает за ней. А ты даже имени ее не можешь запомнить. Видишь, таз, полный простыней?

РОВШАН. Да! Это тети Телли?

СЮСАН. Нет! Возьми и пойдем.

РОВШАН. Слушаюсь. Давно бы так! А то с утра бездельничаю.

Ровшан берет таз и идет за Сюсан. В двери вагона появляется Сарыгюль с альбомом в руках. Сюсан и Ровшан останавливаются. Видно, что они удивлены.

СЮСАН. Ой, тетя Сарыгюль?!

РОВШАН. Мама?! А мне сказали, что ты у соседей.

САРЫГЮЛЬ. А где же еще? Рядом с Телли должен быть кто-то или нет?

РОВШАН. А что у тебя в руках?! Фотографии? Наши?

САРЫГЮЛЬ. Не наши, а чьи же? Идите, занимайтесь своим делом.

Сарыгюль идет в сторону соседнего вагона.

РОВШАН. Собственно говоря, это не моя работа.

Сюсан, а за ней Ровшан уходят со сцены. Сарыгюль возвращается, поднимается по ступенькам и с удовлетворением смотрит им вслед. Издали слышится звук приближающейся и остановившейся машины. Входит Ашраф, укладывает на стол большие куски полиэтилена, взглядом измеряет стены вагона. Потом разворачивает куски, прикладывает их к стене вагона и задумчиво разглядывает. Сарыгюль безмолвно наблюдает, потом спустившись со ступенек, подходит к Ашрафу.

АШРАФ. В таком большом лагере нет сантиметра, чтобы нормально измерить.

САРЫГЮЛЬ. Так ведь у тебя самого был.

АШРАФ. Да мой ходит по лагерю, и никто не может поймать его.

САРЫГЮЛЬ. Ну, если ходит, то когда-нибудь зайдет и к тебе в гости.

АШРАФ. Пока зайдет, комары сожрут меня. Утром от меня останется скелет.

САРЫГЮЛЬ. Работы много?

АШРАФ. Если так пойдет дальше, то, кажется, много.

САРЫГЮЛЬ. Тогда остановись, уже вечер. И эту ночь поспи в машине Ордухана, завтра все сделаешь.

АШРАФ. В эту ночь машина Ордухана нужна будет ему самому.

САРЫГЮЛЬ. А что случилось? Его уже в дом не пускают?.. в палатку то есть?.. Так вы вдвоем поместитесь в одной машине.

АШРАФ. Машина нужна Ордухану для того, чтобы уехать в город.

САРЫГЮЛЬ. А что ему делать ночью в городе? Нельзя, чтобы он уехал завтра? Он уедет, а ты с утра возьмешься за свою работу.

АШРАФ. Послушай, невестушка, что случилось, что ты нас толкаешь в беготню?

САРЫГЮЛЬ. Напротив, я не хочу, чтобы вы все делали в беготне, а делали все спокойно.

АШРАФ. Ну, ладно! Предположим, что они поженились. Ну!

САРЫГЮЛЬ. Ага!

АШРАФ. Ага! А потом? Где они будут жить?

САРЫГЮЛЬ. У себя, друг у друга.

АШРАФ. Ну, допустим, так поживут месяц, два, три… Приближается зима, невестушка. А у них дети появятся?

САРЫГЮЛЬ. С Божьей милостью! *(Ашраф гневно бросает на стол то, что держит в руках.)* У твоего брата всего один ребенок! Если он не женится, то здесь не останется. Я не хочу снова терять его. Хочешь, чтобы он снова сбежал? Не хочешь разве, чтобы он женился и был счастлив?

АШРАФ. Да откуда ты знаешь? Может, холостым он станет еще счастливей?

САРЫГЮЛЬ. Хорошо, а что же ему делать? Остаться холостым, как ты? Где еще он найдет такую девушку, как Сюсан?

АШРАФ. Нигде. Но Сюсан нравится тебе, так дай им возможность понравиться друг другу. Дай им возможность лучше познакомиться. Откуда знать, может, они друг другу не понравятся, может, поссорятся? Может, они вовремя поймут это?

САРЫГЮЛЬ. Так и я о том же, надо дать им возможность лучше познакомиться. Ради Бога, к их появлению здесь ты исчезни. Ровшан очень стесняется тебя.

АШРАФ. Договорились! Я пошел! (*Видит, что Сарыгюль испытующе смотрит на него.)* Я ухожу, здесь не задержусь, ухожу! (*Сарыгюль уходит, Ашраф, повернувшись к стене вагона, снова начинает измерять доску. Измеряет свой рост, берет камень и отмечает его, ворча про себя).* Лучше быть холостым, как я, чем семейными, как вы. По крайней мере, могу спать, где захочу. *(Входит Ордухан с топором и досками.)* Вижу я женатых. Вот и Ордухан женат. Очень повезло. *(Оглядывается и видит Ордухана.)*

ОРДУХАН. Ты о каком Ордухане?

АШРАФ. Да обо всех. А ты предупреждай, когда подходишь.

ОРДУХАН. О чем предупреждать? Разве мы не приехали вместе? Я искал этот топор в багажнике.

АШРАФ. Зачем тебе топор? Мне нужен молоток.

ОРДУХАН. С одной стороны он топор, а с другой – молоток.

АШРАФ. Но ведь топор – вещь тяжелая.

ОРДУХАН. Да. Топор – очень тяжелая вещь. По сути, ты прав; я никогда не жалуюсь, но один Бог знает, что приходится выносить женатому Ордухану.

АШРАФ. Да! Видишь? Сейчас, когда придет невестушка, расскажешь ей, что тебе приходится выносить. Может, тогда она передумает женить мальчика.

ОРДУХАН. А сам мальчик хочет жениться?

АШРАФ. Откуда мне знать! Мне хватит и того, что он нашелся живым. Об остальном я не думаю. Я рассказывал тебе, как он пропал?

ОРДУХАН. Ты рассказывал мне только о том, как он умер.

АШРАФ. Мы тогда решили, что он умер. Что еще могло прийти нам в голову?! Оглянулись, а его нет с нами... Он же был ребенком… Всю дорогу плакал о своем велосипеде. Мы с его отцом вышли, чтобы найти его. Но куда там, ребенка не было… Мухтара убило снарядом… да что там… Вот мать и хочет женить сына, который нашелся после такого случая… А я не хочу. Слава Богу, что он нашелся живым и здоровым. Если он после женитьбы сбежит – это будет позором… Кажется, они идут. Нас здесь не должно быть. Оставь, что принес, и пойдем. Не станем им мешать.

ОРДУХАН. Но ведь, если я правильно понял, им надо именно помешать, чтобы они не женились.

АШРАФ. Нет, нет, чем больше они будут вместе, тем лучше.

ОРДУХАН. Что ты говоришь? Их нельзя оставлять вдвоем.

АШРАФ. Пошли, пошли! Сейчас не время. Пусть они лучше узнают друг друга, может, поссорятся. Может, возненавидят друг друга. Не хочу, чтобы это случилось из-за нас. Если спросят, нас здесь не было. *(Уходит, таща за собой Ордухана.)*

Входят Ровшан и Сюсан. Молчат. Ровшан задумчив. Сюсан поднимается по лестнице и заглядывает в вагон.

СЮСАН. Опять никого нет. Зачем же я пришла сюда?

РОВШАН. Чтобы дать лекарство моей маме.

СЮСАН. Твоя мама больше не принимает лекарств. Осталось только немного таблеток. Если захочет, ты тоже можешь дать их ей.

РОВШАН *(молчит)…* Не знаю… Иногда мне кажется, что я здесь в заключении. Вроде бы я пришел сюда, чтобы освободиться, но попал в тюрьму. И с каждым днем приближается время, когда дверь за мной захлопнется. *(Пауза.)* Почему ты молчишь? Я попал в заключение свободы… Пленник свободы…

СЮСАН. Не мучайся понапрасну. Твои мысли меня больше не интересуют.

РОВШАН. Да что я такого сказал, что ты говоришь таким обиженным тоном.

СЮСАН. Ничего ты мне не сказал. Просто не понравились твои подозрения. А мне не по душе люди с червоточиной.

РОВШАН. Ну, спасибо! На ровном месте ты во мне и червя нашла.

СЮСАН. А как же?.. Я задам тебе вопрос.

РОВШАН. Какой вопрос?

СЮСАН. Если б умер твой брат, ты бы стал поглядывать на его вдову?

РОВШАН. Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что у меня нет братьев.

СЮСАН. Ты увиливаешь от ответа! Предположим, у тебя был женатый брат, и он умер, а жена его осталась вдовой. Ты стал бы соблазнять ее или нет?

РОВШАН. Не соблазнять, а жениться.

СЮСАН. Пусть жениться. Ты женился бы на ней?

РОВШАН. Да я лучше умру! Если речь идет только обо мне, я бы на это не пошел. Но дело в том, что религия позволяет это.

СЮСАН. Ни один уважающий себя мужчина не женится на овдовевшей жене своего брата. Это мое последнее слово. И больше об этом не говори. Тема закрыта.

РОВШАН. Не закрывай совсем! Пусть останется немного приоткрытой.

СЮСАН. Ты снова хочешь вернуться к старому разговору? Если все, что я говорила, не имеет никакого значения, почему же ты снова и снова говоришь об этом? Иди и спроси у своего дяди.

РОВШАН. Дядя – одно, а ты – другое!

СЮСАН. Спокойной ночи! Постарайся не забыть дать маме зеленую таблетку прежде, чем она ляжет спать. *(Сюсан идет к выходу.)*

РОВШАН *(делает несколько шагов в ее сторону).* Уже стемнело.

СЮСАН. Я спокойно дойду. *(Выходит.)*

Ровшан возвращается и задумчиво садится на ступеньки. С противоположной стороны Ордухан и Ашраф подходят к вагону. Ровшан их не видит.

ОРДУХАН *(Ашрафу).* Ты постой здесь, я сам поговорю с ним, осторожно, намё-

ками все объясню ему!

С противоположной стороны раздается крик Сюсан. Ашрафу с Ордуханом остается только наблюдать, как Ровшан радостно выбегает.

АШРАФ. Пошел провожать девушку.

Ордухан задумчиво смотрит вслед Ровшану, а Ашраф разглядывает материалы и инструменты, лежащие на столе.

ОРДУХАН. О чем думаешь? Ничего не трогай. Я завтра с утра приду, и мы потихоньку все сделаем.

АШРАФ. Я думаю не об этом.

ОРДУХАН. А о чем?

АШРАФ. Я перед выбором. Важно и наше дело, и его женитьба тоже важна. Пока не женю его, никуда пойти не смогу. Жалко будет, если вдруг со мной что-то случится, они не смогут пожениться. Придется ждать им год после моей смерти.

ОРДУХАН. Тогда я тем более должен поговорить с ним, если он хочет жениться, то пусть делает это скорее, тогда и мы сможем заняться своими делами.

АШРАФ. Поженим их, и прямо сейчас сделаем несчастными. Разве их не жалко? Ведь они еще молоды…

ОРДУХАН. А что же нам тогда делать, Ашраф?

АШРАФ. Не знаю. Если я поженю их, а потом умру, они останутся без опоры.

ОРДУХАН. Тогда подождем… *(Пауза.)* Сегодня утром наш Акиф уже спрашивал меня, мол, как там… Он очень подлый человек, этот Акиф. Я велел ему заткнуться. Говорил, что его брат… *(Замолкает.)*

АШРАФ. Что он говорит? Чей брат?

ОРДУХАН. Он о тебе говорил. Говорил, что скоро и его брат найдется, и тогда он обо всем забудет. *(Ашраф смущается. Ордухан для того, чтобы переменить тему разговора, копается в карманах, достает оттуда ключ и протягивает Ашрафу. Ашраф словно не видит его. Ордухан кладет ключ на стол.)* Я положил ключ. И эту ночь спи в машине, а завтра с утра посмотрим, в чем там дело. Утро вечера мудренее… Я пойду. *(Идет в сторону выхода.)*

АШРАФ. Ордухан! *(Ордухан останавливается и оглядывается в сторону Ашрафа.)* Ты тоже так думаешь?

Пауза.

ОРДУХАН. Разве я не сказал, что не дал ему говорить? Едва он открыл рот, как я заткнул его.

АШРАФ. Ордухан, если мы с тобой пойдем туда, и если там ты увидишь, что я ранен и ни на что не гожусь, не жди, выстрели мне в голову. Дай мне слово, что сделаешь все, как я сказал!

ОРДУХАН. Нам еще предстоит дойти туда.

АШРАФ. Нет, дай мне слово здесь!

ОРДУХАН. Ладно. Я сделаю так, как ты говоришь.

Ордухан выходит.
Ашраф какое-то время остается один. Входит Сарыгюль.

САРЫГЮЛЬ. Что-то очень тихо.

АШРАФ. Да! Очень опасная тишина. Такая тишина бывает, когда люди мирятся с несправедливостью. *(Вдруг словно приходит в себя.)* Невестушка, ты еще не спишь?

САРЫГЮЛЬ. Я была у Телли. Что это ты такой задумчивый?

АШРАФ. А свои лекарства ты выпила?

САРЫГЮЛЬ. Нет, не надо.

АШРАФ. Как это – не надо? Если бы было не надо, врач так бы и написал. Ты еще ни разу не проверялась. Надо на днях сходить к врачу.

САРЫГЮЛЬ. Да что врач мне сделает? Воскресит умершего?

АШРАФ. Врач нужен не твоему покойному мужу, а тебе. Слава Богу, что теперь нашелся и твой сын. Ты должна быть старшей для него.

САРЫГЮЛЬ. Дай Бог тебе здоровья! Пока есть ты, какая же я старшая?

АШРАФ. В любом случае надо сходить к врачу. *(Вдруг, словно проверяя.)* Невестушка! *(Пауза.)* Мухтар снова появляется?

САРЫГЮЛЬ *(смущенно, словно раскрыли ее тайну).* Нет, Ашраф, Мухтар больше не приходит. Да и как бедный Мухтар может явиться? Ведь он умер. Не знаю, от действий лекарств или после появления Ровшана, но я вроде бы пришла в себя. Не желала бы пережить всё заново.

АШРАФ. Извини, невестушка, не хотел беспокоить тебя. Ты устала. Я тоже пойду посплю. *(Ашраф забирает ключ. В это время из репродуктора слышится стук колес едущего поезда.)* Ну вот, а ты говорила, что тихо. Теперь можешь спать спокойно. Что-то сегодня поздно начал.

САРЫГЮЛЬ. А я-то думаю, почему спать не хочется. *(Поднявшись по ступенькам, входит в вагон.)*

Ашраф уходит.
Звук поезда продолжается. Из темноты выходит Ровшан. Входит в вагон матери. Скоро выходит из вагона с рюкзаком за спиной, подходит к столу, берет топор и подходит к столбу, на котором репродуктор. Когда сцена темнеет, слышен стуки топора о столб. Шум поезда резко обрывается.

Картина четвертая

Утренний полумрак. В темноте слышится голос машиниста Сарвана.

САРВАН. Мама-а! Ты знала?! Ты знала, что рожденный тобой ребенок станет жертвой хищной старости?! Я не заслужил такого бесславного конца! Мама-а! Ты знала, что твой сын, после того как превратится в тряпку, закончит жизнь в степи среди волков?! Знала?!

Входит Ашраф и приближается к машинисту Сарвану, сидящему под столбом.

АШРАФ. Сарван-киши?! Что случилось, что ты причитаешь с утра пораньше?

Или шума поезда тебе мало? Что случилось? Кто умер?

САРВАН *(смотрит на Ашрафа).* Если знала, то почему родила меня?

Ашраф смотрит на топор в его руке, потом начинает оглядывать со всех сторон электрический столб.

АШРАФ. Кто же это сделал? Дурдом, честное слово!

САРВАН. А то ты не знаешь.

АШРАФ. Эх, ты… если б это был я, то сделал бы это давно.

САРВАН. А кто же принес топор?

АШРАФ. Я принес. Не было молотка, а нашел топор. Вон туда посмотри, видишь, палки валяются?.. Я тебя не виню. Да и кто у тебя еще есть для подозрений?!

САРВАН. Тогда, значит, меня предупреждают. Сегодня они режут провода, а в следующий раз меня самого порежут.

АШРАФ. Сейчас я спрошу у Ровшана, не слышал ли он какого шума. Потерпи. *(Подходит к двери вагона и тихо зовет.)* Ровшан!

САРВАН *(говорит сам с собой).* То есть он хочет сказать, что мою жизнь тоже вот так вот может разрубить. Ведь это были воспоминания моей жизни. Кому это мешало? Это были звуки моей жизни.

АШРАФ *(зовет громче).* Ровшан!

САРВАН. Угрожает! Предупреждает. Мы, говорит, поручили тебе поезд, куда же твои глаза смотрели? Такой инвентарь превратил в общежитие!..

АШРАФ *(стучит по поручню).* Ровшан!..

Выходит сонная Сарыгюль.

САРЫГЮЛЬ. Что-то случилось? Кто там? Что-то с Телли?

АШРАФ. Нет, с Телли ничего не случилось…Ты ночью шума не слышала?

САРЫГЮЛЬ. Какого шума?..

САРВАН. Наконец-то разрушили. И это их благодарность.

САРЫГЮЛЬ. Кого разрушили?

АШРАФ. Провода Сарвана разрубили топором. А я спал мертвым сном и ничего не услышал.

САРЫГЮЛЬ. А я-то думала, что случилось… Дайте хоть утро наступит. Да… Я только-только заснула… услышала какой-то шум… решила, что это ты опять что-то мастеришь, уже не стала выходить.

АШРАФ. Положение сложное. Он сейчас сойдет с ума.

САРЫГЮЛЬ. Куда же дальше, он и так сумасшедший!

АШРАФ. Спроси-ка у Ровшана, он ночью ничего не слышал?

Сарыгюль входит в вагон и тут же возвращается.

САРЫГЮЛЬ. Почему не горит свет?

АШРАФ. Оборвали и электрические провода! Разбуди-ка Ровшана.

САРВАН. Я так и знал, что в конце концов это случится. Они не умеют благодарить. Что же я им отвечу?.. Ашраф, я же тебе в свое время говорил: ступайте, живите в палатках. Ни тебе, ни мне не было бы обидно.

САРЫГЮЛЬ. Ровшана нет на месте!

АШРАФ. Как это нет? Он ночью не приходил?

САРЫГЮЛЬ. Кажется, приходил. А сейчас нету.

АШРАФ. Так где же он?

САРЫГЮЛЬ. Не знаю.

САРВАН. Какой фашист сделал это? Отчего подлеца не ударило током?! А-а-а-а! Почему вы лишаете меня сна?! Аш-раф! Аш-раф! Вот она, твоя благодарность. *(Проводит рукой по обрубленному проводу, падает на землю и плачет.)* Посмотри, как он разрубил, фашист! Он все разрубил топором. Я же говорил вам, уходите из этих вагонов. Освободите! Я же вам даже жилье дал, чтобы вы не остались на улице. И вот она, ваша благодарность?

АШРАФ. Да что же случилось, что мы тебе сделали?

САРВАН. Ты разрубил меня на куски! Разрубил! Вот этим топором.

АШРАФ. Только этого не хватало!

САРВАН. Ничего у меня больше нет! Не оставили ничего! Только этот звук. Но ты и его уничтожил!

САРЫГЮЛЬ. Что там случилось, Ашраф? О чем говорит этот сумасшедший.

АШРАФ. Сарван-киши, честное слово, я не в курсе. Сколько уже лет мы живем здесь. Разве ты видел от нас такое? Напротив, мы сами настолько привыкли к этому звуку поезда, что без него даже заснуть не можем. Я сам соединю, не переживай.

САРЫГЮЛЬ. Где же Ровшан? Почему мальчик снова ушел?

АШРАФ. Не в благоприятное время я тебя разбудил. Иди спать, а Ровшан где-то здесь.

Сарыгюль садится на ступеньки.

САРВАН. Вот и все! Освобождайте вагоны! Соберите вещи свои! И ничего здесь не оставляйте!

АШРАФ. Послушай, ты что, хочешь из-за куска проволоки выгнать нас? Что мы тебе сделали? Я же сказал тебе – присоединю.

САРВАН. Трудно будет присоединить то, что ты легко разрубил.

АШРАФ. Повторяю, это не я сделал! Неужели в этом возрасте стану врать тебе?

САРВАН. Как хотите! Я получил приказ, а завтра прибудет локомотив, тогда уж на меня не обижайтесь. Прицеплю вагоны, и утром увидите, что от общежития ничего не осталось.

АШРАФ. И куда ты поедешь?

САРВАН. А вам какое дело?! Куда я, туда и поезд.

АШРАФ. Лишь бы твой локомотив прибыл, мы с удовольствием покинем.

САРЫГЮЛЬ. О чем говорит этот сумасшедший? Хочет уехать с вагоном, пусть уезжает! А кто не уедет, чтобы житья ему не было! Пусть сдохнет у себя в вагоне! А то все твердит, уеду-уеду, уеду-уеду. Так уезжай, посмотрим, где остановишься.

САРВАН. А это не ваше дело – куда я смогу доехать. Куда прикажут, туда и поеду! Вот увидите! Я с вами нянчиться не буду! *(Идет в сторону своего вагона и скрывается из виду.)*

АШРАФ. Невестушка, ты тоже иди спать, это утро, кажется, не задалось *(Садится на край стола. Сарыгюль идет в свой вагон. Входит Ордухан.)* И ты тоже пришел на шум?

ОРДУХАН. Я же говорил, что приду с утра и начнем строить твой дом. Да какой шум? Разве здесь был шум?

АШРАФ. Ты бы только слышал!

САРЫГЮЛЬ *(взволнованно выходит из вагона).* Ашраф! Ровшан, кажется, убежал! И вещей его нет!

Все удивленно переглядываются. Сарыгюль задумчиво садится на ступеньки.

ОРДУХАН. Не переживай, невестушка. Далеко он не убежит, мы его найдем.

САРЫГЮЛЬ. Когда он сбегает, найти его невозможно…

АШРАФ. Да и зачем ему убегать?.. Не хотел жениться, так бы и сказал…

САРЫГЮЛЬ. Что же получается, он сбежал из-за меня? Может, он где-то здесь? *(Заходит за заднюю часть вагона, смотрит вдаль.)*

Незаметно появляется Мухтар и садится на ступеньки. Когда Сарыгюль возвращается, внезапно замечает Мухтара. Она, замерев, застывает на месте.

АШРАФ. Что случилось, невестушка? Что ты там увидела?

САРЫГЮЛЬ *(старается взять себя в руки).* Ничего…ничего. Пойду немного посплю… Утро вечера мудренее…

Мухтар задумчиво смотрит вдаль.

ОРДУХАН. Вот и твой племянник. Он хоть неделю прожил здесь?

АШРАФ. И полмесяца не прошло. Не выдержал лагерной жизни. А мы почему-то до сих пор терпим.

ОРДУХАН. И как же теперь будет?

АШРАФ. Как будет? Мы его теперь с трудом найдем. Мать его права, если он сбегает, то лет на пять-шесть.

ОРДУХАН. Даже матери ему не жалко.

АШРАФ. Знаешь, Ордухан, намедни Машинист Сарван говорил, каким униженным он проводит свою старость. А я не хочу когда-нибудь говорить так же. Поэтому мы должны закончить дело, которое начали. Да! Во всех наших несчастьях виноваты эти подлые армяне, и пока не поздно, мы можем что-то изменить. Но сначала надо соединить провода, а то останемся без света.

ОРДУХАН. Какие провода?

АШРАФ. Те, которые Ровшан изрезал у Сарвана и сбежал. Электропровод тоже изрезан. Пойдем в город, найдем монтера.

Уходят.

Мухтар встает, отворачивается и смотрит на вагон.
Дверь вагона сама по себе медленно открывается.
Затемнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Действие третье

Картина пятая

Стол и скамейка выдвинуты немного вперед. Между вагоном и скамейкой сооружение, напоминающее курятник – это новое место для сна Ашрафа. Внутри повешен тот же ковёр, на нём винтовка и узелок. Всё это еле заметно из-за полиэтиленовой занавески, которая заменяет дверь.
За столом сидит Ордухан. На ступеньках – глядящая вдаль Сарыгюль, рядом с ней задумчивая Сюсан.
Вечереет. Наружный и внутренний свет в вагоне погашены. На сцене полутемно. Ровшан сооружает на крыше вагона прожектор из автомобильной фары, Машинист Сарван смотрит на него снизу.

РОВШАН. Дядя Сарван, так нормально?

САРВАН. Эх, сынок, я – внизу, ты – наверху. Откуда мне снизу знать, чем ты там занимаешься? Ты свет включи, я посмотрю, куда он падает. Сможет он хотя бы осветить столб?

РОВШАН. Терпение, дядя Сарван, терпение! Сейчас увидишь! И столб осветит, и двор. После этого ни один козёл не сможет подойти к столбу.

САРВАН. Как хорошо, что ты вернулся, Ровшан! Ты во второй раз сделал свою мать счастливой. *(Сарыгюль, кажется, не слышит разговора. Ровшан по крыше вагона подходит и смотрит на нее.)* Осторожней, сынок, упадешь. Куда ты идешь?

РОВШАН. Я смотрю на маму, чтобы убедиться, правда ли она счастлива?

САРВАН. Счастье не проверяют сынок, это опасно!

ОРДУХАН. Сарван прав, смотри себе под ноги, а то накликаешь беду на нас в ночное время. Вот спустишься, потом всё, что хочешь, проверишь.

САРВАН. Ты лучше проверь прожектор!

СЮСАН. А при дневном свете это сделать было нельзя?

РОВШАН *(с сарказмом).* Я рад, что некоторые так беспокоятся за меня. Но, к сожалению, эти маленькие лампочки при дневном свете будут не видны.

СЮСАН. Брось философствовать, вот спустишься благополучно вниз, тогда поговорим.

РОВШАН *(возвращается на место).* А что тут проверять? Остается только соединить с аккумулятором. Все остальное готово… Это так… А это сюда… Все готово! Внимание. Приготовьтесь!..

Фара вспыхивает, освещая прикрепленный к столбу репродуктор. Машинист Сарван радостно аплодирует.

САРВАН. Молодец, Ровшан! Только, сынок, направь его чуть пониже. Пусть бьет прямо в лицо тому, кто подойдет.

РОВШАН. И это с удовольствием, дядя Сарван. Так хорошо?

САРВАН. Еще немного… Отлично. Теперь спускайся, сынок, большое тебе спасибо.

РОВШАН. Я сделаю так, дядя Сарван, чтобы ты из вагона мог включать и вы-

ключать это. Захочешь – включишь, захочешь – выключишь.

САРВАН. Большое спасибо! Увидишь, как я буду плясать на твоей свадьбе!.. Ты для меня свет провел, да пусть и жизнь твоя будет светлой.

Ровшан спрыгивает за вагоном и приходит во двор.

СЮСАН. Идем, тетя Сарыгюль. Пойдем спать, а то твои глаза уже закрываются. Да и Ровшан закончил свою работу.

САРЫГЮЛЬ. Теперь везде светло?

СЮСАН. Везде светло.

САРЫГЮЛЬ. А как же он теперь придет?

СЮСАН. Кто? Дядя Ашраф? Теперь он будет приходить совершенно спокойно, тетя Сарыгюль, пойдем.

Сюсан и Сарыгюль заходят в вагон. Входят Ашраф и Нагдалы.

АШРАФ. Откуда этот свет?

САРВАН. Уже поздно. *(Идет в сторону своего вагона.)*

РОВШАН. Погоди, дядя Сарван, это еще не все. *(Быстро входит в вагон и выходит оттуда с наушниками, показывает их Сарвану.)* Это я тоже принес тебе. Вот, смотри, это надеваешь на уши, а этот конец подключаешь к магнитофону и можешь слушать, сколько тебе угодно!

САРВАН. Сынок, я ничего в этом не понимаю. Спасибо за то, что ты это принес! Но оставь себе!

РОВШАН. Дядя Сарван, да что здесь такого сложного, чтобы ты не понял? Пойдем, я покажу тебе, куда включать.

Сарван и Ровшан уходят.

ОРДУХАН. Ровшан провел свет Сарвану. Осветил его столб, чтобы было видно, если кто подойдет в темноте. А как обрадовался Сарван!

НАГДАЛЫ. Да и аккумулятор на что-то сгодился.

АШРАФ. Сарван все еще подозревает меня. *(Включает свет во дворе.)* Ладно, а что он будет делать, когда аккумулятор сядет?

НАГДАЛЫ. За это не беспокойся. Ровшан парень сообразительный, отыщет новый и принесет.

РОВШАН *(возвращается).* А я сделаю так, чтобы он не сел.

НАГДАЛЫ. Да что ты?!

Из вагона выходит Сюсан.

СЮСАН. Дядя Ашраф, тетя Сарыгюль заснула. Чаю не хотите?

АШРАФ. Было бы неплохо, дочка.

Сюсан подходит к самовару.

СЮСАН. Он совсем угас.

РОВШАН. Если угас, растопим. *(Подходит к Сюсан.)*

СЮСАН. У тебя не получится.

РОВШАН. Почему не получится? Что такого в том, чтобы растопить самовар? Он же не то, что сердце некоторых, чтобы не растопить? *(Проверяет тепло в самоваре, потом подбирает с земли щепки и бросает в трубу самовара.)*

СЮСАН. Опять говоришь намеками. Я ничего не понимаю.

НАГДАЛЫ *(Ашрафу).* И когда свадьба?

АШРАФ. А ты как догадался?

НАГДАЛЫ. Полицейский обязан знать все.

ОРДУХАН *(в плохом настроении).* Если полицейский обязан знать все, то ты, наверное, лучше нас знаешь, когда свадьба.

РОВШАН *(к Сюсан).* В эту ночь останься с моей мамой.

СЮСАН. А ты где будешь спать?

РОВШАН. Я посплю в машине Ордухана.

СЮСАН. Чтобы бабушка осталась одна? Оставить её в тяжелом положении?

РОВШАН. А ты не можешь без бабушки? Она, наверное, тебе по ночам сказки рассказывает.

СЮСАН. Рассказывает.

РОВШАН. И какие? Про Меликмамеда?

СЮСАН. Нет, новые. Ты таких в жизни не слышал.

НАГДАЛЫ *(к Ашрафу).* Разве за таких девушек отдают? Он же сбежит через пару дней.

АШРАФ. А где его задержали?

НАГДАЛЫ. На железнодорожном вокзале. Он две ночи провел там, вот его и заподозрили. Он сказал, что собирался ехать в Россию, но потерял билет. Вот его и переслали в наше отделение… Ашраф… *(Пауза.)* Мне надо с тобой поговорить.

СЮСАН. Жил-был маленький певец по имени Сервет. И был у него такой голос, что когда он начал петь, даже вода в реке умолкала, соловьи затихали. Поэтому его называли Гарабахским соловьем… *(Пауза.)* В Гарабахе его приглашали на самые богатые свадьбы. Он пел и на армянском языке, и на азербайджанском. Многие хотели петь, как он, но не могли. И их называли гарабахскими воронами. Однажды эти вороны договорились похитить голос маленького Сервета. *(Сюсан замолкает и начинает полоскать стаканы.)*

РОВШАН. Почему ты замолчала? Сказка закончилась?

СЮСАН. Остальное расскажу завтра.

РОВШАН. Почему завтра? Что же мне, до завтра ждать у самовара?

СЮСАН. Вот и видно, что «1000 и одной ночи» ты не читал. Я – Шехерезада…

РОВШАН. Какая еще Шехерезада? Народ здесь ждет продолжения сказки.

НАГДАЛЫ *(к Ашрафу).* Вы откуда идете?

ОРДУХАН. Да откуда же нам еще идти? Мы искали мальчика!

НАГДАЛЫ. С винтовкой?

АШРАФ. Нет, ружье нам нужно было для другого дела.

НАГДАЛЫ. А можно поинтересоваться, что это было за дело?

АШРАФ. Это неважно.

НАГДАЛЫ. Хорошо, а зачем вы тогда взяли с собой ружье? Вы охотились?

АШРАФ. Да, это было что-то вроде охоты. Мы охотились, Нагдалы.

НАГДАЛЫ. Охотились. *(Пауза.)* Ну и как, удалось что-то подстрелить?

АШРАФ. Ничего. Ничего не удалось подстрелить.

НАГДАЛЫ. Да вы бы ничего и не смогли подстрелить. С таким ружьем можно убить только зайца. Но кто-то должен крепко держать этого зайца, а ты должен прикладом крепко врезать зайцу. Может, тогда эта палка на что-нибудь сгодится. В следующий раз, когда соберетесь на охоту, предупредите меня. Меня же не просто так сюда направили. Но лучше будет, если вы вообще никуда ходить не будете. И тем более с ружьем.

Сюсан приносит чай, ставит его перед Ашрафом, Нагдалы и Ордуханом и возвращается к Ровшану, наливающему себе чай.

ОРДУХАН. Спасибо, дочка!

АШРАФ. Я всегда, собираясь далеко, беру это ружье с собой. И неважно, стреляет оно или нет, просто привык. И дедушка мой так делал, и отец, и я теперь так делаю. Ты же сам видишь, что оно совершенно безопасно.

СЮСАН *(к Ровшану).* О чем ты думаешь?

РОВШАН. О твоей сказке.

СЮСАН. Ну, ладно, продолжу сказку. Значит, когда Сервет узнал, что враги хотят украсть его голос, он превратился в соловья, и хотел перелететь через гору. Но только долетел до склона, как услышал за спиной звуки аплодисментов. А эти звуки он очень любил. И поэтому он превратился в прежнего певца.

РОВШАН. Поклонился и начал петь?

СЮСАН. Нет, все кончилось плохо. Когда он снова превратился в певца, то увидел, что это совсем не аплодисменты.

РОВШАН. А что же это было?

СЮСАН. А как, по-твоему?

РОВШАН. Откуда мне знать?

СЮСАН. Это были звуки автоматных очередей. Вороны сзади стреляли по нему!

РОВШАН. Армяне?

СЮСАН. Упал Сервет! Стал извиваться Сервет. Так рассказывает моя бабушка. Окрасил белый снег алой кровью Сервет!

РОВШАН. Постой… Гарабахский соловей… Я слышал его… На свадьбе! Я был тогда еще малышом, а он ходил уже в школу… Его тоже убили?

СЮСАН. Еще хуже! Он хотел закричать, но понял, что потерял голос. А кто же он без голоса?.. И вместо жизни без голоса принял смерть.

РОВШАН. Так его звали Сервет? Я не знал.

ОРДУХАН *(к Нагдалы).* То есть как это – никуда не ходить? У Ашрафа столько дел. Да и у меня.

НАГДАЛЫ. О делах я буду знать. Вы лучше подумайте о будущем этого молодого парня. О свадьбе.

АШРАФ. Мы и без того думаем только об этом.

НАГДАЛЫ. Я из-за вас не хочу жить здесь месяцами.

ОРДУХАН. Так и мы не хотим, чтобы ты жил здесь.

Ашраф улыбается.

НАГДАЛЫ. Спасибо! Очень вам благодарен. *(Встает)*

ОРДУХАН *(поднимается).* Не надо обижаться. Тебе и так здесь не нравится.
НАГДАЛЫ. Спокойной ночи!
ОРДУХАН. Я провожу тебя, а то ты здесь новичок.

Нагдалы и Ордухан выходят.

СЮСАН. Так и заканчивается современная сказка моей старой бабушки. Теперь каждую ночь пропавший голос Сервета смешивается с ветрами, бродит по домам, палаткам и ищет своего хозяина – маленького певца Сервета. Ветры поют гарабахскую шикесту. *(Пауза.)* Ровшан, посмотри на небо…
РОВШАН *(смотрит в небо).* А что там?
СЮСАН. С неба упали три яблока.
РОВШАН. Да разве сейчас время яблок?
СЮСАН. Тогда я побежала. *(быстро убегает.)*
РОВШАН. Погоди, и я с тобой. *(Быстро ставит чай на стол, хочет выйти, но останавливается и еще раз смотрит в небо.)* Сюсан, иди сюда.
АШРАФ. Сюсан ушла.
РОВШАН. Дядя, загадай желание.
АШРАФ. Что?
РОВШАН. Я говорю, загадай желание, звезда упала.
АШРАФ. Я давно уже загадал. Шесть лет назад. Когда над нашими головами снаряды летали. *(Ровшан ничего не говорит, хочет уйти.)* Ты плохой солдат.
РОВШАН *(останавливается, поворачивается к Ашрафу).* Я не забыл! Тогда моим другом детства был только ты. Мы часто играли в войну… Но сейчас я вырос, а ты, напротив, впадаешь в детство. Игры в войну, дядя, закончились. Сейчас объявлено перемирие, перемирие.
АШРАФ. Тем не менее, ты вырос плохим солдатом.
РОВШАН. Дядя, я плохой солдат. Я и не хочу быть солдатом. А ты будь хорошим. *(Уходит.)*

Ашраф остается один. Слышится звук поезда. Входит Ордухан.

ОРДУХАН. Ашраф!
АШРАФ. Ты испугал меня!
ОРДУХАН. Пойдем, ты нужен.
АШРАФ *(встает).* Что случилось?
ОРДУХАН *(осторожно).* Сюсан здесь?
АШРАФ. Нет, ушла. А что случилось?
ОРДУХАН. Назлы скончалась.
АШРАФ. Да что ты говоришь? Когда?
ОРДУХАН. Прямо сейчас.

Они торопливо идут к выходу.

АШРАФ Есть кто-то из женщин?

Затемнение.

Картина шестая

Утро. Издали слышен голос полицейского Нагдалы: «Ашраф-киши! Ашраф!» Нагдалы появляется перед вагоном и стучит в место, где спит Ашраф. Потом поднимает полиэтилен, заменяющий дверь, но не находит там ни Ашрафа, ни его ружья.

НАГДАЛЫ. Дома кто-то есть? *(Из дома выходит Сарыгюль.)* Где Ашраф?

САРЫГЮЛЬ. Ушел на поминки. Сегодня третий день траура.

НАГДАЛЫ. Третий день был вчера.

САРЫГЮЛЬ. Тогда он где-то здесь.

НАГДАЛЫ. А где ружье?

САРЫГЮЛЬ. Ружье там, где всегда.

НАГДАЛЫ. А где оно было всегда?

САРЫГЮЛЬ. На своем месте.

НАГДАЛЫ *(указывая на место, где обычно висит ружье).* Здесь?

САРЫГЮЛЬ. Конечно! Где же ему еще быть?

НАГДАЛЫ. Но ведь его здесь нет.

САРЫГЮЛЬ. Не может быть. Всегда там висело. И сейчас должно быть там. Посмотри как следует.

НАГДАЛЫ. Иди и сама посмотри. *(Поднимает полиэтилен и показывает Сарыгюль.)* Ты видишь ружье?

САРЫГЮЛЬ. Конечно, вижу, я же не слепая.

НАГДАЛЫ. А я не вижу.

САРЫГЮЛЬ. Ты же полицейский. *(Пауза.)* Должен видеть лучше меня.

НАГДАЛЫ. Если понадобится, то увижу лучше всех.

САРЫГЮЛЬ. Знаю, ты пришел посмотреть на ружье.

НАГДАЛЫ. Да зачем мне это старьё?! Где Ашраф?

САРЫГЮЛЬ. Где ружье, там и Ашраф.

НАГДАЛЫ. Иди, женщина, занимайся своими делами, не хватало вам только разыгрывать меня. Иди, разбуди сына.

Выходит Ровшан.

РОВШАН. Что такое?

НАГДАЛЫ. Где твой дядя?

РОВШАН. Он на поминках.

НАГДАЛЫ. Какие поминки? Разве поминки не закончились? Да что, эта старуха Назлы каждый день умирает, что ли?

РОВШАН. Вы бы с уважением говорили об умерших, господин полицейский. Или ты думаешь, что на свете, кроме бабушки Назлы, больше никто не умирает?

НАГДАЛЫ. Ты похож на свою мать!

РОВШАН. А ты знал моего отца?

НАГДАЛЫ. Здесь вопросы задаю я. Где твой дядя?

РОВШАН. Я же сказал, на поминках.

НАГДАЛЫ. А ружье где? Он что, ушел на поминки с ружьем?

РОВШАН. Не знаю. Тогда он, наверное, на свадьбе.

НАГДАЛЫ. Слушай, если ты будешь здесь артистничать, болтать лишнее, я тебя

за уши потащу в собачник.

РОВШАН. В отделение, господин полицейский, в отделение. Давайте уважать должность полицейского.

НАГДАЛЫ. Он еще будет учить меня… Это людей водят в отделение, а таких, как ты, в собачник.

САРЫГЮЛЬ. Не сердись, брат Нагдалы, ружье на месте, ты плохо искал.

НАГДАЛЫ. *(Лезет туда, где спал Ашраф, немного копается там и вылезает с узелком в руке. Развязывает узелок и достает из него несколько патронов разного калибра, военные значки, погоны и документы. Внимательно разглядывает каждую из своих находок, читает документы. Удивленно свистит. Обращается к Ровшану.)* Твой дядя имеет военное звание… Ты знал это?

РОВШАН. Нет!

НАГДАЛЫ. А кем был твой отец? Это ты хотя бы знаешь?

РОВШАН. Знаю! Учителем. Преподавал географию.

Входит Сюсан. Растерянно смотрит на них.

НАГДАЛЫ. Плохо знаешь. Он был учителем в начальных классах.

РОВШАН. Ты-то много знаешь. Мужчины не преподают в начальных классах. У моего отца был глобус. Это я еще помню.

НАГДАЛЫ. Вижу, у тебя хорошая память, поэтому давай пройдем со мной.

РОВШАН. Я с тобой никуда не пойду.

НАГДАЛЫ. Пойдешь!

РОВШАН. А за что?

НАГДАЛЫ. За что – это тебе там скажут! Спускайся вниз!

САРЫГЮЛЬ. Ты куда это уводишь моего сына?

СЮСАН. Куда вы его уводите?

НАГДАЛЫ. Куда, куда?.. Туда, куда надо! В отделение!

СЮСАН. В отделение? Но за что?

САРЫГЮЛЬ. Что моему сыну делать в отделении?

СЮСАН. Ровшан, пока он не скажет, в чем тебя обвиняет, не ходи!

РОВШАН *(спускаясь по ступенькам).* Ладно вам. Идем, куда надо.

СЮСАН *(останавливая его).* Нет, пусть скажет!

САРЫГЮЛЬ. А что он скажет, нацепил погоны и считает себя фараоном.

НАГДАЛЫ. Девушка, вы хотите знать, за что? Вы знаете, где он был до того, как оказался здесь?

СЮСАН. В Баку!

НАГДАЛЫ. Да, в Баку! А вы знаете, чем он занимался в Баку? Грабил автомобили. Он разбирал машины на части и продавал их.

РОВШАН. Мужиком надо быть, мужиком!

НАГДАЛЫ *(нервно).* Чтобы быть мужиком, воровать не обязательно!

Входит Машинист Сарван, в руках его подаренные Ровшаном наушники.

САРВАН. Сынок, забери их! Так болят уши, что даже спать не могу.

РОВШАН. Ты пришел очень кстати, дядя Сарван.

НАГДАЛЫ *(забирает наушники у Машиниста Сарвана).* Что это такое? *(Ров-*

шану.) А это ты где стащил?

РОВШАН. Как будто ты их впервые видишь.

НАГДАЛЫ *(к Сюсан).* Теперь, ханым, ты поняла, за что мы его уводим?

Сюсан не отвечает, отвернувшись от них, плачет. Сарыгюль обнимает ее.

САРВАН. Куда вы идете? Куда идете, Ровшан, у меня к тебе дело.

НАГДАЛЫ. Он едет в город.

САРВАН. Если едешь в город, Ровшан, сыночек, купи мне там хлеб «Железнодорожный», деньги я тебе потом отдам!

НАГДАЛЫ. Купит, купит!

Нагдалы и Ровшан уходят, Машинист Сарван садится за стол. Узелок Ашрафа, лежащий на столе, аккуратно завязывает и кладет на постель Ашрафа.

САРЫГЮЛЬ *(нежно гладит по голове, спине плачущую Сюсан).* Не плачь, дочка, не плачь! Нам нужны каменные сердца. Иначе мы погибнем. Такие вот храбрецы выпали на нашу долю. Эти герои в конце оставляют нас одних и уходят.

САРВАН. Я тогда в каждый рейс брал с собой хлеб «Железнодорожный». И в этот рейс должен обязательно взять с собой. Я только жду приказа.

САРЫГЮЛЬ. Верно говорят: сын врача бывает больным, а сын учителя – невоспитанным.

СЮСАН. Ты прости меня, тетя Сарыгюль. *(Убегает.)*

Сарыгюль застывает, ничего не сказав и садится на ступеньки.

САРВАН. Мол, я не смогу работать с новым локомотивом. Будто я постарел. Совсем истрепался. Вы еще увидите. Я только жду Ровшана…

Входит Ашраф с ружьем в сопровождении Офицера Нусрета в военной форме. Оба в хорошем настроении. Ашраф снимает ружье с плеча и кладет его на стол. Машинист Сарван перекладывает ружье на постель Ашрафа.

НУСРЕТ. Мне говорили, что ты живешь где-то здесь, рядом. Но, поверь, времени не было искать тебя. К тому же ты сам знаешь, что такое военная часть. Все должно быть точно. Когда вышел, когда вернулся… Ты живешь в вагоне?

АШРАФ. Уже нет. Тот вагон был моим. А сейчас там живет больная женщина. У нее ноги не ходят: месяц назад приехала, но еще ни разу не вышла из вагона.

НУСРЕТ. А как же она живет?

АШРАФ. Ее часто навещает жена брата. Я выделил ей гуманитарную помощь. Вот так и живет.

НУСРЕТ. Видишь, ты здесь еще нужнее. А хочешь стольких людей оставить без главы. Разве сейчас тебе можно воевать?

АШРАФ. Тяжело слышать от тебя такие слова. Я хорошо помню, что ты говорил тогда.

НУСРЕТ. Тогда было одно, а сейчас – другое. Сколько лет прошло. Ты уже не в форме. Позабыл армейскую дисциплину. Подумать только, насколько ты все поза-

был, что собирался нарушить границу. Это тебе не воробья подстрелить. Ты станешь виновником международного скандала.

АШРАФ. Ну, ты даешь, Нусрет! Как быстро ты привык к новым границам?

НУСРЕТ. Никто ни к чему не привыкал. И о границах своих мы хорошо знаем, и о старых, и о новых, и о тех, что были раньше. Я подчиняюсь закону. Сказали – перемирие, значит, будем сидеть, скажут – в атаку, значит, поднимемся. А самостоятельно никто ничего делать не может. Если хочется воевать, так иди ко мне. Служи! Я могу повысить звание, могу добавить еще одну звездочку. А остальное Бог даст. У нас и техника есть. Посмотришь, и решишь, что ты в раю… Ну что ты смеешься?

АШРАФ. Твоему «раю» смеюсь! Ты настоящий военный!

НУСРЕТ. Ты что, против вооруженных головорезов выйдешь с этой палкой? Скажи, до сегодняшнего дня эта винтовка убила хоть одного армянина?

АШРАФ. Пятнадцать.

НУСРЕТ. Так я и поверил. И как же она убила?

АШРАФ. Да они умирали со смеху, как только видели мое ружьё.

НУСРЕТ. А вот в это я поверю.

АШРАФ. Зовешь к себе. А что же я там буду делать? Ждать приказа? Как этот наш Сарван?

НУСРЕТ. Он тоже из твоего отряда?

АШРАФ. Нет, он машинист. Живет в соседнем вагоне. Хочет снова повести поезд, то есть вот эти вагоны, где мы живём. Но приказа сверху пока не поступило.

НУСРЕТ *(к Сарвану).* Ты машинист?

САРВАН. Машинист. Герой социалистического труда! Было время, когда моя сабля рубила и назад, и вперед. А сейчас… вот посмотри, поезд превратили в общежитие, но я справиться не могу. Приказа нет, вот руки мои и связаны.

НУСРЕТ. Приказа ждешь?

САРВАН. Приказа жду!

НУСРЕТ. Я тоже!

АШРАФ. Я не смогу в твоей армии и дня выдержать, вооружусь и пойду домой. Повалю того, кто попадется на пути! Вот тогда и начнется настоящий международный конфликт. Нет, братец, ответственность тут велика. А если я вот так пойду, как простой человек, желающий вернуть свой дом… это не значит нарушить перемирие. Скажут, сумасшедший. Я и так с травмированной головой хожу. Разве ты забыл, почему меня комиссовали из армии?

НУСРЕТ. И ты уверен, что они, посмотрев на твое ружье, умрут от смеха?

АШРАФ. Нет, у меня есть золотой ключик. А два дня назад я зашел туда. Мы еще тогда перепрятывали оружие, найденное в подвале школы. Это место еще не захвачено. И оружие на месте. И люди готовы. И все хорошие стрелки. Могут стрелять из любого оружия.

НУСРЕТ. Ты должен сдать это оружие.

АШРАФ. Эти оружие никому не принадлежит. Его собрали армяне, чтобы уничтожить нас. Мы просто его перепрятали. Это место никто не знает. Кроме меня, это место знал директор армянской школы, да и тот исчез, когда начались эти события.

НУСРЕТ. Значит, у тебя есть личный военный арсенал?

АШРАФ. А ты как думал?! Думал, что я пойду воевать с этим дробовиком непонятного происхождения?

НУСРЕТ. Во всяком случае, ты этот арсенал должен сдать.

АШРАФ. Сдам. Но после того, как завершим дело. Я еще и их оружие принесу и тоже сдам. И ты тогда увидишь, сколько людей вернется домой.

НУСРЕТ. Ты был хорошим офицером. Но ты потерял голову.

АШРАФ. И не только голову, Нусрет. Я потерял и свой дом, и своего брата, и свое прошлое.

Возвращаются полицейский Нагдалы и Ровшан. У Ровшана в руках кулек с хлебом.

РОВШАН *(протягивая хлеб Сарвану).* Возьми, дядя Сарван. Ты это хотел?

САРВАН. Да! Так и есть. «Железнодорожный». Спасибо тебе, сынок. Погоди, я сейчас принесу деньги.

РОВШАН. Не надо, дядя Сарван. Кушайте на здоровье.

САРВАН. Да? Ну, спасибо. У меня и так денег нет. *(Выходит.)*

НАГДАЛЫ. Ашраф киши, я ведь говорил, предупреди и меня, когда соберешься на охоту.

НУСРЕТ. Люди сперва здороваются.

НАГДАЛЫ. Здравствуйте!

НУСРЕТ. Не так, а честь надо отдавать!

НАГДАЛЫ. Но я же не в армии.

НУСРЕТ. А я могу и призвать.

НАГДАЛЫ. А у меня есть право арестовать вас.

НУСРЕТ. Ты очень смелый полицейский. Не спеши, придет и твоя очередь.

НАГДАЛЫ *(к Ашрафу).* Я чуть не арестовал твоего племянника. Только когда узнали, что ты его дядя – отпустили.

АШРАФ. А что же натворил мой племянник?

НАГДАЛЫ. Сам расскажет. Или вообще не заговорит. Он уже взрослый, умный парень. Мы знаем, что он будет вести себя хорошо. Да и как знать, может, в будущем я буду отдавать ему честь.

НУСРЕТ. Даже не сомневайся!

АШРАФ. Да он еще паспорта не получил. Никто не сможет арестовать его.

РОВШАН. У меня даже нет формы номер 9. То есть, у меня нет никакого документа, удостоверяющего личность.

НАГДАЛЫ. А как же ты получаешь гуманитарную помощь?

АШРАФ. Если захочешь, я и для тебя могу выписать помощь.

НАГДАЛЫ. …Именно таких сажают в детскую колонию.

АШРАФ. Что такое? Что случилось?

НАГДАЛЫ. Ничего! Да… *(Достает из кармана фотографию и протягивает Ашрафу.)* Это мне дали в отделении. Просили передать тебе.

АШРАФ *(смотрит на фотографию).* Это же мое фото в молодости. Как она туда попала? Это я, а рядом наша невестушка – жена моего брата. И рядом с ней должен был быть мой покойный брат… *(Ровшан задумчиво садится на ступеньки.)* Но его нет, срезали. Почему?

НАГДАЛЫ. Не обращайте внимания. Это из полицейского архива. А там их интересуют только живые, а не мертвые...

НУСРЕТ *(встает).* Ашраф, мне пора. Береги себя. Не забывай, о чем я говорил.

АШРАФ. Не забуду!

НАГДАЛЫ. Оказывается, Ашраф был офицером!

АШРАФ. Ты так сказал, будто я должен стесняться этого.

НАГДАЛЫ. Кстати, два дня назад тебя хотел видеть один очень важный человек. Это мне сказали в отделении.

АШРАФ. С этим человеком мы уже встретились.

НУСРЕТ *(останавливается).* Этот важный человек – я.

НАГДАЛЫ. Как это? Вы? Нусретов? *(Встает навытяжку и отдает честь.)*

НУСРЕТ. Не Нусретов, а Нусрет Чайырлы. Вольно, опусти руку, уже поздно. *(С усмешкой)* ...хотел меня арестовать. *(Уходит.)*

НАГДАЛЫ *(Ашрафу).* Ты не мог меня предупредить? *(Быстро выходит.)*

АШРАФ *(Ровшану).* Рассказывай, что за история? Я ничего не понял из того, что здесь говорил полицейский?

РОВШАН. Да неважно, дядя!

АШРАФ. Как это неважно?! Я тоже должен знать.

РОВШАН. Да, пустяки. Ну что ты, Нагдалы не знаешь? Он хочет показать себя важным человеком.

Входит Сюсан с чемоданом и сумкой в руках и стучит в перила Сарыгюль. В сторону Ровшана не смотрит. Ее поспешность удивляет Ашрафа.

АШРАФ. Доченька, что случилось?

СЮСАН. Я уезжаю, дядя Ашраф. Зашла попрощаться. Больше меня здесь ничто не удерживает.

АШРАФ. Да упокоит Аллах душу твоей бабушки! Но ведь ты можешь и остаться… Ты нам родная, как дочка… И Сарыгюль ты всегда помогала…

Сюсан не отвечает и стучит снова. Выходит Сарыгюль. Они обнимаются.

САРЫГЮЛЬ. Дочка, можешь приезжать, когда захочешь. Возьми свою тетю и приезжайте вместе.

СЮСАН. И вам счастливо оставаться… До свидания, дядя Ашраф.

РОВШАН *(к Сюсан, со злостью).* Ну, уезжай! Ты ведь ангел! Ты ведь никогда ничего не скрывала!

АШРАФ. Ровшан!!! *(К Сюсан).* Счастливого пути, дочка!

Сюсан уходит. Ровшан все еще не двигается с места. Сарыгюль уходит в вагон, потом из двери выливает воду вслед Сюсан.

РОВШАН. А у тебя, кроме мести, ничего в голове нет. Любой ценой... Видимо, то, что я здесь, то, что наша семья снова вместе, для тебя пустой звук! Тебя даже не волнует, что из-за тебя с кем-то что-то произойдёт.

АШРАФ. Тех, кто не достиг совершеннолетия, арестовывать нельзя.

РОВШАН. Если захотят, то основания всегда найдут. Разговор не об этом. Они сказали, что я здесь нужен. Что мое пребывание здесь очень важно.

АШРАФ. Конечно, важно. Мы же не знали, что с тобой там произошло. Я каждый день благодарю Бога за то, что ты нашелся.

РОВШАН. Я здесь нужен был, чтобы ты успокоился.

АШРАФ. Да если бы они знали о моих намерениях так хорошо, ведь могли же

остановить меня любым путём.

РОВШАН. Героев нельзя трогать. Герои должны сами отступать. А в нашей ситуации подрывать веру народа нельзя, наверное.

АШРАФ *(подходит к самовару).* Я вижу, ты сильно переживал. Уверен, что эти доводы просто выдумки. Ты действительно думаешь, что сможешь удержать меня?

РОВШАН. Не я должен удержать тебя, а твое чувство ответственности. Если ты хорошо подумаешь, то вспомнишь, что ты отвечаешь за меня.

АШРАФ. Я всегда отвечал за многих, и сейчас отвечаю. И ты – один из них.

РОВШАН. Кто, кроме тебя, видел, как погиб мой отец?

АШРАФ. Никто.

РОВШАН. Я видел.

АШРАФ. Ты бежал в село за велосипедом. Если б ты не убежал, и мы бы не бросились искать тебя, то ракета не убила бы твоего отца.

РОВШАН *(подходит к Ашрафу).* Убив моего отца, ты повернул дуло в мою сторону, я тогда убежал. В тех кустах был я.

АШРАФ. Значит, это был ты... Ты тогда подумал, что я убил твоего отца.

РОВШАН. Я это видел собственными глазами. Мой отец лежал на земле. А ты выстрелил ему в голову.

АШРАФ. А ты не видел, что спасти твоего отца было невозможно?! Ты не видел, как он страдал?

РОВШАН. Нет! Потому что, услышав шум в кустах, ты повернул ружье в мою сторону. Но в последний миг наши взгляды встретились. Почему ты не позвал меня? Почему ты не прибежал, чтобы поймать меня?

АШРАФ. Было поздно. Ты убегал. А у меня не было времени что-то объяснять тебе. Я должен был оставить тело твоего отца и уходить. У бедняги ничего не осталось ниже живота. *(Ровшан берет ружье, потом развязывает узелок.)* Когда из кустов раздался шум, я подумал, что это зверь. И я не хотел, чтобы твоего раненого отца сожрали дикие звери или птицы. Меня ждала целая машина людей. Армяне уже начали стрелять прямо в нас. Вокруг взрывались снаряды... Что ты там делаешь? Положи ружье на место. *(Подходит к столу.)*

РОВШАН. Это – ружье, убившее моего отца... Эта память нашего рода до сих пор убила только одного человека, и это был мой отец.

АШРАФ. Ровшан, отдай мне ружье. Ты что, его заряжаешь?

РОВШАН. Заржавело. Патрон не влезает. Куда же это годится?

АШРАФ. Ровшан, сейчас ты узнал, что твоего отца, моего родного брата, убил не я. Я только спас его от страданий.

РОВШАН. Конечно, я все понял. Я же тогда был ребенком. Я же ничего не знал, кроме родного отца, родной матери и моего друга и дяди. Помнишь, как мы с тобой играли в войну? Это были мои самые счастливые годы. Жаль, что они были коротки.

АШРАФ. Я очень рад. Как хорошо, что ты понял, что я поступил правильно. Точнее, вынужден был так поступить.

РОВШАН. Конечно, ты поступил, как честный человек, любящий своего брата по-настоящему.

АШРАФ. А теперь положи ружье на место. Не играй с ним.

РОВШАН Прошу тебя, не подходи. Дай мне тоже подержать его. Нет ничего чудовищнее, чем человеческое страданье. Может, и я хочу воевать, отомстить?! Ты должен радоваться этому, дядя. Прости, у меня нет другого выхода!.. Но эта пуля

сюда не входит. Почему? *(Бьет топором по патрону, чтобы загнать его в казённик.)*

АШРАФ. Хватит играть с ним! Ты не в себе! Положи топор! Не бей! Нельзя!

Ашраф хватает за ствол ружья и тянет его. Ровшан бьет топором по патрону. Ружье стреляет. Ашраф со стоном падает.

РОВШАН *(пытаясь поднять его).* Дядя! Дядя! *(Видит, что идет кровь.)* Прости! Я не хотел так! *(Плачет.)* Ты ничего не знаешь!..

Из вагона выходит Сарыгюль.

САРЫГЮЛЬ. Что тут происходит? Ашраф! *(Ровшан с ужасом глядя на лежащего Ашрафа, отходит.)* Убили! Кто сделал это? Ты? Негодник! Разве так можно?!

Ровшан убегает. Затемнение.

Действие четвертое

Картина седьмая

День. Ордухан сидит за столом. Сарыгюль кладет на стол бинты, лекарства.

САРЫГЮЛЬ. Сейчас принесу и кипяток.

ОРДУХАН. Только не совсем горячий, просто теплую воду.

Сарыгюль наливает из самовара в миску воду и приносит.

САРЫГЮЛЬ. Посмотри, не очень горячая?

ОРДУХАН *(словно только теперь видит Сарыгюль).* Ага. Что?

САРЫГЮЛЬ. Вода. Я вскипятила ее, не смогла достаточно остудить.

ОРДУХАН *(проверяет тыльной стороной руки воду).* Нормально.

САРЫГЮЛЬ. Ты очень задумчив, Ордухан, будто это не ты вылечил столько раненых.

ОРДУХАН. Спасибо, невестушка. Ты пойди, приготовь еду, чай, он сейчас проснется. *(Сарыгюль уходит в вагон. Ордухан поворачивается и поднимает полиэтилен у постели Ашрафа.)* Ашраф, вставай. Вставай, чтобы я поменял повязки.

АШРАФ *(с трудом поднимается с места и садится).* Ты пришел?

ОРДУХАН. Очень больно? Болеутоляющее принимаешь?

АШРАФ. Нет, уже легче. Кажется, одна дробинка не вышла.

ОРДУХАН. Подними майку. Я вытащил те, которые были на поверхности. Но ты снова должен сходить на рентген. Может, он задел и твою тазовую кость. Как только ты хоть немного сможешь ходить, мы поедем в больницу. Может, потребуется небольшая операция.

Ордухан снимает старую повязку Ашрафа, промывает рану теплой водой, потом смазывает лекарством и перевязывает. Ашраф пытается помочь Ордухану и стонет.

АШРАФ. Я снова не умер, Ордухан, снова не умер.

ОРДУХАН. Поделюсь с тобой хорошей новостью.

АШРАФ. Очень вовремя.

ОРДУХАН. Двое наших ребят нашли указанное тобой место. Один прятался в засаде, а другой вошел туда и осмотрелся.

АШРАФ *(позабыв о боли).* Да что ты? Молодцы!

ОРДУХАН. Сколько должно было быть автоматов?

АШРАФ. Около двадцати. Сейчас не помню точно.

ОРДУХАН. Семнадцать автоматов. Патронов уже не пересчитывали, наверное, было много, раз они считать не стали.

АШРАФ. Там должны быть и гранаты.

ОРДУХАН. Пять штук РГД. Если пойдут восемь человек, то троим не хватит.

АШРАФ. Если мы пойдем восьмером, то девять автоматов останутся без дела. У нас есть люди про запас?

ОРДУХАН. Если и ты хочешь пойти, то нам придётся подождать, пока ты выздоровеешь. А я опять должен буду сказать ребятам, чтобы ждали. Мы их уже столько заставляем ждать.

АШРАФ. А что со мной? За пару дней выздоровею.

ОРДУХАН. Нет, Ашраф, нет! Они не хотели, чтобы и я ходил с ними, а тут ты.

Входит Нагдалы.

НАГДАЛЫ. Наконец-то ты пришел в себя, Ашраф-киши! Я уже у всех получил показания, кроме тебя.

АШРАФ. Какие показания? Что я должен говорить? Он же ребенок, получилось случайно, топором бил по патрону, не знал, что выстрелит. Когда я хотел забрать у него топор, дробинки попали в меня. Разве это не объяснение?

НАГДАЛЫ. Если он топором ударил по патрону, то почему с ним самим ничего не случилось? И зачем это Ровшан хотел раздробить патрон топором? Он же не маленький ребенок. Ровшан хотел зарядить ружье. Зачем? В кого он хотел стрелять? Может, в тебя? Почему не даешь четких объяснений?

АШРАФ. Ровшан – сын моего родного брата, почему он должен был стрелять в меня?

НАГДАЛЫ. Откуда мне знать. Подробности знаешь ты. Семейные проблемы – вещь очень сложная. В его возрасте много людей совершает преступления. И сейчас его разыскивают. Рано или поздно найдут, и он во всем признается. Может, он хотел убить тебя?

АШРАФ. Ты, кажется, ищешь преступлений там, где их нет. Хочешь, чтобы тебя повысили в звании?

НАГДАЛЫ. Как мне повысят звание, Ашраф-киши, тебя не касается. Если я захочу, то здесь найду не одну, а сотню статей. Я только хочу, чтобы вы основательно объяснили мне все, и я бы смог все замять. Посоветуйся с Ордуханом, напишите все. Через час я приду за показаниями. *(Идет к выходу.)*

АШРАФ. Основательные объяснения Ровшан сам напишет в своих показаниях, если ты сумеешь его поймать.

НАГДАЛЫ. Ты тоже должен написать. Для протокола. *(Выходит.)*

АШРАФ *(Ордухану).* Что же я должен написать, чтобы он ушел удовлетворен-

ным?… Он болтает все, что придет в голову, а ты стоишь, словно набрав в рот воды. Как ты думаешь, из-за этого дела племянника не посадят в тюрьму?

ОРДУХАН. Не стоит тебе играть с ними. Потом не вылезешь. Напиши правду.

АШРАФ. Так ты объясни мне, чего они хотят. Не хотят, чтобы я шел. Не пойду, лишь бы от мальчика отстали. Им в голову не приходит, что не я, так другие есть, они пойдут. Ордухан, ты скажи ребятам, чтобы завтра же начали двигаться. И никакой военной одежды не надевали. Вечером приезжай на машине, сядем, нарисуем план того места. А потом отвезешь меня, я хоть познакомлюсь с этими храбрецами. Сможешь сделать это?

ОРДУХАН. Сделаю, но есть одна проблема, ты должен объяснить кое-что.

АШРАФ. Что?

ОРДУХАН. Они спрашивают меня, а я не могу объяснить.

АШРАФ. Что спрашивают?

ОРДУХАН. Насколько ты надежный человек.

АШРАФ. Да, они правы… Умные люди. Сейчас никому нельзя доверять. Но, по-моему, все вы увидели, что я говорил правду. Наверное, найдя оружие, они убедились в моей правоте.

ОРДУХАН. Они достаточно знают о тебе, о том, кто ты. Слов нет, ты – человек честный, и все, что ты говорил, оказалось правдой. Ты не обманул нас. Но помоги мне понять одно… Это правда, что ты убил своего брата?

АШРАФ. Что за вопрос? Конечно, нет.

ОРДУХАН. Ходят слухи. Причем, упорные. И до наших ребят уже дошли.

АШРАФ. Ты же сам говоришь – слухи... Ну, и какие слухи?

ОРДУХАН. Говорят, что шесть лет тому назад, во время погрома и выселения, ты воспользовался случаем и убил брата, чтобы завладеть его женой.

АШРАФ *(с трудом смеется).* Даже смеяться не могу. Какой же придурок безродный сказал тебе это?

ОРДУХАН. Все так говорят.

АШРАФ. Не думал, что ты такой наивный. Разве не видишь, что это провокация? Вот и Нагдалы говорил, что если захочет, то сочинит сто статей о нашей семье?

ОРДУХАН. Вижу, Ашраф. И моя наивность сейчас заставляет меня быть еще подозрительней. Но эти солдаты не пойдут за человеком, сделавшим такое.

АШРАФ. Послушай меня, послушай… я хотел вернуть Мухтара обратно в машину. Но он был в таком состоянии, что… Когда вспоминаю… Он умирал. Ниже пояса его не было. Спасти его было невозможно. А тут начали стрелять по нашему грузовику. А брат в мучительной агонии. Одной пулей я избавил его от мучений. Оказалось, что Ровшан из кустов видел всё это, испугался и убежал. А я вынужден был бросить умершего брата и побежать к машине. И насчет Ровшана мы решили, что он умер. Потому Сарыгюль и тронулась умом. Что же тебе не ясно? Что я сделал неправильно? А что я должен был сделать?

ОРДУХАН. Так поступил бы любой.

АШРАФ. Может, кто-то и потащил бы умирающего брата к машине, но и тогда бы было поздно, и тридцать человек погибли бы.

ОРДУХАН. А о чем ты думал, когда стрелял в него?

АШРАФ. Не помню…

ОРДУХАН. Вспомни. Мне это очень нужно.

АШРАФ. Нет, лучше ты вспомни! Ты знаешь, сколько человек они зверски убили

до того, как мы убежали. Что мне еще вспоминать.

ОРДУХАН. Ты многих спас от смерти. Мы этого не забыли. Ты наш спаситель.

АШРАФ. А больше мне вспомнить нечего. Ничего не знаю. Знаю только, что смотрел то на брата, то на его ребра, то на брата, то на его кишки. А ног у него совсем не было. Там, где должны были быть его ноги, была только кровь и белели кости в лужах крови… Он хотел что-то сказать, но не мог… Но я его понимал; ведь я его брат! Я выстрелил, чтобы он больше не страдал. Секундой раньше, секундой позже, он бы все равно умер. А я понимал, что для него каждая секунда – как вечность. Брат умер, и мои страдания закончились. А ты спрашиваешь, что я тогда чувствовал? Что ты хочешь знать? Верны ли эти слухи?

ОРДУХАН. Я хочу знать, что у тебя было на сердце.

АШРАФ. Для протокола?

ОРДУХАН. Нет, для себя.

АШРАФ. Я устал, Ордухан.

ОРДУХАН. Почему ты до сих пор не женат?

АШРАФ. Не знаю. Вставай, Ордухан, лучше будет, если ты уйдешь.

ОРДУХАН. Вспомни, когда ты стрелял в брата, ты был в гневе или разум руководил тобой?

АШРАФ. Не помню, Ордухан, не помню, отстань от меня.

ОРДУХАН. Почему я должен отстать от тебя? Тебе что, трудно ответить? Что ты чувствовал? Покой или муки?

АШРАФ. Покой! Покой, потому что избавил брата от страданий.

ОРДУХАН. А может, покой, потому что теперь становился полным хозяином над женой своего брата?

АШРАФ. Убирайся отсюда, Ордухан! Убирайся. Проваливай к черту! Проваливай. Ты – дьявол! Дьявол! *(Ордухан встает. Они смотрят друг на друга.)* А ты еще обещал пристрелить меня в голову, если паду раненым. *(Ордухан медленно выходит. Ашраф садится в своей постели, массирует сердце.)* Я не знаю. Я уже ничего не знаю. Пишите в своих протоколах, что хотите. Я уже ничего не знаю.

Затемнение.

Картина восьмая

Снова перед тем же вагоном. За столом сидит Офицер Нусрет. Из вагона выходит Сарыгюль.

САРЫГЮЛЬ. Что вам нужно?

НУСРЕТ. Я хотел повидаться с Ашрафом. Хотел поблагодарить его за то, что он все оружие сдал властям. Хотел сказать ему спасибо, но мне тут говорят, что он умер. Опоздал я. Примите мои соболезнования. Ашраф был хорошим человеком. И хорошим офицером.

САРЫГЮЛЬ. Вы опоздали. Ашраф давно умер.

НУСРЕТ. Глубоко сожалею.

САРЫГЮЛЬ. Вы бы все равно ничем не смогли бы ему помочь.

НУСРЕТ. Конечно! Помогать – это было его дело. Да и не в наших силах было

ему помочь. Я слышал, что его застрелил его племянник.

САРЫГЮЛЬ. Его племянник? Мой сын? *(Неожиданно плачет.)* Я и не знаю, куда делся мой единственный ребенок. Не знаю, жив он или мертв. Пропало без вести мое дитя.

НУСРЕТ. Пропало без вести?

САРЫГЮЛЬ. Да, да… Исчез. Уже шесть лет. Нет, Ашраф умер не от пули. Его рана была гораздо тяжелей.

НУСРЕТ. Но мне он говорил, что ваш сын нашелся. Сколько у вас сыновей?

САРЫГЮЛЬ. У меня был один сын. И тот исчез. Снаряды взорвались, и Мухтар погиб, и Ашраф… И мой сыночек.

НУСРЕТ *(начинает понимать, что Сарыгюль находится в состоянии психологического потрясения и встает, чтобы уйти).* Ладно, простите, но мне пора идти. Берегите себя!

САРЫГЮЛЬ. Вы уж простите меня, я и вас огорчила. Вы посидите, не уходите, я сейчас покормлю вас.

НУСРЕТ. Не беспокойтесь.

САРЫГЮЛЬ. Да что вы, никакого беспокойства. Человек, пришедший в наш дом, не должен уходить голодным. (*Офицер Нусрет нехотя садится. Сарыгюль, не доходя до самовара, вдруг останавливается.)* Как рано сегодня начал. Ведь еще не стемнело.

НУСРЕТ *(глядя в небо).* Дождь пошел?

САРЫГЮЛЬ. Нет. Это не дождь. Не слышите? Звук поезда.

НУСРЕТ *(прислушивается, но, судя по всему, ничего не слышит).* Да… Наверное, недалеко проходит железная дорога.

САРЫГЮЛЬ. Какая железная дорога? Я говорю о поезде Сарвана. Как он быстро соединил все вагоны?.. Может, уже получил приказ? Или сегодня рано заснул? Надо пойти навестить его. Боже праведный! Может, и он заснул?

Сарыгюль, обо всем позабыв, думая совсем о другом, садится за стол.
Звук поезда и в самом деле слышится все отчетливей. Звук все нарастает.
Начинает темнеть.
На простынях, висящих на веревке, появляется силуэт Мухтара, а потом остальных, идущих куда-то.
Мухтар с обычным угасшим и печальным видом становится возле Сарыгюль.
Офицер Нусрет не видит Мухтара, он беспокоен, не находит себе места.
Простыни напоминают вагоны уходящего поезда.
Затемнение.

КОНЕЦ

Перевод Мирзы ГУСЕЙНЗАДЕ

СЕРГЕЙ СТУКАЛОВ

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

На распутье

**Плита, валун ли, просто глыба
Легли надолго на пути.
Вы подсказать мне не могли бы,
Как ту преграду обойти?..
Я не суюсь, не зная броду
Ни в омут и ни в чад огня,
Не забываю дуть на воду...
А вы как?.. Помните ль меня?..
Все так же космос бессловесен,
И так же звезды далеки...
Я больше вам неинтересен?..
И где теперь тепло руки?
Уже пустыней рукотворной
Душа становится у вас!..
Вчера я ждал и жду сейчас
Улыбки ясной и задорной.
Воспоминанья давят болью –
Совсем не к месту на пути.
А я – искатель поневоле
(Легко – терять.
Трудней – найти.)
Я обхожу тебя, как гору...
(Как просто в жизни умным быть!..)
И согласишься ты без спору,
Что помнить – Свет.
И Тьма – забыть.**

* * *

**Пыль ветрами в море сносит,
Купол неба синь и чист...
Мне привет прислала осень –
Обронила желтый лист.**

**Что в нем проку?.. После лета
Спишь зимою, как медведь.
Жить одной молвой-приветом
Тоже надобно уметь.**

**А потом ноябрь заплачет
В тучах литрами воды...
Будет осень. Не иначе.
В этом нет большой беды.**

* * *

Лист металлический, холодный –
Зависший в воздухе дюраль...
Наверное, зиме угодно
Скрестить декабрь и февраль.
Незримый этот хлад металла
Висит, пока не надоест.
Был снег, которого хватало
На две зимы для здешних мест.
И только ветер-завсегдатай,
Как выпивоха в кабаке...
И важно: чтоб не налегке
Одетым быть, спеша куда-то.
Я и ходил – хоть снег, хоть лед,
Буханка хлеба – тоже благо...
И стылый, серый небосвод,
Сродни оберточной бумаге,
Еще не скоро запылает
Июльской самбой поутру...
И я из памяти сотру
Все то, что только раз бывает.

Шестое чувство

Стихи, как вариант дороги,
Судьба на выбор мне дает.
И я иду, забыв тревоги,
Что *чувство-шесть* передает.
Толчок извне дает мне нечто,
Вскипая чем-то изнутри.
Днем – свет от солнца
лампы вечной,
А в ночь – луна... И фонари.
Я рифм венок из слов обычных
Без спешки лажу, стало быть.
Я в основном пишу о «личном».
Жизнь для стиха – канва?..
Логично.
Пусть путеводной станет нить,
Суровая простая нить –
Та, из которой кофты вяжут
К сезону зимних холодов.
Крючок, петля́ – сюжет не нов...
Но блёсток не вплетая даже,
Надеюсь, что Судьбы рукой
Мой дар не будет с прахом смешан,
Когда сменяю на покой
Я мир сей –
су́етный и грешный.

* * *

Я сяду в память, как в такси,
Поеду в странное куда-то...
Кому жить сладко на Руси –
Не дал ответ поэт когда-то.

Кому жить лучше вне ее –
Не скажут вам ни я, ни кто-то.
Теперь российское житье
Для нас сторонняя забота.

В заброшенный приеду лес –
«Есть разгуляться где на воле»...
Не ждя от Случая чудес,
Я просто – жду.
(«*Чего же боле?..*»)

Пусть счетчик памяти включен,
Я опыт втисну в чемодан
И, с ожиданьем обручен,
Упьюсь мечтами в драбадан.

Одно лишь важно –
выбрать путь,
А там – проси иль не проси –
Ведь довезет куда-нибудь
Меня бессонное такси.

* * *

Не могу наперед просчитать,
Чем займусь я заснеженным вечером.
Написать... или что почитать...
Больше делать как будто бы нечего...
И неделя зимы той – как знать –
Всесезонной сиестой означится.
Я, увы, не умею связать
Той жилетки,
в которую плачется...
Я по жизни иду – не спешу,
Не считаясь, один или с кем-то,
И во сне на углях не пляшу,
И до звезд не летится зачем-то.
Вновь проснусь в одиночку, как надо –
Не беда, что на сны не богат, –
Не постигши язык снегопада –
Он, видать, для меня сложноват.
Проще печку понять... Ну и ладно.
Наблюдаю огня арабески.
А в загранку податься – накладно,
Мне там дорого жить, да и не́ с кем.

Этот год я один повстречаю,
Не считая случайности дивом,
Пробавляясь батончиком к чаю
И сменяя шампанское пивом...
И уступит декабрь январю,
Я его провожу, как и ты.
Если не про любовь говорю –
Значит, в спячку подались мечты.

Две миниатюры о любви

*****

Любовь пропала. Нежность тоже.
Как будто затерялись где-то...
Хоть не оракул я, но все же
Вот что могу сказать на это:
В теченье века,
года,
дня
Вы проживете без меня.
Как проживу и я без Вас...
Прогноз логичный. В самый раз.

*****

Рассвет зарделся и погас.
Пришел я к Вам. Ушел от Вас.
И что же вышло из того?..
Да кроме встречи – ничего.
Ах, как по сердцу бьют сурово
Все эти: «*Ничего такого...*»

Опус номер три

«*Мóлодцу плыть...*» Уж совсем недалечко.
Холод в квартире – не топится печка.
Свечи не стоят игры – затуши...
Холод по телу, как холод души.
Валом – проблемы. Решать, не бояться.
(Глупая шутка. Не стоит смеяться.)
Телик бастует – антенны каприз,
К ней забираться – считай, альпинизм.
Март заскочил погостить к февралю...
Кто меня помнит –
и я вас люблю.

* * *

Разумно-постижимым
Слыву. А может – зря...
Сменяются режимы,
А мне – до фонаря.
А мне одно подвластно:
Узреть в оконной мгле
Соседки стан прекрасный
В дыму дезабилье.
Вершина надо мною,
Не влез – твоя вина...
Сижу да волком вою,
Мой слушатель – луна.
Ее коснись рукою...
Мой путь – стезя преград.
Смирись с мыслёй такою:
Мол, «зелен виноград».
Будь, как лиса, философ,
К чему права качать?..
На вечные вопросы
Придется отвечать.
В чуму пируют твари...
Стерпя их как-нибудь,
С тобой мы кашу сварим,
Где маслом будет суть –
О том, что мир чудесен
(Хоть и не без дерьма),
В нем вдоволь всяких песен,
А горе – от ума...
Советов надавался,
Вам вдоволь – ну и рад.
И под горой остался
Жить, временем помят.

У моря

...У ветра нóров – ясен всем,
Он может в спину подтолкнуть,
Но не в обиде я совсем...
Иду вдоль моря – долгий путь
На стыке меж песком с водой.
Путь – низачем. А всё – отрада.
Не побегу, как молодой,
Поскольку нет бегущей рядом.
Лишь в перехват волна спешит,
Нахлынув, след в песке замоет...
И продолжать идти –
как жить,
Жить одному, как жили б двое.

АРИФ ГУСЕЙНОВ

А В Т О П О Р Т Р Е Т

(С городской перспективой)

Повесть в 3-х частях

Памяти Гены Брижатюка

Часть I
В мастерской или вовне?

0.0

Был в филармонии. И, слушая симфонический оркестр, думал, сколько же в нем различных инструментов? Скрипки, альты, виолончель, контрабас, арфа и др. И все музыканты, играющие на одном инструменте, например, скрипачи, объединены его духом. Их соединяет особенность строения инструмента, вызывающая профессиональные навыки. Таким образом, в оркестре, по меньшей мере, столько же умонастроений, сколько и инструментов. А в жизни – столько, сколько лиц. Каждый человек отличается присущей ему логикой или, если можно сказать, «топологией восприятий», в том смысле, что его волнует, и какие связи между явлениями интересуют. То, что тесно связано для одних, не связано для других. Например, табак и рак легких имеют непосредственную связь для некурящего человека. А для курящего болезнь легких ближе отстоит от судьбы и т. д. Реальность, преломляясь в каждом человеке, принимает свойственную ему «неэвклидову геометрию», так же, как и отпечатки пальцев: параллельные линии или их пересечение могут рассказать о судьбе. Поэтому трудно полюбить, как и понять, отпечатки пальцев или лицо, оно кажется хуже, чем наше. Но это иной способ восприятия, и если мы любим, видим мир, он даёт возможность его изучения. Если бы мы могли понимать и проникать в миры других людей, это дало бы свободу и счастье. Мы бы стали счастливыми. В этом и состоит, пожалуй, смысл жизни.

1.0

Выйдя из филармонии, я заглянул к Славе, а, точнее взобрался к нему – лифт, как правило, не работал, и пришлось подниматься по разбитой лестнице на чердак пятиэтажного, старинного, с высокими потолками дома. Он обрадовался, сказав, что я устроил праздник. Бутылка водки празднично заблестела, когда, вынув из кармана, я положил ее на столик-табуретку. У него сидел в это время глубоко в кресле Тарлан. Волосы ежиком, глаза как будто прорезаны лезвием – небольшие и словно чуть обведены тушью, хотя вполне скромны, как лицо, и весь его внешний вид. Слава сказал, пристально глядя на него, что он обижается, когда он замечает, что он чокнутый. Хотя Слава – чокнутый более, так как родился, как все знают, с кистью в руке.

Из утробы матери выглянула кисть, а потом уже он.

– Но он и скупой, – добавил Слава, когда Тарлан вышел за сигаретами к себе в мастерскую. – Он патологически скупой.

– Может быть, у него нет денег? – догадался спросить я.

– Да нет. Дело вовсе не в деньгах, и не в том, есть они у него или нет. А в том, что он патологически скупой, и это я вижу как художник; у него нутро скупердяя, уж ты-то поверь мне!

Мне было несколько непривычно слышать это от Славы, равнодушного, как я знал, к деньгам, и не хотелось обижать Тарлана, поставщика Славе, правда, пока что безуспешно, женщин.

– Они влюбляются в него, – констатировал без эмоций Тарлан. – Но он не оказывает им знаков внимания, а иногда и засыпает. Однажды я принес ему таблетки...

– После твоих таблеток он ещё больше упал, – бодро осуждал его Слава. – Что это за таблетки были?

– Виагра...

– Дрянь это, а не таблетки.

Но Тарлан подтвердил данную ему характеристику, придя из мастерской с картошкой. Она была теплой; вареная, величиной с горох или чуть больше. Когда я надкусил её, закусывая водку, в меня хлынула, как показалось, плесень его мастерской...

0.1

Был на концерте. Исполняли реквием Брамса, красивая музыка. И я подумал, что во всякой красоте, как в явлении, должна быть и частица некрасоты, с чем можно было бы ее сравнить и отвлечься, хотя бы на время, а иначе красота может задушить. Так же, как и в любви должна быть и ревность, в которой спрятан смысл любви. Но ревность возникает и из-за непонимания, ведь в любом человеке есть то, что недоступно, так же, как нельзя совместить отпечатки пальцев.

Там в первом ряду зала сидел знакомый, Рияд, с лохматыми белобрысыми бровями, всклокоченными ресницами и взглядом своих мутно-голубых глаз, блуждавших по его лицу, которого, уж точно, никто из той публики, что собралась на концерте, не мог понять. Он сидел в красном пиджаке и с дикими взглядами, а оркестр возвышался перед ним на сцене. Что он мог выудить из Брамса, которого представляли ему симфонический оркестр да хоровая капелла? Дирижер был, напротив, смугл и выразительно-жестикулятивен. Певцы хора чересчур уж старались угодить композитору. Но никто, пожалуй, не понимал Рияда, сидящего в первом ряду партера, во взъерошенных бровях которого путалась музыка, взгляды которого уводили вдаль, на иную стезю, освещенную холодным блеском его глаз. Вот точно так же и ревность происходит от непонимания, желания развеяться от любви. Она раздувается от сознания непонимания, а внутри нее мы находим любовь, потому что тянемся к чему-то, привлекаемся чуждым; и потому, что смысл ревности находился в любви и т.д.

Но Рияд был прекрасен в яркой – он был в красном из мягкой ткани пиджаке – отчужденности и от Брамса, и вечерней публики, присутствовавшей на вчерашнем концерте. Он был чужд, казалось бы, всего, и в этой отчужденности прекрасен и одновременно страшен. Страшен он был, потому что весь ушел в себя, в вихрь своих золотых волос и в безумство голубых глаз, которые как бледные пятна метались по

его лицу. Прекрасен же он был тем, что представлял, в отличие от остальных, золото-голубовато-красный смерч, состоящий из его пылающих волос, бледных пятен глаз и мягкого, ярко-красного пиджака. Он сидел в первом ряду партера, почти что под дирижерским пультом, как пламя, в которое обращалась музыка.

1.1

Я был у Славы, и это «Да» в ответ на мой стук в железную дверь, никогда не крашеную, недружелюбную, и интонации его голоса с богатым набором тембров – было как из тюремного заключения – человеческий голос в разложении. Он встретил меня радостно – обрубок толстого ствола с большой головой, на которой ежились его светлые волосы. Уступил мне место в кресле, усевшись на свою необъятную кровать. Я сказал, что он хорошо выглядит, найдя его отдохнувшим, и, пока я перешел на другую тему, он дотянулся до своего квадратного зеркальца, чтобы поглядеться в него – это его волновало, а я-то думал, на себя ему плевать, исходя из поверхностно брошенных слов и непритязательной одежды. Но это его волновало, и в случае успеха радовало больше, чем я думал, потому что он еще раз, дотянувшись, погляделся в зеркальце, когда на его замечание, что я молод, что обрадовало уже меня, я вернулся к своему замечанию, что он выглядит сегодня молодцом. И он, поправляя брови и разглаживая лицо – особенно ему доставляли хлопоты глаза – смотрелся придирчиво в зеркало. Я сказал, внимательно приглядевшись к нему, что в зеркале, может быть, не так это видно, заметив при пристальном наблюдении в отраженном свете больше недостатков и причин для его недовольства. Он ответил, что его беспокоят глаза, и что он стал хуже видеть, потрепав себя напоследок рукой по глазам и векам. Мы оба были неравнодушны к своей внешности, но показывали окружающим, что это нас больше не волнует. Но самим себе и друг другу мы могли бы этого не показывать, и это уже было приятно в общении, подчеркивая его интимность.

Потом мы говорили о творчестве, и выяснилось, что его мастерская находилась в нем, а не вовне, где царил полный беспорядок, и кто считал это по неведению мастерской. Чтобы писать, не обязательно было иметь мольберт; он свой мольберт, к примеру, сломал. И даже можно не иметь холстов и красок. Он, к примеру, пишет большей частью внутри себя, в себе, где и располагалась его мастерская! Я сказал, что понимаю его, потому что осознал в последнее время, что художник – не тот, кто пишет, а преодолел это желание! И он согласился, потому что, как признавался, совладал с таким же точно желанием летом. Но что наступил, наконец, момент, когда он что-то должен переложить на холст. И он показал подготовленные им – то есть натянутые и прогрунтованные холсты, причем один из них был уже в раме. Теперь оставалось только положить на него готовую картину, и для этого не обязателен мольберт, он переведет ее из одной области пространства в другую! Я обратил внимание на его женские портреты и морской пейзаж в раме, заметив, что в них не так уж много красок; что они, однако же, были придержаны, чтобы не препятствовать содержанию; что содержания в них было больше, чем красок и что не краски там передавали содержание, а, наоборот, они как бы заслоняли его, и тогда он их и придерживал, чтобы не допустить этого.

А в молодости он писал совсем по-другому, он мешал и клал краски на холст, и они выявляли содержание, потому, что оно выражалось в красках. Однажды, во

время студенчества, однокурсники отнесли его палитру ректору – что, мол, как же можно так писать, когда палитра напоминала им блевотину, так он неистово мешал в ней краски! Разве можно их так мешать? «Нет, – ответил ректор, – с ними надо обращаться бережно и класть их на холст аккуратно, а не как в рвотной агонии!»

– Но они всё равно считали меня гением, даже те, кто клал краски аккуратно, как золотые нити на дорогую вышивку, и те не могли не признать моей гениальности, – заявлял Слава. – Сами они клали краски, как будто б кот наплакал. А на моих холстах краски поднимались в виде курганов и исчезали потом в глубоких расщелинах. Это был уже не холст, а вроде бы кусок вулканической породы или вид самого вулкана с космической высоты! Кому могла понравиться такая работа? Ведь в ней не было никакого порядка. Но именно такой и жаждали, потому что пресытились «лизанием» кистью холста, как это делали, и поэтому все, в том числе и мои враги, признавали во мне гения, хотя и враждовали со мной. Уже позже появился ученик из их среды, Нариман. Может быть, ты видел его, с седыми кудрявыми волосами.

– Да, знаю его я. Он приходил, и ты называл его учеником, с телом, похожим на контрабас и волосами-бурунами!

– Ну да. Так, вот, представь, он не пьет и не курит.

– Не может этого быть.

– Никогда в жизни, поверь, он не пил и не курил.

– Ну, в таком случае, он великий художник, за неимением подобных примеров.

– Ну да. В этом смысле, конечно. К тому же он состоятельный. Отец его занимался прибыльным делом и наследовал сыну состояние и дело. Так вот, этот Нариман повадился ходить ко мне, чтоб увидеть процесс моей работы – с самого начала и до конца; что, мол, я творю с холстом при помощи палитры, в результате чего она превращалась в сгусток блевотины, а мой холст – в кипящую вулканическую породу! То есть, его интересовало все. Как, к примеру, я подхожу к холсту, вооружившись кистью и палитрой. Как, чуть погодя, отхожу от него и т. д. Все, все, вплоть до мелочей и того самого момента, когда уже ничего не разберешь, где холст, палитра, где я, и чему больше всего удивляться, первому, второму или третьему. Значит, зачастил он ко мне, чтобы наблюдать. Часто приходил, а потом и говорит, есть, мол, заказ. И давай-ка сделаем, ты – одну его часть, а я – другую. А тогда хорошие деньги платили, не то, что нынче. Ну, думаю, почему бы не сделать. Денег-то дают, а я могу это сделать за одну неделю. Ну, прихожу, значит, к нему в мастерскую – мы у него должны были работать – и он предлагает мне курить, да не простой табак, а марихуану. Я аж удивился, когда он предложил, ведь он, сколько я знал, не курил. Ну, думаю, отчего бы не покурить, давай-ка, попробуем. И прекрасное получилось после этого состояние, рабочее, так сказать; так что, сиди или стой, да работай! Ну, и стал я работать, а он наблюдал больше за мной, чем работал, потому что увидел, о чем мечтал, меня в работе, охватив этот процесс с самого начала и до конца в неповторимом исполнении мастера, каким являлся для него я, да и вообще тех, кто сколько-нибудь разбирался в живописи! Да, это снадобье концентрировало все участки мозга на главном – холсте, и я открывал в нём невиданные возможности и углублялся, всё углублялся… Таким вот свойством обладала эта травка!

0.2

Был на концерте израильского скрипача, игравшего Бетховена. Он норовил коснуться противоположных струн скрипки одним овальным движением, и это ему

почти что удавалось. Если это не удавалось, никто не замечал. Только он знал, насколько это не удавалось, потому что он был среди струн скрипки, расстояние между которыми исчислялось (для него) в километрах, а он не дотягивал каких-то метров. И он знал, что не дотягивал. Он находился внутри скрипки, которая скрипела от того, что он ее терзал. Она скрипела, как будто б он ее резал. А зрители думали, что она пела, потому что они были далеко, и что казалось ему скрипом, воспринималось как пение, ведь они не были, где был он. Он же уходил в новое измерение пространства, открытое чутким композитором и вновь увиденное им. И оркестр следовал за ним по пятам. А где-то вдруг вскрикнула женщина, лохматя на себе волосы. Но они не слышали её, потому что она оставалась, откуда они ушли, в предыдущем измерении. И там шли войны и мирные переговоры, и кто-то занимался сексом, когда скрипач дергал струны, а маэстро смотрел на него, переминаясь с ноги на ногу, пока он обрабатывал пассаж, и несколько раз поправил на голове волосы, пока солист обыгрывал пассаж. И, наконец, призвал к вниманию оркестр, когда солист заканчивал пассаж, а потом повел его за собой, следуя за ним по пятам. Скрипач же был похож на моего знакомого, который работал когда-то в гараже, монтируя автомобили. Он занимался физической работой, монтируя автомобили и не имея представления о струнной технике на скрипке. Так что он не был похож на скрипача, солировавшего вечером на концерте, хотя скрипач тот время от времени смахивал на моего знакомого, работавшего когда-то в гараже. Но и скрипач едва ли смыслил в слесарных работах, которыми занимался тот мой знакомый, если не считать, что он мастерски водил смычком по струнам. Хотя едва ли это помогло б ему в ремонте автомобилей. Так что они были схожи только внешне. Что-то произошло в их жизненном пути, и один из них стал музыкантом, а второй автослесарем. Какая-то мелочь в исходной точке привела к такому разбросу, что, встреть они друг друга на улице, не узнали бы в жизни, которую вел их близнец, настолько были схожи внешне, но разнились внутри.

Там был и оператор, который снимал аппаратом, установленном на треножнике этот концерт. Он походил уже на молочницу, приносящую нам молоко и овощи. Но их разделяла не только профессиональная несхожесть – у нее не было такого треножника, и она таскала все в руках – но и половая противоположность. Он был молодым мужчиной, лишь похожим на нашу молочницу, а она средних лет женщиной с покореженными руками. В последнее время у нее поднялось давление, еще бы! Таскать такие тяжести весь день под солнцем! Она из деревни привозила молоко и овощи и доставляла их своим клиентам в городе. Она гордилась тем, что её муж поставлял молоко членам президентского аппарата, так что молоко ее коров орошало и их желудки. Я сказал, что нельзя с таким давлением гулять по городу, нагрузившись тяжёлыми тюками. Что можно, пожалуй, потерять так и сознание и распластаться на земле! А она ответила, что же делать? Что легко сказать, но нелегко сделать. Чего не сделать? – спросил я. – Чтобы отвратить давление. – Ну, тогда возьми кого-нибудь из детей, чтобы помог. – И это не получится, – ответила. – Потому что, кто помогал, служит сейчас в армии, а до этого всегда помогал. Он даже обиделся на маму, когда они принесли нам молоко, а мама что-то выговорила его матери, и он пытался, хотя и был ребенком, взять с неё слово, что они к нам больше не придут. Но она не могла сдержать слова, данного ребёнку, потому что ее к нам привела свекровь, наказав, что они хорошие люди и ты должна будешь приносить им молоко. – Мой срок кончился, – добавила, – я стара. Так что поручаю отныне тебе приносить им молоко. Это ска-

зала свекровь, которая сейчас живет в соседней деревне с мужем. И поэтому она не могла сдержать слова, данного ребенку, и на следующий день привела его к нашему дому, где он услышал грубые слова в адрес своей матери. Он не хотел подходить к самому порогу и стоял несколько поодаль, пока мать его разливала в посуду молоко. А мама передала ему конфеты, чтобы подсластить его, и он больше не дулся.

А когда она только пришла в дом к своему мужу, свекор ее часто бил по пустякам. Почему мол, встала так поздно, почему коров не подоила вовремя и т. д. Он и теперь жив и потерял почти память, так что восстановление ее представляет большие трудности, что тоже достается только ей, так как по ночам, когда он у них остается, его беспокоит память. Куда она подевалась? Как звали, например, того мужика, что жил рядом с ними, а теперь исчез. И она должна была, прерывая сон, отвечать, чтобы придти с ним на рассвете к общему знаменателю. Баб*а* же, его родной сын, не отвечал на эти вопросы в ущерб своему сну. Он закрывался одеялом, отворачивался и спал, и, хоть убей его, не проснется, чтобы выслушать этот бред родителя. Всего у нее семеро детей. Дочерей она уже выдала замуж. – Ну, хоть они-то тебе помогают? – Не нужна мне их помощь, только бы они не нуждались. А то, нет-нет, и приходится им помогать, а ждать от них помощи не приходится, да и не нужно, пусть себе помогают! Так что некому мне и помочь, а помочь есть кому, детям. Детям моим и мать помогает. Ей сестра привозит из Турции ковры на продажу, чтобы и ей была некоторая прибыль. Вот из этой прибыли она мне и сестре и брату моему, дай-то бог ей долгих лет жизни, помогает. Так что она нам, а мы детям своим. И поэтому, не перестать мне гулять по городу с бидоном молока и тюками овощей, а обратно с тюками черствого хлеба, корма для коров.

Там был и скрипач с толстой шеей, похожий на моего коллегу, любившего играть в шахматы, но променявшего карьеру шахматиста на преподавателя. Его мать работала с мамой и дружила с ней, а мамин брат, то есть, мой дядя, работал в институте. Он был человеком, не чуравшимся радостей, но радовавшимся всему из окон своей кафедры или в тусклом её помещении. Когда были прощупаны все звенья цепочки, его мама, моя, брат её, мы и стали коллегами. Верней, я стал его коллегой, так как пришел в институт позже, будучи моложе. И, придя, узнал, что он обыгрывал дядю в шахматы, что было нелегко, так как дядя обыгрывал почти всех, но не его. Впрочем, хотя их занятия и разнились – педагог по электрическим машинам не то же, что и скрипач в симфоническом оркестре – но он тоже мог бы увлечься шахматами, на что намекала волосатая толщина затылка, такая же, как у моего коллеги, что воспринималось как свидетельство увлечения шахматами, а, скажем, не алкоголем, что больше относилось к моему дяде, отличавшемуся худой шеей. Так что, не в пример предыдущему, здесь было и внутреннее сходство, установленное одинаковыми клетками души, как отражения шахматной доски!

Контрабасист же походил на заокеанского президента, о котором я знал и видел теперь, беременного контрабасом, тогда как его коллеги скрипачи разрешались скрипками. Роды, верно, были тяжелыми, ведь надо было родить музыку или, хотя бы, ее часть...

Но дирижер был отшлепан солистом, когда стоял и переминался с ноги на ногу, пока тот суетливо разрешался пассажем, когда дирижеру нечего было делать, как глупо смотреть на работу его смычка во время своего бездействия. Он даже поправил на голове прическу, хотя прическа его была, дай бог каждому, пучок свернутых

пружин. Но он поправил на голове волосы, как бы говоря, мы тоже стоим тут не без дела, а делаем вид, что наслаждаемся пассажем. Но, слава богу, пассаж тот был, наконец, закончен и оркестр вместе с дирижером ринулся вслед за незатихающим солистом.

1.2

Несколько дней назад заходил к Славе, и это «Да» за железной дверью, похожей на тяжелый притвор в клетке животного, предвещавшее нашу встречу, было привычно, хотя и не переставало поражать. На этот раз мы заговорили – после поисков общей темы – об овощах. Разговор у нас не клеился, он себя неважно чувствовал, потому что два дня выпивал, так «благоприятно» складывались для него условия, придуманные его соседом – скульптором Усейном, и Тарланом, сумасшедшим художником, напевно предлагавшим ему остатки зелья, чудом уцелевшего накануне вечером или случайными гостями. На что я возразил, ты же непьющий, так зачем же поддаешься на предложения этих людей? Он улыбнулся; конечно же, он непьющий, любил он говорить, вкладывая в слова глубокий смысл – что он не пьянеет и не для этого пьет, а для лечения, он так лечится, чтобы быть в форме и работать. Хотя, если выпьет, ложится и спит как младенец, заложив руку под голову, на боку, слегка откинувшись; да и работает он как ребенок, словно во сне. Его лицо выглядело помятым – видно разминал его в подушках; материал его был похож на резину или папье-маше, в общем, что-то упругое и в то же время мягкое. Казалось, что оно расплывалось, но хранило память о предыдущих своих формах, стараясь вернуться к ним, хотя удавалось это с трудом… А посреди него стояли, удерживаясь, прозрачные стекляшки глаз, между которыми опускался нос, становясь, в конце концов определенным, красноватым и большим, но все же мягким и подвижным – в зависимости от мимики лица, он то сплющивался, то выступал красноватой волной, как будто был в процессе лепки, и не было ещё решено, уменьшать его или так оставить.

Итак, мы заговорили об овощах, потому что я принес водку и предложил. – Ну, значит, ты не пьешь! – сказал я. На что он усмехнулся, проронив: «Конечно, пью».

– А что ты не спрашиваешь и продолжаешь пить чай? Я и подумал, что не пьешь, и не хотел подбивать тебя. Ведь ты всегда спрашивал, принес ли я лекарство? И я доставал водку. А теперь она осталась в упаковке, ведь ты ничего не спросил.

Он протер рюмки и положил их на табуретку, где было много всего – она служила нам столиком.

– Ты любишь хурму? – спросил он.

– Конечно, – ответил я.

Я любил хурму, ее оранжевость, почти стеклянную. Тогда он встал и прошел к холодильнику, откуда принес два небольших ярко-оранжевых плода и положил их на табуретку – стол... как будто б сделал, вылепил, или написал, после чего они материализовались в съедобную субстанцию! Так он положил их на вылинявшую – с нее слетела почти вся краска и она потемнела от сырости и оставленных на ней пятен – табуретку. Он разрезал каждый плод на две половинки – чтобы удобно было есть, как он пояснил – коротким ножом с перевязанной лентой рукояткой и покрытым частично не сходящей и приставшей к нему краской. Обнажилась их стеклянно-оранжевая суть! Мы выпили и закусили каждый своей половинкой, смакуя языком.

– А любишь ты айву? – спросил он, как будто бы спрашивал, люблю ли его.

– Конечно, – ответил я.

– Особенно, когда она большая, желтая и мягкая, пушистая... У нее бывает запах как у спелого плода. Я люблю даже нюхать ее, не кушая...

И он вытащил из-под подушки небольшой, но образцовый, в том смысле, что он был сочно-желтым и круглым, плод айвы и протянул его, чтобы угостить запахом. Я почувствовал руками, а после и носом замечательный плод айвы, вынашиваемый в постели под подушкой, наравне с мыслями.

– Это здорово! – сказал я, очарованный запахом съедобной древесины!

– А ты нюхал когда-нибудь листики на кустах зреющего помидора на грядке в огороде? – спросил он, как если бы мы были гроссмейстерами, и он рассказывал о придуманном варианте защиты.

– Нет...

Глаза его ликовали.

– Ты не знаешь этого запаха?

– Я никогда о нем не слышал.

– Это удивительный запах всходящих молодых листочков из земли. Чудесный запах, – повторил он, погружаясь в эфемерную суть воспоминаний. – Я познал этот запах вместе с благословенной землей в Мардакянах, где я вместе с семьей снимал дачный участок. Тогда это был райский край с вроде бы пустынной землей и песочным пляжем, ветром и солнцем. Перед домом был такой типичный, как будто бы пустой ландшафт со скудными лоскутками тени от деревьев в жаркий день. Но меня завораживала эта пустынность, игра света и бедная растительность вокруг. И помню, как я писал этот пейзаж, сидя в тени среди жары на пороге. Потом эта картина имела успех, определявшийся отсутствием в ней привычного содержания, если не вообще содержания. Как можно писать жару без того, на что она действует? Но я написал именно такую, в чистом виде, апшеронскую жару! Там же ко мне повадилась ходить и лисица, а потом перешла на мой участок вместе с лисятами. И однажды я застал их семейство, гуляя, и набрел на нору. Лисята сидели перед норой – четверо их было – и уставились на меня, видно, не видали человека. Непередаваемое зрелище – восемь устремленных на тебя диких лисьих глаз!

– Видно, они чувствовали, что могут жить без вреда; он не исходил от тебя.

– Была там ворона и мыши. Ну, в общем, всего хватало...

– Я вспомнил, что ел однажды необычную траву, очень сочную, казалось. Это было у знакомого, признавшегося, что это – ботва от редиски, замечательная по вкусу травка. Советую. Так что, когда ходил на базар, не позволял продавцам, как обычно, отрывать ботву, а брал редиску вместе со шлейфом, который мыл и съедал.

– А ты пробовал листья свеклы? Это прекрасные листья. Самая вкусная долма получается из них.

– Что ты говоришь? Я и не знал этого...

– А ты попробуй и убедишься.

– Ну, что ж, тогда выпьем ... за это...

Слава в тот день рассказывал о картошке. Как он приехал к родственникам в Россию и, войдя в дом, почувствовал необычный запах. – Что у вас так вкусно пахнет? – спросил. – Картошка, – ответили. – Где же такая растет? – продолжал он, – пахнущая. Я хочу взглянуть.

– Она была некрупная, чуть красноватая, которая рассыпалась подобно гороху.

Я никогда не ел такой...

Он говорил о картошке как об одушевленном предмете с характером и особенностями, которые проявлялись в запахе, вкусе и зримо, если воспринимать, как он... Его нос был чувствителен и широк. Глаза зорки как оконные стекла – там отражалось все – а язык нежен и тяжел, как прибор для снятия проб...

0.3

Когда я возвращался от Славы, завернув по пути домой на бульвар; когда я вышел оттуда и шел по улицам, терзаемый желанием опорожнить мочевой пузырь; когда я шел по улицам, щекочимый зимним воздухом, прикасавшимся к моим щекам, я как будто бы шел из детства в мир, будто я шествовал из юности в степенность, так мне было там хорошо, на улице, и так я спешил, терзаемый мочевым пузырем, домой. Теперь, когда я пришел и освободился от нетерпения, пузыря нетерпения; когда я пришел домой, подумал, почему же я так спешил, ведь я был в том самом детстве, где гладил мне щеки зимний воздух и давило на мочевой пузырь его содержимое. Ведь точно так же я пришел сюда из детства, когда что-то заставляло меня спешить, не доглядев того, что попадалось мне в пути. Не вникнув в улыбку отца, которой он делился со мной, награждая меня ею по нескольку раз в день. Ведь я не мог сосчитать всех складок той улыбки, оставляемых на его лице, из которых она состояла и которые уже никогда не сходили с него. Я не мог их сосчитать, хотя и знал таблицу умножения. Вот так мы убегаем от всего хорошего, застревая на плохом. А потом убегаем и от плохого, приходя к ещё худшему...

1.3

Внутри себя я вижу его (Славу), а внутри него я не вижу молодых лет, когда он писал во цвете сил в мастерской, сырость которой образовывала на полу лужи, по которым он ступал как Христос по воде. Там он и заработал отличительный стигмат, астму, которой отдавался, как женщина по ночам, потому что, по его же словам, был по природе мазохистом. Зачем же отбиваться от неё, если она его так любит? Не лучше ль отдаться ей, как она желает. И он отдавался ей по ночам, наслаждаясь её душевными объятиями! В это время к нему и приходил Вагиф, портрет которого – о, что за портрет! – он сделал карандашом, какого не делал даже Леонардо! И в этом портрете была выражена вся Вагифова суть, вплоть до костей, вплоть до хрящей, соединяющих между собой кости!

О! Что за портрет, в котором был весь Вагиф! Он смотрел с этого портрета не глазами, а душой, торчащей на острие того карандаша, как будто он обмакнул его в душу и писал её мельчайшими клетками. Ведь Вагиф был гениален. Он был не менее гениален, чем Слава. Но, в отличие от Славы, он был долбоеб. Гениальный, в отличие от Славы, который был гений с такими же точно задатками. И это сочетание, конечно же, было у него иным, что и позволило найти верные пропорции. И когда он их нашел, ахнул, потому что перед ним вдруг возник Вагиф – поразительный по своей сути долбоеб.

– Я тоже долбоеб, – говорил Слава, – как и все гении! Но какой был портрет. Я схватил там самую его суть. Но тогда же его у меня и сперли. И знаю, кто. Та блядь, которая работала рядом со мной. Старая шалава, она! Еще бы! Где она видела такой?

Разве что в коллекциях Леонардо, в каком-нибудь его частном альбоме. Верно, когда я спал, она зашла и сперла портрет, потому что ее мастерская находилась рядом...

Когда он спал после своей работы или выпивки с друзьями, как Илья Муромец после сражения со змием, она проникла в его мастерскую и сперла этот портрет, не дав нам увидеть Вагифа глазами Славы...

0.4

Теперь я оценил богатство окружающего меня человеческого фактора в лице, например, Зияддина, сидевшего со мной в кафе – замызганном – к которым мы привыкли, а теперь отвыкаем в связи со строительным бумом. И народ там был – кого не встретишь на меняющихся улицах, а, встретив, не заметишь среди нахлынувших в город вместе с тем, что ему было раньше не присуще, а только в уцелевших от современности кафе, как в аквариумах с редкими экземплярами рыб. Лицо Зияддина – из-за узкого стола – было близко, и я мог наблюдать за жизнью его в отдельных, казалось бы, незаметных проявлениях. Как, например, широко расположены его глаза и сколь темны – они отстояли, по-моему, на большом расстоянии, так что, когда он поворачивал голову, оставался один глаз, а второй исчезал за волнистым контуром лица. И этот глаз выглядывал из-за узкой прорези век, когда он рассказывал о своих любовных похождениях. У него был роман с одной особой, которая с полуслова его понимала, и они сошлись. У нее двое детей, она разведена. И ее, повидимому, устраивал тот вид любви, которую взглядами и жестами предложил ей он, также, как и его устроило, что он получил. – Это то, что нам было нужно, – сказал он, и его глаз, выглядывавший из-за щелочки между век, подтвердил это. – Никаких возражений, – сказал этот зверек, – получили, что было нам нужно. В этот момент через меня пробежала волна зависти. Почему ж у меня нет того, что было ему нужно? Тогда и я мог бы насладиться этим, переправив все заботы на него. Ведь он с ними справлялся. Пару раз он предложил ей денег, но она отказалась. Тогда он предложил ещё, и она взяла. Ему было приятно о ней заботиться. Эти заботы его не заботили. Он сказал, у тебя двое детей, возьми. И она взяла у него деньги. Как-никак, а они ей пригодятся, и ему будет приятно, что помог. Ведь она доставила ему столько приятных минут; вернее, они доставили их друг другу, а теперь, поэтому не стыдно и заботиться.

До этого у него была другая – землячка и большая умница. Он готовил ее для поступления в ВУЗ, а она прилюбовала его. Она сказала родителям, хочу жить только с ним. Хочу, чтоб он впредь был моим мужем. Но, детка, он же женат, – возражали родители. – У него семья, двое детей, школьников. – Ничего не знаю. Он или никто другой, а жена – пошла она к черту! – так говорила эта абитуриентка, позже студентка и, наконец, дама – недавно он ее видел – красавица, что и сказать! Он и не сразу её узнал, незаметно последовав за ней, чтобы убедиться в своей догадке. Да! это была она. Разодетая в пух и прах, неотразимая. Но с ней у него всё кончено, уже как шесть лет. Она поставила невыполнимые условия, она или его жена. Ребром. Ведь она лезгинка, такая же, как и он. Он ответил – катись, мол, к черту! Но между ними была любовь, от которой остались только два ребра! Самопоглощающая, истязающая. Родители обижались, когда он приезжал в район и не заходил к ним. Они считали его зятем. И трое братьев её так же считали. Нет, она не безродна. У нее влиятельные родственники, которые работают в городе на хороших должностях. И, если б хотели, сжили бы его. Не говоря уже о братьях, которые стерли бы его в порошок, если б захотели. Один из её братьев в горах сказал старшему его брату, что

они родственники, на что тот ответил, что знает родственников со стороны жены брата и не признает других, самозваных. Потом братья вызвали Зияддина на переговоры, но он не пошел. С тех пор они и разошлись.

– Как они могли считать ее женой, не говоря уже, что тебя – мужем, если вы не были женаты, да к тому же, у тебя была жена с двумя детьми? – не выдержал я.

– Родители, видно, не могли справиться с дочерью, братья с сестрой, а родственники с ней, идущей разбивать чужую семью.

– И тогда ты сделал ответный шаг, выйдя из крепости семьи к неприятелю, чтобы создать видимость, что он одержал победу, когда был обманут?

– Ну, в общем-то, да. И поэтому я не пошел на переговоры.

Я позавидовал любви, являвшейся видимостью брака, но, конечно же, не окружению самозванки в лице родственников и особенно трёх её братьев, с которыми не пошел на переговоры, правильно поступив, я заметил, символический муж. Глаз его из-за полусомкнувшихся век – он подпирал лицо рукой, облокотясь о стол – и лицо жили жизнью, от которой были далеки братья его условной нареченной, которые, однако же, могли дотянуться до нее.

1.4

Приходил Женя в вишневом и эластичном пиджаке из натуральной кожи. 500 долларов – цена, которую заплатила опекавшая его сестра. Муж ее был директором винного завода. А Женя приходился ему шурином, поэтому и позволял себе недовольные реплики: мол, Эльдар для него ничего не сделал, палец о палец не ударил, а Марьям не отпустила за границу и держит при женщине, которая его не волнует, претендуя на комнату в его квартире; он с ней уже не живет.

– Сказал, что отберет у неё ключи и вышвырнет из дому, – жаловалась Марьям.

– Потому что она претендует на комнату в его квартире, – возразил я.

– Ну и что... А где ей ещё жить? Она семь лет, как живет с ним, кормя и стирая ему одежду. Она, не покладая рук, работает, чтобы заработать на хлеб и косметику. А он что? Разве могут все быть плохими? Пусть назовет хоть одного человека, который по его понятиям, устраивал бы его. Нет такого человека, включая и его. Я и квартиру ему устроила, и одеваю, и обуваю его, и женщину нашла, чтобы присматривала. А он что? Ушел с одной работы, потом с другой, сидит дома, баклуши бьет. Ты пойди, посмотри, в каких условиях он живет. Все у него есть; и обставленные комнаты, и ванная, и туалет, и телевизор, и видеомагнитофон. А что ещё надо? Нет, он, видите ли, недоволен и хочет избавиться от единственной работницы в доме, чтобы приводить туда бомжей и пить с ними в нечистоплотной обстановке. Она устала ухаживать за его дружками, которых он приводит домой с улицы, кормить и убирать за ними посуду, слушая их пьяные беседы...

У Жени же под вишнёвым пиджаком скрывались иные аргументы. Мол, он может сделать из лягушек такое произведение, покрыв их лаком, что ахнут не только знатоки по концептуальному искусству, но и любители, и те, кто не любил никогда концептуализм. Потому что рецепт этот передал ему бывший рецидивист, с которым он работал в художественном цехе. Он сказал: «Тебе я могу передать, как из живых лягушек сделать мертвых, чтобы они замерли в танце!»

– Ему скостили срок за композицию, где пойманные им в зоне лягушки взялись за лапки, чтоб исполнить краковяк! – говорил Женя, когда мы сидели в пивной. – Понимаешь, я художник по натуре, такой же, как и ты в душе – но отсюда, с высоты

выпитых кружек пива, не видно – писатель. Ты все же писатель, я чувствую, хотя, к сожалению, и не вижу. Вот я такой же точно художник, потому что не могу смотреть на произведения искусства, особенно живописи, скульптуры, графики или концептуализма. Когда я был в Эрмитаже, закрывал глаза на шедевры, потому что не мог этого видеть – с закрытыми глазами и не увидишь! – а я нарочно их не открывал, чтобы ничего там не видеть. Не нужен мне этот шторм впечатлений, который вызывают во мне произведения искусства. Я, например, сделал скрипку, декоративную, на которой Паганини, якобы, недекоративно играл, порвав на ней три струны, так что осталась одна... не знаю... Так что, если эту скрипку увидит Слава, думаю, он закроет глаза, чтобы не испытать шока... Так она шокирует... пожалуй, не меньше, чем некогда игра Паганини …

Когда до этого мы были в мастерской у Славы, Женя попросил разрешения снять свой пиджак, не забыв упомянуть его цену, на что у Славы возник вопрос: «А что, разве это натуральная кожа?» После чего, как бы в ожидании этого, хозяин протянул ему пиджак со словами, «можешь сам пощупать». И Слава, принимая пиджак гладяще щупающими движениями рук, возражал: «Да, я и не разбираюсь,» – не отрицая, однако, взглядом приятности прикосновения. Вторым шагом была его просьба обращаться к хозяину не на «вы», а «ты».

– Ну, конечно же, – радостно подтвердил Слава, – конечно.

Потом Женя спросил:

– У тебя здесь кошки?

– А что, пришла она?

– Да нет, но я вижу миску. Они у тебя что, девочки?

– Нет. Я держу только мальчиков. Девочки рожают. А у меня нет воды, чтобы топить их котят...

Чтобы продолжить разговор, я сказал, что Женя жил в Рязани.

– Да, у меня была там собачка, дворняжка, которую я приютил. Так она пыталась, за неимением лучшего, спариться с породистыми догами, когда их выводили на прогулку. Потешная была собачка.

– И давно ты живешь в Баку?

– Ну, уже 11 лет. У меня здесь кошка, с которой я общаюсь, и которой не хватает любви. Вот я и подумал, может быть, привести ее к твоим котам?

– Нет, кошек я не держу, с кошками возня, особенно, когда у них появляются котята... Мне негде их топить, я еле успеваю себе натаскать воды...

– А что ты будешь делать с котятами? – спросил я.

– Продавать...

– А кто их у тебя купит? – поинтересовался Слава.

– У меня ведь кошка не простая, сибирская, мышиной расцветки. Сестра ее за 80 долларов купила...

– А, ну тогда может быть...

– Она все понимает и знает, что мне нужно, о чем я думаю. Так что, после общения с ней, я теряю интерес к людям...

– А это ты зря... – пытался вмешаться я.

– Не перебивай его. Видно, что он прожил жизнь и немало видел, – прервал меня Слава.

– Что значит художник! Он угадал, кто из нас чего стоит, – подбодрил его я.

– Еще бы. Я чувствую, этот человек много видел, а ты – видел недостаточно. Видать, угол твоего зрения был ограничен, может быть, домашними окнами, не знаю, – продолжал Слава.

– А все потому, что он видел в жизни немало, – представил я художника.

– Хотя я не выезжал никуда, можно сказать, дальше Мардакян, но встречался со всеми: ворами в законе, шулерами, торгашами, убийцами, – воодушевленно продолжал Слава.

– Я тоже встречался и с убийцами, и торгашами, и шулерами, и ворами в законе, и должен сказать, эти последние – справедливые люди. Их слова – истина в последней инстанции...

– Нет, подожди... Не все они, как говоришь; бывают и среди них исключения...

– Тогда это не воры в законе...

В это время вошла Людмила Михайловна.

– Вы какой национальности? – спросила она с места в карьер Женю.

У Жени были маленькие, но красивые, голубого цвета с зеленоватым оттенком, глаза, небольшой нос и круглое лицо. Он нравился женщинам, и настоящее его имя было Джамшид, как он и представился.

– Но это имя не вяжется с вашей внешностью, – решила блеснуть эрудицией Людмила Михайловна.

– А разве национальность имеет такую важность? – возмутился Джамшид.

– Не знаю, но меня интересует ваша национальная принадлежность. Неужели женщина, вроде меня, не имеет права ожидать ответа на столь простой вопрос?

– Но я, в свою очередь, не понимаю, как мой ответ может характеризовать человека. Я в себе не разобрался, а вы хотите узнать, какой я национальности. Даже океан изучен на 10%, оставаясь тайной на все 90%.

– Меня не интересуют тайны океана, а человек, стоящий передо мной.

– Он больше Женя по виду, чем Джамшид, – вмешался я, – потому что мать его была русской, а отец – азербайджанец.

– Ну, так бы и сказали, я не хотела никого обидеть.

– Она украла все мои картины. Она – миллионер по национальности, и поэтому этот вопрос ее интересует, – пояснил Слава. – Женщина, ты принесла мне что-нибудь, кроме глупых вопросов?

– Ах, помолчи хоть ты. Все у тебя есть в холодильнике. Я об этом как всегда позаботилась.

– Какая она тупая! – обратился к нам взглядом Слава. И потом, переведя глаза на Людмилу Михайловну, повторил: – Ты принесла мне что-нибудь, я спрашиваю? – повышая голос и показывая на недопитую бутылку водки.

– Тебе нельзя пить, Слава. Ты что, дурной?

– Сама ты дурная, – и уже обращаясь к нам, – ей-богу, я ее выгоню.

– Вот и моя Соня такая же. Не могу избавиться от нее, – вставил Женя.

– Вы и сами, верно, понимаете, – продолжала Людмила Михайловна, чтобы, скорей всего, оправдать своё появление здесь, на чердаке, так неожиданно и, в особенности, в глазах гостя, – что такая женщина, как я, никогда не была обделена мужским вниманием…

Она, несмотря, что была изящна, но её заостренный нос, серые, убранные назад волосы, четкий лоб и подбородок делали ее, скорей, похожей на мужчину, так что мужского внимания ей хватило бы, если б она иногда смотрелась в зеркало.

– Ну, конечно, о нем мне рассказывали, – указала она рукой с поднятым пальцем на Славу. – Не стану скрывать, когда я его увидела, меня поразила его шевелюра, плечи, взгляд… И потом, манера обращения, когда он подошел ко мне… Когда он не пьет, становится таким же…

– Когда мы пришли, – заступился за Славу я, – у него всё тело болело. Он кряхтел как развалившийся диван. И спина у него колола, и почки не слушались…

– Ариф даже сказал, может быть, мы грех совершаем, открывая водку, – поддержал меня Женя.

– А теперь он расцвел как цветок. Он же – красавец. И шевелюра ежиком и глаза повеселели…

– Да, я же лечусь так. Неужели все невесты такие тупые! Она не понимает этого… или скупится покупать мне лекарство. Девять картин у меня унесла, – посмотрел он на нее. – А что я получил?…

– Не девять, а шесть, которые ты пропил и проел. Все, я ухожу, – сказала она, проворно поднимаясь с кресла.

– Ну, уходи, – ответил Слава, не спеша вставая с кровати, на которой мы сидели, беседуя с Людмилой Михайловной.

– Но я должна сказать, что пока меня здесь не было, приходила всякая шпана, и разбирала по одной его работы, когда он пил, а потом отключался до бесчувствия…

– Да уходи уже… Боже, какая она тупая! – это было обращено к нам.

– Однажды я решила отомстить, – полуобернувшись и сопровождаемая из мастерской Славой, всё ещё говорила Людмила Михайловна: – и не приходила целую неделю, так он голодал, потому что все, кто приходил, приносили ему одну водку, и никто не догадался принести немного хлеба… Только я через неделю принесла…

Когда мы лишились женского общества, Женя рассказал о китайском способе выращивания конопли.

– Ты его испробовал? – поинтересовался Слава.

– Конечно, она прекрасно растет в горшках.

– А что это за способ такой?

– В Китае как-то была засуха, что угрожало посевам риса. Китайцы ведь питаются рисом, и их к тому же немало, не меньше, чем риса. Вот они и придумали способ удобрять его пометом. Помета у них тоже достаточно. Так что рис разросся без всякой влаги, и они перехитрили засуху, а я – всходы конопли. Она разрастается у меня в горшках не хуже, чем у них в полях рис.

– И ее можно употреблять в курение?

– А для чего её растить, если не употреблять? Но чтобы она была качественной, с ней надо разговаривать, пока она принимается и всходит, и тогда она вам ответит сполна. Это – не водка, которая дурманит; она, напротив, оживляет и возрождает… В таком состоянии можно творить. Будучи в таком состоянии, я и сотворил скрипку Паганини с одной уцелевшей струной.

– И на ней можно играть? – спросил Слава.

– Нет, это – декоративная скрипка, и на ней можно только имитировать игру.

– А как ты ее сделал?

– Из отходов мебели… Где склеил, скрепил, перевязал…

– Тогда наливай, выпьем за тебя, – сказал Слава. – Кстати, очень красивая бутылка, необычной формы, – заметил он.

– Эту бутылку сестра ездила заказывать в Италии, – уточнил Женя.

– Значит, это итальянская бутылка?

– Да…

– Ну, что ж, тогда тем более выпьем из этой бутылки.

– А мне она даже не может поставить антенну, чтобы ловить всякие каналы…

– Разве мало тех, что есть? – удивился Слава. – Я все время смотрю интересные передачи. Про животных, например, космос и т.д.

– Я поразился, узнав в одной из таких передач, что 90% океана не изучено. Представьте, космос изучен, а 90% океана не изучено, – вернулся к интересующему его вопросу Женя.

– Космос тоже не изучен, – добавил я.

– Человек не изучен, а норовит все портить. Я не могу смотреть, когда, к примеру, срывают растения, – продолжал развивать мысли Женя. – Ну, зачем же срываешь ветку, вместо того, чтобы посадить…

– А сейчас все такие, ни до чего им дела нет, только бы самим было хорошо …

– Я не могу смотреть на это; нет уж, лучше разговаривать с кошкой или стеблями конопли, только не с этими. Или смотреть передачи по каналам, которые можно поймать антенной, не купленной ещё сестрой…

– Представляешь, она не дает мне денег на краски, – признавался Женя в пивной за недопитой кружкой пива, когда обслуживающая девушка в выразительном платье ушла приносить сдачу. – Поэтому приходится писать гуашью и покрывать это подсолнечным маслом, чтобы выдать за масло и холст, хотя там нет ни того, ни другого…

– Извините, я вам дам меньше, поскольку не нашлось мелочи, – сказала девушка, положив на деревянный столик сдачу и оторвав от нас игривый взгляд.

– Она не додала тебе? – поинтересовался, когда она ушла, Женя.

– Самую малость…

– Девушка, можно вас?

Когда она оказалась рядом, стоя над нами, он сказал:

– Когда мы придем в следующий раз, вычтите, что не додали из нашего счета…

– Хорошо, – согласилась девушка, упорхнув, и чуть поднявшийся край её платья как бы ответил: кто будет помнить такую мелочь…

Когда мы уходили, заметили приоткрытую дверь в мастерскую Усейна.

– Идем, познакомлю тебя со скульптором, – предложил я.

Усейна в мастерской не было, а был подмастерье, который тут и там, по указанию хозяина и по ходу его вкусов, обновлял мастерскую.

– Он скоро придет, располагайтесь, – встретил он нас приветливо.

Когда же появился Усейн, лицо его показывало, что приветливое лицо подопечного ввело нас в тупик, выход из которого прикрывало собой лицо Усейна, так как он, пожалуй, не ждал нас совсем. Он, кажется, думал о чем угодно, только не о нас, тем более, что Женю он не знал. Может быть, он думал о походке только что виденной им уличной красавицы или, что ему не о чем больше думать? Но лицо его было, как будто он надел на себя маску, или, может быть, его надели на другого… Но что-то с ним всё же случилось.

– Ты что, не в духе? – спросил я.

– А что, это заметно?

– Да…

– Это все из-за нее…

– Из-за кого?

– Случалась у тебя депрессия, когда ты ничего не можешь, кроме того, чтобы без конца об этом твердить и грызть себя, становясь ещё менее деятельным…

– Я всегда в таком состоянии, как и теперь…

– Это неважное состояние…

– Но есть известное средство выхода, – подключился Женя, рассказав о китайском способе выращивания конопли. – Конопля – это не водка, которая притупляет. Она направляет умственную энергию в нужное русло. Если ты, к примеру, задумал провести черточку, и тебя отвлекли, может быть, соседи, которые пригласили играть в нарды, то после игры, если, конечно же, она не длилась больше её действия, ты вспомнишь о ней и, вернувшись, непременно проведешь эту черточку. Конопля – природное средство. Все животные, в зависимости от их вида, пользуют те или иные наркотики, среди которых есть и грибы, например, мухомор.

– Но мухомор ядовитый гриб, – пробовал возразить я.

– Существуют различные сорта, в том числе и наркотические. На российской выставке художников была представлена картина Глазунова, где наряду с остальными он изобразил Ленина на броневике, держащим в руке этот гриб.

Когда мы уходили, я обратил внимание Жени на картину, писанную Славой в молодые годы, где, казалось бы, он изобразил сцену, вырванную из тумана его впечатлений вместе с самим этим туманом, потому что не было четких черт на лицах его персонажей, но тем более глубокими казались их характеры; то есть характерные признаки вырывались из их сущности, как бы минуя внешние, и тем более странной она представлялась. В ней не было сюжета. Сюжет можно было только угадывать. Или это ссора между старухой и цыганкой, в которой замешаны и другие лица, ни число, ни индивидуальности которых не определены; причем, старуха поглощает ваш взгляд, унося его куда-то в глубину, а цыганка кружит его вокруг себя, не давая возможности ее разглядеть … Или это сцена гадания, когда гадалка окружена клиентами, старающимися выудить у неё тайну, о которой знает только старуха, но у нее невозможно ее выманить, как и всё, что исчезает вместе со взглядом, так как старуха поглощает всё, что к ней обращено …

– Эта картина стоит несколько миллионов, – сказал, не сдвигаясь с места, Женя.

– Неужели ее нельзя почистить? – спросил я, подстегиваемый им.

Она была вся в пыли, как и все в мастерской, к чему добавлялись и пятна, образованные ржавчиной, разлитым чаем, ожогом от окурков и бог знает, еще чем. Так что к туману его впечатлений добавлялся и туман, образованный частицами пыли, приставшими к рельефным мазкам.

– Нет, нельзя, она осыпется.

– Как жаль, твои впечатления покрытые туманом волнений, накрылись ещё сверху толстым слоем пыли.

– Но это ж естественно. А я люблю жизнь не меньше, чем живопись, особенно, когда они срастаются.

1.5

Вчера на телевизионной передаче была задета больная мне тема – что есть жизнь? Было сказано одним из собравшихся там людей, что оставшиеся за экраном их собратья заменяют жизнь кто чтением книг, кто – работой, а кто – любовью и т. д. И что в любом из этих случаев происходит подмена жизни суррогатом. «Как если б набрали ведро воды из океана, и оно уже не было б океаном», – думал я. Но тогда, что есть жизнь, если она – не чтение книг, работа, любовь и т. д. Несомненно, что она состоит из этого, как океан состоит из несметного количества ведер воды (не являясь, однако же, ни одним из них). То есть, она больше и глубже?... Но, что она, нельзя, пожалуй, сказать. Она – что собой представляет, не меньше. Никакие проявления ей не идентичны. Но мы узнаем о ней по проявлениям и поэтому подвергаемся соблазну отождествить последние с первой. Например, Слава живет на чердаке и проявления жизни, за которыми он может наблюдать – переменный свет в окне на крыше, падающий с неба в его мастерскую, похожий на свет, который он наблюдал ещё в школе, подростком, когда отворачивался от учителей к окну, чтобы наблюдать за тем, что происходило на улице. Это было интересней гримас их лиц и шевелящихся ртов, куда интересней. Так он и проучился в школе, наблюдая за тем, что происходило на улице, и, поступив в художественное училище, понял, что они хотели сказать. Он первым из студентов группы угадал решение задачи, которая была изображена на доске. Он сказал, не понимая, что делает, я могу ее решить. И показал на доске решение. Откуда оно пришло? Видимо, кривящийся рот учителя математики, когда он смотрел в окно на происходящее на улице, передал ему информацию, о которой он не подозревал. Так что жизнь проникала в него через уши и глаза ещё в школе, где он учился, по его словам, на заслуженные единицы, а тройки были подарками, которыми забрасывали его учителя, дав ему возможность поступить в художественное училище, директор которого аж ахнул, увидев его рисунки. В это время у двери в его кабинет собралась толпа выпускников – он выдавал дипломы об окончании – так вот, он их вызвал, разложив перед ними работы абитуриента.

– Посмотрите, – сказал он, – как надо рисовать! А то я в течение вашего обучения не мог это объяснить.

Теперь в его мастерской, кроме небесного света, который поступал сквозь призматическое окно крыши, была и Людмила Михайловна, последняя любовь, которая чуть ли не каждый день его навещала.

– Знаешь, как я с ней ругаюсь? – заявлял Слава.

– Как? – спрашивал не без любопытства я.

– О! Если бы ты знал, как я ругаюсь. Штукатурка, аж и та со стен сыплется.

Хотя штукатурка, вернее, та её часть, что могла сыпаться, осыпалась, так как мастерская находилась в упадке, хотя и располагалась на чердаке!

– Когда я с ней ругаюсь, – продолжал он, глядя мне в глаза, – стены дрожат, я сам дрожу как осиновый лист. Все мои внутренности дрожат как листья на деревьях. Я так дрожу, что начинаю задыхаться, и тогда она собирает свои вещи и убегает. Потому что я бываю страшен, как дрожащее правосудие!

Людмила Михайловна, последняя его любовь, как он выражался, приносила ему сигареты. Самые дешевые, но натуральные, которые он курил, вытягивая из их табака жесткие стебельки соломы, а потом, заправляя в черную, с дымчатым оттен-

ком трубку, чтобы, наконец-то, закурить.

– Я курильщик, – говорил он, – и поэтому люблю натуральный табак, который имеется в этих сигаретах. И не могу без сигарет, поскольку я – заядлый курильщик! Когда мы ссоримся, и она не приходит, я могу обходиться без еды, но без курева, увольте, не могу. И тогда я питаюсь этими вот окурками, – он показывал на бездействующий, полуразрушенный, заваленный всякими окурками камин, похожий на гигантскую пепельницу курильщика-атланта. – Жизнь, переданная им губами тех, кто целовался с ними, когда они были ещё сигаретами, передается через них мне. Однажды они поддержали во мне жизнь в течение целого месяца, когда я ничего не ел, а питался этими окурками.

Кроме сигарет, Людмила Михайловна приносила ему и спирт.

– Когда я не пью перед сном, я не могу уснуть, а когда выпью, сплю как младенец, – говорил он.

А кроме сигарет и спирта, она приносила еду и овощи. Он любил чеснок, лук. И, конечно же, картошку; мясо, чаще курицу, а ещё чаще куриные конечности. Реже или очень редко рыбу.

– Да что ты купила, одни хрящи, – жаловался он, рассматривая кусок купленной ею белуги. – Я не буду есть эти хрящи. Я же художник! И мне нужно мясо. Чтобы оно золотилось, поджаренное в масле.

– Да где же ты видишь здесь хрящи?! – возражала высоким голосом Людмила Михайловна. – Тут только один хрящик, который я вырежу и сама съем, а тебе достанется тогда одно мясо. Ведь рыба не бывает без хрящей, а ещё художник называется! Где ж ты видел-то рыбу без хрящей?

– Ну, ладно, ешь эти хрящи сама. А мне приготовь одно мясо, и чтоб оно золотилось на сковороде, окруженное маслом.

Потом, когда она готовила в мастерской это блюдо, он то и дело подбегал к ней, заглядывал в сковороду и возмущался.

– Кто же так готовит? Ты же варишь ее, а не жаришь. А я хочу жареную, золотистую рыбу и без всяких этих хрящей.

– Так я же снимаю хрящи, ты что, не видишь? Иди и не мешай мне, пожалуйста. Я знаю, что делаю.

– Какая она тупая! – обращался он уже ко мне. – Измывается над рыбой, как измывалась надо мной, начиная с 2000-го года. Я на той дате, когда мы с ней познакомились, поставил крест в календаре, потому что моя жизнь кончилась, и началось одно мучение. Разве это жизнь? Она даже рыбу не может как следует приготовить.

Так что последняя его любовь, Людмила Михайловна, нет-нет, да и ухаживала за ним; присматривала, так сказать. Ее заботам и настойчивости он был обязан тем, что она выхлопотала ему пенсию, как заслуженному художнику, и восстановила паспорт. Почему же он препирался тогда с ней? И, как он смел повышать голос на нее, облагодетельствовавшей его, когда он без паспорта и звания, которые только и слышались на устах, но не были запечатлены в документах, слонялся в мастерской? Или пил с угодничавшими перед ним коллегами или бродягами или валялся без памяти, когда они уносили из мастерской по одной его работы; почему он обращался так с ней? Потому что она считала теперь вправе распоряжаться его картинами, часть из которых уже находилась у нее дома.

– Она забрала все мои картины, она обобрала меня, – жаловался Слава.

– Не начинай, пожалуйста, – парировала как высокая струна в эоловой арфе

Людмила Михайловна, как будто ее задел порыв ветра. – Я сейчас встану и уйду.

И вставала и уходила, потому что Слава не считал нужным спускать свой завод – ведь рядом с ним был человек, с которым он хотел выпить, вне глаз Людмилы Михайловны. Она немало, да уж, много сделала для него, как я и говорил. Однако же по сравнению с тем, что она у него брала или намеревалась взять или даже не взять, а просто посчитать своим, по сравнению с его картинами, это было, ну, всё равно, что ведро, ладно, пусть несколько ведер воды из океана по сравнению с ним. Она и сама это признавала.

– Это на века, – говорила она про какую-нибудь из работ Славы.

Так вот, я спрашиваю, кто больше знал о жизни или жил? Он, обитая на чердаке и не участвуя в жизни из-за труднодоступности её, или Людмила Михайловна, лишь кратковременно поднимавшаяся на чердак со дна окружавшей его жизни? Он или его коллеги, нырявшие в день по несколько раз в ее волны, чтобы участвовать, как и все смертные, в буднях ее? Он или все остальные, которые только и барахтались в ней? Может быть, жизнь познается лучше на расстоянии, или мы живем полней, когда к ней не приближаемся, а только на полотнах Славы, в его женских портретах, морских пейзажах или букетах роз было больше жизни, чем вокруг него, в нем и всех тех, кто его окружал, если только я не ошибаюсь...

0.5

Идя по улице с двумя нагруженными сетками, как будто он вытаскивал из моря полные сети рыбы, Таги выслуживался перед кем-то. И, зная его природную скупость, я догадался, что он выслуживался так перед семьей, а, точнее, перед женой, с которой он, должно быть, наладил отношения. Он, скорей всего, выслуживался перед ней, таща сетки, как жеребец подводу, хотя и перенес два года назад инфаркт и как будто тем самым был отстранен от подобного рода занятий. Но теперь он, кажется, забыл о своём недуге, возвращаясь с полными сетками продуктов домой. Несколько лет назад он жил в стороне, снимал квартиру – «на кладбище», как говорил Таир, – так как семья отторгла его за какие-то провинности. И там он и заработал инфаркт, в одиночестве. И до недавнего времени жил один, не удостоившись быть прощенным. А теперь я его видел с двумя полными сетками продуктов около дома. И он тащил их, думая, как переступит порог своего дома. И ему, конечно же, не нужен был я, заставший его буквально в двух шагах от дома, когда он собирался, не с пустыми руками, вступить в свою семью. Ему не нужны были ни мои рассуждения, ни мои наблюдения, так как он на одном только дыхании делал то, что без помех и проволочек возвращало его в семью. Поэтому он и склонил так голову как жеребец, от которого требовалось усилие для подъема такой тяжести, и ему было приятно, это усилие, которое позволяло ему служить семье. Хотя голова его и опустилась, но он был весел, так как знал, что возвращался туда, откуда был изгнан. Но то было лишь в далёком прошлом. А теперь он предвкушал возвращение и не чувствовал тяжести двух полных сеток, а только ту реакцию, что будет вызвана его приходом домой.

1.6

Были с Женей у Славы. И он встретил нас бодро, говоря, что рад нам. Он был облачен в белый махровый халат, правда, не первой свежести. Я сказал, что он, ви-

дать, ждал нас и перед встречей омылся, облачившись в этот халат, что он и подтвердил, кивая – у него не было не только ванной, но и туалета! Он удалился и вернулся, садясь рядом с нами на широкую кровать, и я заметил на его шлепанцах и немытых, босых ногах следы от влаги. «От мочи, – подумал я, – он только что сходил по-маленькому».

– Раздевайтесь, – предложил он, видя, что мы остались в верхней одежде.

И мы разоблачились.

– Тебе нравится мой пиджак? – спросил Женя, снимая свой вишневый пиджак и протягивая его мне, чтобы я на ощупь, взгляд или еще как-то оценил его.

Я слегка коснулся его рукой и скользнул по нему взглядом, сказав, что пиджак этот качественный, что у Сальвадора Дали вряд ли имелся такой! Слава понимающе улыбнулся, выглядывая, всё ещё сидя, ясно-голубыми глазами из-за белого халата. Он оценил мою остроту! Начало нашей встречи было положено. Потом мы разложили на том, что называлось столом, а на самом-то деле это была хромая табуретка, фрукты и водку. Слава достал почти что непрозрачные от грязи рюмки, причем не досчитался одной.

– Ничего, – сказал он, пока Женя протирал пальцами и водой рюмки, – я буду пить из чашки. У меня, знаешь, какой слух? Я могу налить в чашку, угадав по звуку, такое же количество водки, как и в рюмку. Я – Бетховен в этом смысле! Будь хоть ведро, я налью в него не больше, чем в рюмку, ориентируясь по звуку!

Вдохновленный этим, Женя заявил, что он посадил у себя дома в горшке семена конопли, и они уже проросли. Так что в следующий раз он презентует Славе молодые побеги.

– И они будут расти? – поинтересовался Слава.

– Если ты будешь с ними говорить, – добавил я, помня, что Женя намекал, что он будто бы с ними разговаривает.

– Я буду им петь по утрам! – ответил Слава.

– И не забывай по вечерам им читать стихи, – продолжал я. – Тогда они у тебя примутся и пойдут в рост!

Потом Слава разлил водку в рюмки и чашку, ведь он был Бетховен по разливанию в разнокалиберные сосуды жидкости, ориентируясь только по звуку! И мы выпили за эту его способность.

– А что у тебя тут лежит? – заметил Женя. Он был наблюдательным на мелочи, как и Слава на звуки.

– А это пригласительный билет на вернисаж. Его поднесла мне молодая особа, работы которой там выставлены.

– А не хочешь, чтобы вернисаж оказался у тебя, также как и выпивка, с переменой или, может быть, с сочетанием мест.

Я имел в виду работы Жени, которые он принес, чтобы показать Славе.

Женя по одной вынимал эти работы.

– Поставь их туда, – указал Слава на грязный столик, где лежала одна из его работ – женский портрет. А потом помогал устанавливать и остальные работы на этом же самом столике. – Подвинь их, вон туда, – говорил он. – Что это? – спрашивал он у Жени про одну из его работ, на что Женя, издалека, невнятно и волнуясь, что-то отвечал. – А теперь убери эти и оставь ту.

На небольшой цветной картине была изображена полянка со столиком, по одну сторону от которого стоял фокусник, а по другую – сельские жители. У подножия

стола была изображена резвая собачонка несколькими мазками, весьма удавшаяся.

– Это – фокусник, он показывает фокусы. А это – колхозники, наблюдающие за ним. Собака тут лает на девочку. Этот мужчина что-то шепчет на ухо женщине.

– Он меня возбуждает! – сказал Слава. – Эта картина мне нравится.

– Понимаешь, я здесь не все написал, это же гуашь, да к тому же и Соня...

– Какая разница, чем ты ее писал, неважно! А картина у тебя законченная...

– А мне казалось, что я не сделал здесь лица фокусника и не выписал там девочку. Это гуашь, понимаешь, Слава... и, к тому же, писать на крышках от коробок...

– Был такой художник, который писал на крышках от коробок, и другой, писавший на канализационных люках, имена которых остались в искусстве. Но ни тех люков, ни тех крышек нет на своих местах. Они находятся в музеях. Так что неважно, чем ты пишешь и на чем... А картина эта законченная, и мне она нравится, – сказал Слава тоном мэтра живописи.

Влага с его ног уже испарилась, шлепанцы были сухими, но все такими же, погаными; концы ног были с грязными ногтями; но в глазах его была контрастирующая с этим почти небесная чистота. И в словах его была завидная глубина, в которой, как и следовало из законов физики, не мог утонуть разнородный лепет Жени.

– ...да к тому же, и Соня в последнее время меня достает своими придирками, так что приходится на нее кричать...

– О! Знаешь, как я кричу на Людмилу Михайловну, а они, надо сказать, любят это; их хлебом не корми, а вволю накричись. Они же кончают при этом! В последний раз я на нее так прикрикнул... Я спрашивал потом у соседей, слышали ль они, как я на неё кричал. Они говорили: не то, что мы, живущие прямо под тобой на пятом этаже, но и на втором, и первом этаже все слышали, и кое-кто из проходящих тогда по улице. Так что пришлось ее выгнать в тот раз, вернее, она сама выбежала, не выдержав моего крика, хотя и глухая наполовину.

– Вот и я свою Соню выгнал позавчера...

– Так что в этом ты сравнялся со Славой, – заметил я.

– Нет, эта картина мне нравится, – продолжал Слава, уловив мой намек. – Из тебя, пожалуй, человек получится.

– Слава, ты сегодня неплохо выглядишь! – решил я подбодрить его. – Удивительно, что многие из твоих сверстников, находящихся в цветущем окружении, умирают, а ты, извини меня, живя в разлагающейся обстановке, цветешь как стебелек ландыша. И глаза у тебя в блеске не уступают небу. И улыбка расцветает на твоём лице чаще, чем в горшке у Жени всходы конопли!

– А потому, что я на все ... положил, – ответил он радостно, оценив мой комплимент. – Мне ничего в этой жизни не надо. Ни денег, ни комфорта, ни признания, потому что я на все это ... положил. Но из этого всего мне досталось одно лишь признание, потому что нельзя не признать во мне гения, ведь я гениальный художник! Когда я был ещё молодым, все так и говорили. Но я не поддался соблазну, чтобы почивать на лаврах. Наоборот, я думал, почему же обо мне все так говорят? Что гений, я знаю, так зачем же об этом говорить? Может быть, они хотят усыпить меня лестными словами? И тут я злился и принимался за новую картину. И чувствовал, что сокрушаю каноны, размахивая кистью по холсту. И на холсте появлялось тогда то, чего никто не ожидал, в том числе и я. Теперь я больше смакую свою будущую работу. И пишу ее, не спеша. И сначала вот здесь, – он показал на свою грудь, – а потом уже там, – он указал на холст. – Теперь мне не надо никуда спешить, и я могу обдумать,

что пишу... Правда, я давно уже не писал. Целый год, можно сказать, но чувствую, что пора начинать; набросать что-то на холст, что во мне уже накопилось...

0.6

Недавно я видел по телевизору актера, напомнившего мне Ильгама, и вспомнил его смерть. Вернее, я увидел его вместе со смертью. То есть, Ильгам вместе с концом, как я раньше представлял его собаку, которая была стара и слепа – пудель вместе с медалями, который был теперь жалок и слаб. И медали его были как бы насмешкой над ним. Некогда он был породистым пуделем, заслужившим на конкурсах эти медали. А теперь – умирающим пуделем, с горсткой сохранившихся с тех пор медалей. Потом он издох, и Ильгам хранил в ящике эти медали, потому что пудель тот был его прошлым, от которого они сохранились. А потом умер и Ильгам, хранивший в ящике медали своего пуделя. И теперь он представлялся мне вместе с концом, как раньше представлялся с неизбежным концом его пудель. Который узнавал его только по звуку и слабому запаху, потому что ничего уже не видел и едва различал запахи. И Ильгам был ему всем, единственным маяком в жизни, которую освещал тусклый блеск медалей для Ильгама и тех, кому он о них рассказывал. Но пуделю эти медали были нипочем. Его интересовал только Ильгам, запах Ильгама, где он находил защиту от свалившихся на него вместе со старостью недугов. А потом не стало и пуделя вместе с его недугами и старостью. И медали эти были заброшены в один из ящиков комода. И Ильгам пил, чтобы не думать о пуделе, но больше ещё о жене, которая подставила ему с другом такую свинью, что он не знал, как быть, ведь не думал же он, что подставят свинью те, кому он доверял. И поэтому он не знал, что делать и предложил другу компромисс – мол, пусть он заплатит за жену, что ее соблазнил. И друг тут возмутился, что он предлагал? Ведь он унижал не только себя и его, но ее! И между ними тогда произошла стычка, и Ильгам его изувечил. Но не вернул жены. И потерял друга. А потом и пуделя.

Представление Ильгама вместе с концом, позволило мне мысленно проникнуть в него. И прилипшие к его голове влажные волосы обрели некий смысл, как бы свидетельствующий о его жизни вместе с концом. Как будто я должен был что-то угадать ещё при его жизни, но не угадывал и после смерти, хотя понял, что они намекали: жизнь его прервётся, подобно волосам, прекратившим свой рост. Кончина его помогла мне мысленно двигаться не только от тех моментов его жизни, которые я знал, к концу, но, что главное, от конца к тем моментам его жизни, которые стояли уже ближе к началу, причем, по иному пути, который вместе с первым образовывал петлю. И тогда становилась более осмысленной и глубокой вся его жизнь, как часть той петли, которую ещё предстояло расшифровать.

1.7

Когда на этот раз я был у Славы, то, в силу своего недомогания, чувствовал, что я уже не тот, что под видом меня приходил к нему, потому что я был больше обращен в себя, где был уже не тем, что на поверхности. Кроме того, я чувствовал, что клетки моего тела меняются, и поэтому являюсь я к нему каждый раз иным. Но какой из этих цветов в моём богатом спектральном составе воспринимал теперь Слава, который тоже менялся, вот что представляло во время наших встреч жгучую загадку.

И я был уверен, что он и Людмила Михайловна воспринимали меня, хотя, в общих чертах, примерно одинаково, но эти портреты все же не совпадали при наложении их друг на друга. Хотя он и говорил, что Людмила Михайловна тебя любит, догадываясь, как художник, может быть, о моих внутренних сомнениях. Она же сидела в кресле, почти что полностью уйдя в него, как кукла в кукольном театре, тело которой было скрыто от зрителей рукой кукловода. Иногда же она рассеянно глядела. И я чувствовал, как расщепляюсь, подобно колоде карт, под её взглядом, и она вытягивала из меня не самую лучшую карту, чтобы козырять. Слава же обращался со мной вежливо, как с картами, из которых он мог вытянуть любую, чтобы рассмотреть и вложить её обратно. Но что он рассмотрел, увы, я не знал, и это вызывало волнение, скорей, приятное.

Еще одной сложностью было пространство, в котором мы находились. Потому что к обычному, трехмерному, добавлялись, по крайней мере, ещё два измерения, вносимые моими собеседниками, Славой с Людмилой Михайловной. Не говоря уже о цветах. Он был ярко-светлым, она – сумрачно-темной; и о его картинах, в которых, преломляясь, принимала новую форму реальность.

Потом в дверь постучала Айка, молодая женщина, с которой Слава вел переговоры за дверью, в коридоре, а я вышел смотреть – что усложнило конфигурацию пространства – она внесла в неё дополнительную размерность, потому что не было ясно, почему она пришла.

– Неужели неясно? – говорил Слава, обращаясь к Людмиле Михайловне, после того, как проводил ее. – Она приходила мне дать!

– Послушайте, Ариф, он только на словах такой, а не на деле, так как, если откровенно, у него не стоит! Вы не поверите, в моем присутствии он даже не вспоминает, что перед ним женщина, – говорила Людмила Михайловна, нисколько не сомневаясь, что она способна возбудить мужчину. – И только когда я ухожу, нет, когда я выхожу за дверь, и он собирается прикрыть ее за мной, только тогда он спохватывается об упущении по части своей мужской обходительности, но не раньше. А потом за мной захлопывается дверь, которая защищает его от всех последствий.

– Потому что ты забываешь о своих обязанностях. Ты помнишь, что должна мне завтра принести?

– Слава, я ничего не должна тебе принести. У тебя все уже есть...

– А водку? Ты забыла? Кто принесет мне водку?...

– Не буду я каждый день приносить водку. Ариф, у него пенсия не больше, чем один ширван в день, а он требует ежедневно водки.

– А это ты видела?... Жаль, что у меня палец сломан и не сгибается, – и он соорудил правой рукой на своей левой кукиш, протянув его в сторону Людмилы Михайловны. А потом в дверь постучал Тарлан. – Ариф, поди посмотри, какой он красивый, – позвал Слава с порога, обернувшись к нам.

Но Тарлан, не дожидаясь, пока его будут обозревать в коридоре, нырнул из-под рук Славы, между ним и дверной нишей, возникнув в мастерской, когда мы с Людмилой Михайловной, сначала она, потом я, направлялись к двери. Он как будто б был рожден от объятий Славы с дверью, свежий, на вид чистенький и с модной, лоснящейся прической. Это был Тарлан с тонкими нитями бровей под челкой. И он по-новому разбил пространство, потому что клетки его тела начинались тут же, прямо за дверью. Людмила Михайловна сочла за лучшее удалиться, насытившись новым обликом Тарлана, хотя и отметила пафосно и непроизвольно:

– Боже, какая прическа! С такой прической не грех и завидным женихом быть!

А Тарлан, как бы подтверждая, что только родился, попросил себе водки.

– Слава, у тебя не найдется немного водки, поскольку я сегодня плохо спал. Я куплю тебе новую. – Потом он продолжал, пока Слава искал рюмку: – Когда я работаю, не могу спать от возбуждения. А вчера вечером я как раз работал. Так что приходите смотреть мои новые картины.

«Неужели в таком состоянии можно работать? – думал я. – В состоянии полного разрыва с прошлым и готовности ко всему непредвиденному?»

– А Айка приходила? – поинтересовался он, занимаясь дополнительным полосканием рюмки, врученной ему Славой.

– Да, и по-моему, она хочет мне дать, – сказал Слава зычным голосом, чтобы увериться в сказанном. Но, увидев, чем занимался гость, не выдержал: – Что ты делаешь? Она же чистая.

Тарлан же, продолжая гигиенические упражнения с рюмкой, – мол, знаем, какая она! – отвечал с удивительным акцентом, смягчавшим смысл сказанных слов:

– Да, Слава, она хочет тебе дать. И я за это заплачу. У нее ещё подружка есть; сидит у меня. А вечером придет еще одна.

– А мы с ними справимся? – пошутил Слава, наполняя рюмку.

Да, он был красив, Тарлан, родившийся от брака художника с дверью в его мастерскую.

Потом мы со Славой играли в нарды, и пространство между нами разбилось на количество шашек и игровое поле. Но Слава ориентировался в нем, как и в пространстве своих картин. Он не терял головы, и это было главной чертой его письма. Картины его были практичны, материальны, весомы, без тени безумства и показного риска; даже банальны, я бы сказал, как и окружающие предметы. И поэтому они были поразительны, что главное их качество – банальность – заключало в себе всю их сложность и противоречивость. Банальность была оболочкой, заключавшей в себе жизнь.

0.7

Вечером приходил Казим, большой и страшный, как сказка. Ему бы малых детей пугать, а он напугал своим видом меня. Но в его потухших глазах не было никакой угрозы. И я понял, что это лишь видимость, что он всего лишь пародия на страшные сказки, так как страшное было только рассеяно по нему, тогда как в нем самом не оставалось его ни капли. И он как бы хотел этим сказать, что страшное имеет только видимость свою, тогда как в нем было заключено одно доброе. Он беззвучно смеялся над страшным обликом своим откуда-то изнутри, где все ему было противоположно, так как страшное было вытеснено им наружу и не мешало больше ему. Я угощал его чаем и пирогами. Но он поел мало, сказав, что он из дома, где ел, несмотря, что был не мал, и что я положил ему, было лишь вприкуску. Видно, внутри него все было наоборот; он был мал в сравнении с тем, что я положил – несколько кусков пирога в тарелке. Уходя, он сказал, что принесет мне домашнего вина.

– Из чего ты его сделал? – спросил я, мысленно ища экологически доступные источники вина.

– Мой двоюродный брат живет за городом, – ответил он. – И когда я гостил у него, заметил, что растет без дела виноград. «Давай, сделаю тебе вино», – сказал я.

«Ну, что ж, делай!» – ответил он. А вчера позвонил и говорит, забирай свой баллон с вином. «Какой ещё баллон? Мне хватит и одной бутылки для пробы». «Нет, – говорит, – приезжай». И всучил мне 24-литровый баллон с вином, которое я ему приготовил. Так что пришлось тащить его домой. Вот оттуда-то 5 литров я и принесу тебе.

– Интересно попробовать, – ответил я. – А то я только слышал, как ты готовишь, а ни разу ещё не пробовал твоего вина.

До этого он спрашивал о делах, работе. Я сказал, что всё по-старому, и обстановка на работе не ахти какая!

– Что, базарная? – спросил он.

– Ты нашел точное определение, как догадался?

– Мне нужна была справка с работы супруги, – ответил он. Его супруга работала в школе, а в настоящее время болела, с ней случился инсульт. – До этого была директором порядочная женщина, но она с семьей переехала за границу. Теперь на ее месте была другая. Как она пришла, решила отменить брюки у учительниц, требуя, чтобы они ходили на работу в юбках или платьях. Но Амаля, супруга, не подчинилась, и ходила всё ещё в брюках. «Почему я должна их снять? Объясните», – возражала. Потом директриса требовала, чтобы она собирала деньги с учеников, якобы, на нужды школы, которые шли ей в карман. Другие учителя брали вдвое, чтобы половину присвоить. А Амаля ответила: «Собирайте, если нужно». Но встретила она меня любезно, – продолжал Казим, – как будто Амаля – любимая её подчиненная. «Как она? – спросила. – Мы так соскучились. Ведь она незаменима!»

А сама, директриса, сидит, как будто б у себя дома на кухне. Расхлябанная? Нет, конечно, одежда у неё дорогая; но вид не как у педагога, а как у торговки или цыганки; но не у педагога, не то, что та, прежняя. У нее и вид был соответствующий. Видно было, что она – педагог. Аккуратная прическа, одежда и сидит вся собранная, как на работе. А тут, кто-то из учительниц наливает себе в чашку чай, кто-то ест, и в учительской стоит запах еды – и какой! Не самой приятной. Дешевой и отвратительной, как в какой-нибудь забегаловке, а не в учебной организации... Ведь ее дело не учить, а заниматься сбором денег. Поэтому и сидит она в учительской, похожей на кухню второсортной забегаловки... как на базаре...

Вот я и угадал, какие могут быть отношения в вашем заведении, если они не удовлетворяют тебя; только базарные, которые я уже встречал в другом заведении, на работе у супруги...

1.8

Вчера приходила Зоя с шоколадной кожей и обнаженными под летней юбкой ногами, которые я заметил, кажется, впервые. Вернее, я заметил, что они могут быть заметны, как её женские достопримечательности. Прежде я смотрел на нее как на источник интересной информации в женском обличье, служившей ей футляром. Теперь же футляр тот ожил, подавив в себе источник, и, в результате этой перемены передо мной вдруг предстала женщина, окруженная интересной информацией, созданной в ней внутренним источником. И, поскольку она была всё же женщиной, я хотел ей рассказать о Славе, художнике, которого посетил сегодня. Раньше он был больше больным человеком с плохо скрываемой слабостью к выпивке, чем зрелым художником, которого он утопил в себе выпивкой и приобретенными в неважных жилищных условиях недугами. Но сегодня всё это отступило назад, и я почувствовал в нём художника. Этот художник говорил скромно и заносчиво о том, что он делал и

как он это делал. Он показал каталоги, где были образцы его живописи.

– У тебя хорошо получаются женские портреты, – заметил я. И он подтвердил улыбкой это мнение, означавшей, что и не могло быть иначе. – Мне нравится, что цвета на твоих картинах не бросаются в глаза, а переходят один в другой без всякого нажима, – продолжал я.

– Еще бы, я суров к тому, что пишу, и к себе. Я не даю себе расслабиться, а предпочитаю держать краски под своим строгим контролем, – отвечал он.

– И поэтому они переливаются друг в друга, как и должно, а не придумано, – подчеркнул я.

– Ну, в этом один из секретов моего искусства, – заметил он.

– Твои работы на уровне, – углубился я, – мировом. Я видел репродукции с картин Модильяни, это великий художник. Но тебя с ним вполне можно сопоставить.

– Модильяни – мальчик перед некоторыми моими картинами; правда, талантливый, у него есть замечательные женские портреты. Но видишь, какие портреты есть у меня, а если б ты их видел в оригинале! Знаешь, какие это работы!

– А у кого эти работы?

– У директора музея, что издал каталог; тут все написано. Ты его знаешь?

– Кого?

– Директора музея.

– Нет.

– Ты можешь пойти к нему, и он даст тебе каталог. У него, кажется, он остался.

Потом мы смотрели альбом Пикассо.

– Ты был в Эрмитаже? – спросил он.

– Конечно.

– Я впервые видел картины Пикассо в Эрмитаже, но они меня не поразили тогда. Ни его «Девочка на шаре», ни знаменитый портрет Волара, ни другие его работы. Ну, и что, я думал, Пикассо. Не понравился он мне тогда. Да и другим он тоже не нравится. Вот позови кого-нибудь сейчас с улицы и покажи этот альбом. Он скажет, ну, и что? Что здесь хорошего? Я не вижу.

– Но это гениально, – указал я на портрет матери с ребенком на раскрытой странице альбома, и потом, на следующей – женский портрет. – Тут весь мир человека, – продолжал я. – Этого нельзя не признать. И у тебя это есть, и поэтому я люблю твои работы, – начал я опять.

– Но это несомненно, – отвечал он голосом, бодрость которого исходила не из убеждения, а, скорей, из страха.

Я почувствовал, что он работал, и в нем воскресал теперь художник, в котором вместе с желанием творить, была и противоположная сила, исходящая из сравнения себя с великими и предлагавшая вечный вопрос, а стоит ли работать, когда все уже сделано, писаны шедевры Пикассо, Ван-Гога, Шагала.

– Ведь Ван-Гога никто не покупал при жизни, – говорила в нем проснувшаяся сила творчества.

– Но теперь увидели, что это гениально, – отвечал я, подыгрывая противоборствующей силе.

– И ты думаешь, что люди с улицы поймут, если показать им Ван-Гога? – спрашивал он, заранее зная, как я отвечу.

А потом, говоря о себе: – Ведь живопись понять не так-то просто. Это ты и я можем понять, что сюда вложено, – показывал он на картину, над которой работал,

– на эти переходы красок. А что может понять тут человек с улицы? Ничего. Он, скорей, предпочтет плавным переходам красок резкие скачки́, что неприемлемо для меня. Поэтому я и пишу для людей, которых люблю; для тебя, например. Я во время работы всегда представляю, что пишу для вас.

– У тебя получается, – подбодрил его я. – Краски будто выражают твои мысли.

– О, ты верно угадал, – подхватил он бодрый тон в моем голосе. – Это будет шедевр, – продолжал он уверенней, – и на те деньги, что я выручу, куплю себе джип. Ты умеешь водить?

– Нет.

– Вот и я не умею. И, вообще, Водолеям запрещено водить... А я ее выгнал...

– Кого?

– Людмилу Михайловну. Знаешь, как я на нее кричал!? Стены, аж и те тряслись. Ты же слышал однажды, но ты был тогда еще за дверью. Вон трещина на стене. Откуда, думаешь, она появилась? От вибрации звука в моем голосе.

– Но за что? За что ты ее выгнал?

– Она не дает мне работать. Она ведь тупая, хоть и дожила до ста лет! Но что поделаешь? Видно, не от возраста это зависит... уровень ума. Вот и у нее он остался таким же, как в детстве... Вернее, у меня он остался детским, я же ребенок по чистоте своей, дитя малое, а она – Баба-Яга столетняя. Раньше я её терпел, потому что не работал. А теперь, как работать стал, не могу ее выносить. Все в ней меня раздражает, и голос, и ум, и возраст, и что не понимает она меня, младенца непорочного... А норовит всё посадить на лопату и затолкнуть в печь...

– Но она убирает за тобой, и продукты достает, и паспорт сделала, и все другие документы...

– Ну и что? Все это капля в море! В моей душе... Это для нее нужно, а не для меня. Я на все это ... положил. И ничто из этого меня не интересует. Меня интересует только это, – и он показал на картину, над которой работал, – а все остальное, дети, деньги... Я на все это ... положил... Я даже не знаю, что на них нарисовано, на деньгах, за которые она готова нас продать обоих, вернее, меня продать... Не успевал я положить несколько мазков на холст, как он на следующий же день исчезал... Выяснялось, она унесла. Так я же его только что начал... Это все равно, что беременной женщине сделать против желания аборт... Она убивает всех моих детищ под видом любви и заботы ко мне.

– Но, как ни парадоксально, ты теперь хорошо выглядишь.

– Потому что выгнал ее, – сказал он просветленно.

И когда он провожал меня, я выразил свое мнение:

– Ты великий художник.

– Но никто меня не признает, – сознался он.

– Я признаю тебя, – подбодрил его я.

– Я подарю тебе джип! – ответил он. – Я сделаю тебя великим поэтом. Но для этого мне придется умереть...

– Зачем? Зачем тебе умирать, Слава?

– Чтобы стать великим... Я чувствую, что мне не хватает моей смерти, чтобы стать по-настоящему великим. Я должен написать свою смерть, и не на полотне, а прямо здесь, в мастерской.

– Не говори ерунды. Ты велик и без этого, а кто не понимает, не надо дарить им свою смерть. На что тебе величие от профанов? Разве оно лучше, чем жизнь?

Продолжай жить в пику всем профанам, и радуй нас, меня в частности, живым и здоровым. Пускай, может быть, и не столь великим как, скажем, Пикассо или Модильяни, ну их, ... чем венчать свою жизнь смертью и вознестись в ранг великих и недосягаемых для нас, живых людей...

0.8

Я встречал в тот день разных женщин, поражаясь глубине разности между ними. Они были разными, чего не могло уловить моё воображение, но могла предоставить только действительность. Среди них были и те, кто хищно стремился вперед, и те, хищность которых скрывалась за их внешней оболочкой, и те, другие, не принадлежащие ни к первым, ни ко вторым. Но между ними было различие как между маяками в безбрежном океане.

И еще я видел женщину в скверике с живой объемностью бедра, туго обтянутого в изящную ткань платья, перекинутого на другое бедро, сидящей на низкой скамейке в обществе своих подруг. И я поразился выпуклой объемности ее тела и головы, и что неспособен был я объять ее ни последовательностью своих мыслей, ни чувств. Что главная ее часть так и останется в недоступных для меня уголках пространства, и я не смогу внести ее в поверхность своих представлений. Она была загадочна тем, что убегала от меня в недосягаемые края пространства. Общение с ней – я думал – это погоня по кругу, эллипсу или, может быть, более сложным незамкнутым траекториям, охватывающим, хотя бы часть ее, например, кусок ноги, руки или же край лица, чтоб почувствовать, что она, ее часть. И составить хотя бы отдаленное представление о целом, что она есть вся в своей телесной складности.

0.9

Сейчас я под впечатлением вчерашнего дня, который был ничем не примечателен, а только гостями – Томой и Лялей – пришедшими к нам. До этого у нас был Шекер – красный как экзотический плод, ещё никем не обнаруженный, или смесь известных плодов, ещё не найденная селекторами. Я сказал Томе, что Шекер только что ушел, и, вспомнив его лицо, я сказал, что он хороший человек, и Тома подтвердила это. И я понял, что она была уверена, что Шекер хороший человек, а я пришел к этому несколько позже. Раньше я сомневался, хорош ли он. Если да, то почему у него такая мясистая голова и бычий, налитый кровью и исподлобья взгляд? И столько энергии, что он может наломать немало дров. Но сегодня мы говорили о сахаре в крови, которого было столько, что можно было уложить и быка. И поэтому врачи предложили ему больницу. Но он предпочел больничной койке свои ноги, к которым он привык. Лучше уж умереть на ногах, чем на больничной койке! Мне показалось, что красный цвет лица объяснялся сахаром в крови; что кровь его поднималась к лицу, чтобы оставить на нём лишний сахар, который, обжигаясь на солнце, принимал такой пунцовый оттенок, делающий его похожим на заокеанский плод. Но все же болезнь несколько облагородила его. Он больше стал уставать и больше теперь походил на страдающего человека, чем на неукротимого быка! И поэтому я сказал, что он неплох, скрываясь до сих пор под личиной быка. Но когда личина та истратилась, я увидел человека. Но Тома, в отличие от меня, видела и в прежнем быке полноценного мужчину, и что казалось мне бычьим, представлялось ей мужским. И я понял, как заблуждался, сочувствуя ей, тогда как она должна была сочувствовать мне. И я

понял, что в глазах ее я был другим. Мне даже казалось, что она могла знать обо мне какую-то черточку, которую я не видел и вряд ли возможно, что увижу. Шекер сказал, что когда сахар его поднялся до 200 – а этого было достаточно, чтобы уложить всякого другого – он почувствовал себя прекрасно; как будто б у него вдруг появились крылья, на которых он летал. А до этого он буквально ползал под тяжестью, когда сахар его достигал 330. И этого было достаточно, чтобы свалить и быка, – предположил я. Но он сказал, что у его знакомого, с которым они вместе удят рыбу, сахар достиг 400, и он чуть было не свалился, хотя на вид был и тщедушным. И чему тогда удивляться, что, наконец, свалился или держался под тяжестью – загадка! Он – Шекер – красный и оттого, что удит рыбу на бульваре с утра и до полудня.

– А ты носи шляпу, – сказал я.

– А я и ношу, – ответил он. – Но под солнцем шляпа нагревается и такое чувство, что на голове у тебя раскаленная сковорода, не шляпа.

– А зачем он удит так долго? – спросил я сестру, с которой он общался больше.

– Разве можно есть ту рыбу, что водится там? – добавила Тома, которая пришла, как только Шекер исчез.

– Он ее солит и свежует, в общем, делает что-то, после чего её можно бывает есть, – ответила сестра. – А остальное продает.

– Продает? – удивился я.

– Да, конечно, полтора ширвана за килограмм.

– Значит, он работает, это его работа, – догадалась Тома, – и получает больше, чем ты, – обратилась она ко мне.

– Действительно, так выходит; а мы-то думали, что он отдыхает.

– Я тоже так думала, – добавила Тома, – пока сидела дома. А теперь, когда устроилась на работу, чувствую себя бодрей. Утром встаю рано, привожу себя в порядок, завтракаю. Потом на двух автобусах с пересадкой добираюсь до близлежащего места, а оттуда уже пешком дохожу до работы. Ляля, моя дочь, была поначалу недовольна, потому что привыкла приходить на всё готовое после института – ведь я была дома и готовила к ее приходу обед, а утром подавала завтрак. А теперь приходится это всё делать самой, и поэтому она была с непривычки недовольна. А теперь и сама готовит обед, когда я не успеваю с вечера его приготовить.

– А ведь ты благодаря мне устроилась на работу, – ответила Ляля матери.

– Да, конечно, она поспособствовала. На телевизионном канале, если помните, удалили участника популярной игры. И Ляля попросила за него заступиться, позвонив организатору, поскольку знала, что ею была моя бывшая однокурсница. Вот я и позвонила, а она предложила мне в своём отделе работу. Ну, я и согласилась. Что, думаю, сидеть всё время дома и готовить обед. Пойду-ка я лучше на работу. Вот и пошла с тех пор, а обед Ляля и сама теперь готовит.

– Но ты готовишь вкусней, – сказала Ляля.

– Это оттого, что не надо прикладывать труда, отчего он и кажется вкусней.

– А что делает Камиль? – спросил я о её муже.

– Он недавно устроился в гостиницу и пока работает там. Пока, потому что шеф его требует всё большей и большей для себя прибыли. Но если желания его будут и впредь расти, придется тогда сдать гостиницу в аренду, говорит он. Ну, вернешься на своё рабочее место в турагентство, говорю я, – заключила Тома. А Ляля вовлеклась в карточную игру с мамой и Суриёй, и Тома сидела как на иголках, не зная, как поднять Лялю, чтобы пойти с ней домой – ей же надо было утром рано

вставать на работу. – Ну, еще пятнадцать минут, так и быть, поиграй, – попустительствовала внешне Тома, а на самом-то деле под страхом взглядов дочери сдавала свои родительские позиции. Но потом она увидела любимого актера по телевизору, который делал сложные цирковые трюки. – Вот его я так люблю, – призналась. И эти пятнадцать минут пролетели для неё как мгновение. А Камиль, её муж, думал, верно, что она любила только его, хотя она была верной женой, не принадлежа ему полностью. Свободные клеточки ее души были отданы этому актеру. – Он мне так нравится, – повторяла она, приводя в движение свободные клеточки души.

– И он работает без выходных? – спросил я про Камиля.

– Да, – подтвердила она. А потом подтвердила и довольную интонацию: – так даже лучше.

«Больше свободных клеточек?» – подумал я. «Конечно», – мысленно ответила она.

0.9

Когда я вышел из дому, на одной из близлежащих улиц заметил черную кошку, поедающую с жадностью остаток в обертке колбасы или, быть может, какой-то розовый овощ. Но она ела его с поразительной жадностью, оживлявшей ее унылое прозябание. Я наблюдал за кошкой, поглощавшей с жадностью кусок колбасы, и ее жадность возбуждала во мне любопытство. Я видел удивительную картину; тщедушная кошка со светящимися глазами, оживляемая небывалой жадностью, поглощала остаток колбасы, случайно доставшийся ей. И я чувствовал, как естественная жадность этой кошки оживляла и меня, приковывая к ней мой взгляд.

У прозрачных же дверей магазина я встретил мужчину, боровшегося с неуместной податливостью пирожка, который он держал в своей руке. Его, видимо, раздражала эта податливость, не дающая одним махом разделить пирожок на части. И на его лице обозначилась неприязнь к тесту, которое ему не удавалось разгрызть. Он воевал с пирожком, находящимся в руке, с ненавистью его прожевывая. Но пирожок тот питал не только ненависть, но и его, придавая ему силы, выступающие на лице неприязнью к упругой податливости пирожка.

В сражении с неуместной уступчивостью пирожка, мужчина на улице, стоя у дверей магазина, одерживал верх, хотя его лицо было перекошено злобой, с которой он рассекал резцами своих зубов упругую податливость пирожка.

А выше, на обочине другой улицы, черная кошка поедала колбасный кусок пищевых отходов, найдя его на свалке у мусорных ящиков. И жадность, с которой она истребляла этот кусок, оживляла мое любопытство, распрямляя меня снизу и доверху, чтобы я шел вперед, полный жизни.

Часть II
В мастерской и вовне

1.0

Потертая оболочка Славы сверкала сегодня серебром из густых волос на голове, стоящих торчком как набор отменных зубочисток, переходящих в серебро его бороды на висках и подбородке. Его голова была обрамлена этим серебристым ореолом. Он сидел против окна, затылком к нему, и видна была игра света в густом во-

лосяном покрове его головы. А внутри этого светящегося ореола проглядывалось и лукавое лицо с большими голубыми глазами, которыми он выражал просьбу, обращенную к Людмиле Михайловне и состоящую в том, чтобы она выдала ему денег на горячительное. Потом эта же просьба проговаривалась и губами, обрамленными сверху сединой усов. И тело выражало ту же самую просьбу, так как он сидел на скамейке в позе вопросительного знака. Но Людмила Михайловна была непреклонна. Она сказала, ты золотой, потому что не пьешь! А я сказал, что он серебряный, потому что весь светится серебром. А он – что не допил и совсем не тянет на золото.

– Ничего, – ответила она, – мы любим тебя и такого.

Тогда он вышел в другую комнату, чтобы, по его словам, пописать. Но вернулся навеселе. Людмила Михайловна принюхалась.

– Куда ты ходил? Ты что, там пьешь?

– Да ты с ума сошла! У меня во рту не было сегодня ни капли.

– Да, ты выпил. Посмотри-ка на свой нос!

– Что ты пристала к моему носу, как будто нет во мне ничего больше торчащего! Ищи-ка пониже и найдешь, что тебе нужно.

– Ничего мне от тебя не нужно, когда ты в таком состоянии. Слава, я говорю, ты умрешь, если будешь так пить. И не лезь ко мне больше со своим красным носом.

Она легла на диван, а он пытался подластиться к ней. Когда он потом вышел в ту комнату «по нужде», как он говорил, она выследила его, вскочив с дивана, и тут же кивнула мне. Да, он там, увы, пил. Инцидент был исчерпан, обман вскрыт, и Слава пристыжен.

– Сядь, я тебе сказал, – орал он на нее. У него был зычный баритон.

– Слава, ты плохо кончишь...

– Сядь, я тебе сказал, – отталкивая ее от себя, пресекая все попытки принюхаться к нему и посылая в сторону дивана. – Я сказал тебе, сядь...

– Слава, посмотри-ка на свой нос! Такого носа не было у тебя никогда раньше...

– Да, еб... извини меня, Ариф. На кой тебе сдался мой нос?... Не нос тебе нужен, а кое-что пониже...

– Уйди от меня и не подходи больше, пока не сойдет эта противная краска с твоего носа...

Оболочка Славы ничем не отличалась от пьяницы, бездомного нищего, беспутного человека. То есть, его внешний вид никакого отношения не имел к его внутреннему миру, где жил еще художник, мастер живописи. За этой старой, стершейся оболочкой беспутного старика скрывалось здоровое ядро художника, в которого он превращался, когда писал свои картины. Правда, всё реже и реже, так как контакт между внешним и внутренним был нарушен; все труднее было этому внутреннему пробиться наружу и привести в движение его дряхлую внешнюю оболочку, например, руки, не говоря уже о глазах. Они заплыли от водки и плохо видели; веки распухли и глаза были, как крупные карбункулы, которые все время слезились, когда он пил или рыдал, слушая музыку, например, Верди в исполнении Карузо.

У него сидел Орхан, похожий на монумент самому себе. Он сидел ровно, туловище под прямым углом к бедрам. И, сидя так, он выиграл в нарды у Славы, который, однако, скорбел о проигрыше. И глаза его слезились, потому что они перед этим выпили. Потом я сел играть с Орханом, чего, однако, он не хотел, но достойно мне про-

играл. А Людмила Михайловна сказала, что он неплохой художник. Она видела написанное им море. И ее тронули волнующие мазки, уходящие вместе с морскими волнами в море. Таков был Славин сосед Орхан, ходивший ровно и сидевший ровно, с волосами, падавшими по бокам на его лицо, не задевая, однако, лба, который казался надежным ковчегом для того, что было в нем спрятано.

– Почему ты не женишься? – спрашивал Слава.

– Да так, просто, – отшучивался Орхан.

– По ночам он не спит, – сообщила Людмила Михайловна, – а отсыпается днем.

– А что он делает по ночам?

– Иногда они со Славой, как и прошлой ночью – причем Слава спустился вместе с ним – покупают водку, пьют и смотрят порнофильмы.

– Бурная ночная жизнь, ничего не скажешь...

Внешняя оболочка Славы, в частности, его лицо, было припухло и дрябло, как и тело, упитанное, но неясно, для чего предназначенное; белое, как у женщины, с выпяченными грудями, животом, изнеженное, но, вместе с тем, не обласканное. Ноги же в старых шлепанцах были грязны, с зелеными ногтями на больших пальцах. И может быть, поэтому он и говорил:

– Посмотри, какие у нее красивые ноги, – указывая на ноги Людмилы Михайловны, особенно на её ступни. Когда она сидела перед нами, а он, опустив голову, слушал Карузо, наткнувшись взглядом на ее нижние конечности, которые по сравнению с ним были образцовыми; ногти подстрижены, подкрашены, пальцы ног вымыты, а ноги обуты в сносную обувь.

Некогда Слава дружил с моим дядей, Амиром.

– Мы подкалывали друг друга, – говорил Слава. Потому что у Амира была внешность на редкость красочная. Нет, он не был голубоглазым или рыжеволосым, ни даже краснокожим. Он был одной масти – темной. Но его смуглое удлиненное лицо переливалось и, казалось, что играло всеми цветами радуги, не будучи, однако, ни желтым, ни зеленым, ни фиолетовым! Оно было всем, оставаясь в то же время смуглым, с черным обрамлением волос на голове и с черными, однако светящимися глазами. Да, у него была богатая внешность и, несмотря на бедность имеющихся в ней красок, обладала всеми цветами радуги! Слава же был художник, которого не могла не привлекать такая внешность. И они сошлись. И перед ними тогда раскрылась их богатая внутренность. Внутренность Амира была противоречивой. Скряга, с душой игрока и кутилы! Это в нем сочеталось и раздирало его на части. Он мог играть в карты всю ночь напролет, но, проиграв всего несколько копеек, метался по комнате как раненый тигр! А Слава, ещё молодой художник, будучи падким до подобных сцен, любил все противоречивые части его души одинаково горячо и страстно. Любил, и когда он остывал, подкалывал Амира, как гусеницу натуралист, когда она извивалась на игле, а он наблюдал за ней в упор и через лупу. А Амир отвечал, переворачивая с ног на голову эту картину и подкалывая Славу и его пресловутую артистическую наблюдательность и т. д.

Теперь же Слава жил больше своей растрепанной внешностью, требующей от него всё больше, чтобы ее подогревали спиртным. И тогда она раздувалась, и глаза его скрывались между век как райские яблочки в варенье. Людмила же Михайловна хотела, чтобы он жил своим нутром, в котором всё ещё теплился художник. Но для этого ему надо было совершить прыжок в себя, чтобы достать художника и, вытянув

за волосы, заставить его писать.

– Он никогда не пишет при мне, – сетовала Людмила Михайловна.

– Но это ему подобно смерти, – отвечал я.

– Слава, перестань пить, ты же умрешь...

– Оставь, оставь бутылку...

И начиналось сражение за недопитую бутылку, которую Людмила Михайловна прятала между разбросанными вещами, валявшимися на полу в мастерской. А Слава следил пристально, куда она ставит бутылку, как он следил за мячом в футболе; он был страстным болельщиком!

Наблюдая за Славой, результатами его труда, я пришел, к своему удивлению, к следующему выводу. Великих художников отличала не способность их выхода в область романтики или мечтательности, а, напротив, их крайняя приземленность или практичность. Слава был практичен в живописи и вообще в жизни. И это поражало, потому что его работы, напротив, вскрывали духовную сторону его деятельности, обращенную, скорее, к мечтательности, тогда как он радел больше о практической ее стороне, расчетливой. Возможно, что это вообще особенность искусства. Оно по своей природе дуально. И если мы рассчитываем практическую сторону, она обращается к нам противоположной, романтической стороной. У Славы есть картина «Розы», в которой розы были изображены не эфемерными, не невесомыми, а, наоборот, поражающими своей пунцово-кровавой материальностью. Как будто б со стебельков стекала накопившаяся в них кровь, приняв форму розовых бутонов, с отходящими от них на концах лепестками.

Вчера мы слушали Карузо, голос которого был материален, тяжел. И он давил на нас своей тяжестью, которую певец ставил на должную высоту, требовавшую от него немалых усилий. И Слава плакал над этой звуковой акробатикой, потому что она совпадала с некоторыми переживаниями его в жизни. И я, глядя на Славу и слушая певца, прослезился, потому что он изображал, что бы я хотел пережить, ту высоту чувств, до которой, увы, я не дотянулся в жизни. Слава плакал, слушая Карузо и бормоча сквозь слезы: ... *или я ничего не понимаю в жизни, или он чудесно поет*... И это было лучше всех его картин. Эта раскрывшаяся в нём беспомощность. Она была содержательней и глубже совокупного содержания всех его картин. Потому что она вскрывала оборотную их сторону, картину его беспомощности, которая не имела, казалось бы, конца, пронизывая его насквозь и из которой он добывал силы для своих творческих полетов!

Когда Слава клянчил у Людмилы Михайловны 1р. 60к. на выпивку, она говорила: спой, тогда посмотрим. Он смущенно посмеивался. Ему неловко было петь, чтобы заработать на водку, да и не готов был он к этому.

– Что такое 1р 60к, чтобы продлить жизнь такому человеку, как я?

– Или пресечь, – добавил я.

Потом он спел, совсем немного. Но тембр его голоса привел в дрожание его шевелюру и бороду. Он исходил, казалось бы, от всего его лица.

– Если ты спустишься на улицу с шапкой в руке, то соберешь на ящик водки, – заявила Людмила Михайловна, которая была без ума от его голоса.

– Я никогда не опущусь до этого. Такому мужчине, как я, ты жалеешь 1р. 60к.

– Это я раньше была без ума от твоей внешности. Ну, согласитесь, Ариф, едва ли в нашем городе найдется вторая такая внешность.

– Когда она впервые увидела меня, – подхватил тему Слава, – было 13 мая 2000 года, я помню эту дату, потому что поставил на ней крест в календаре, у нее отвисла челюсть, – и он показал это на лице. – А у меня инструмент скрючился, вот так, приняв форму запятой...

– Ну, хватит паясничать, Слава. Теперь я к нему привыкла. И он меня больше не поражает как прежде, хотя, признаюсь, когда он одевается, это бывает волнующее зрелище, если я в него еще не влюблена...

Людмила Михайловна выдавала себя тем, что видела во всех (и, может быть, не без оснований), кто приходил к Славе, охотников до его картин. Сама же она как бы владела законным правом на ношение оружия, чтобы охотиться за ними. И это право давали ей те заслуги Славы, официального признания которых она же и добивалась. Так, она выхлопотала ему документ, удостоверяющий личность вместе с фотографией и заверенный с краю печатью, что он заслуженный художник и т. д.

– Посмотри на ее ноги, – говорил Слава. – Какие у нее красивые ноги.

Людмила Михайловна выглядела этакой сухопарой старушкой.

– Моей девочке 97 лет, а посмотри, какие у нее ноги!

– Я ухожу, – отвечала Людмила Михайловна, – потому что не собираюсь покупать тебе водки. Ведь ты к этому клонишь? Я знаю, что ты к этому клонишь.

– Ни к чему я не клоню, я любуюсь твоими ногами!

– Отстань, Слава, ничего ты не получишь.

– Не хочешь, как знаешь, а ноги у тебя красивые. Особенно их нижняя часть. Ариф, посмотри; когда-нибудь ты видел такие красивые ступни?

Людмила Михайловна видела в Славе мужчину своей мечты. Шевелюра, плечи, мужчина и все такое, что ей нравилось, голос, например, и прочее...

Во мне же она видела нечто вроде егеря, боровшегося с «браконьерами», то есть теми посетителями мастерской, которые хотели завладеть его картинами.

Людмила Михайловна говорила, что хочет взять Славу с собой в Москву, к старшему сыну Эльману, который «принял» Славу, в отличие от младшего. Выяснилось, однако, что Слава боится самолетов.

– Когда я сажусь в самолет, стараюсь напиться водки, чтобы не бояться.

– А мы достанем тебе парашют, – предложила Людмила Михайловна.

И я вспомнил, что видел во сне прыжок с парашютом. Я подхожу к открытому люку самолета, откуда должен был прыгнуть наружу. Но тут до меня доходит опасность моего поступка. Я спрашиваю, что должен делать, если парашют вдруг не раскроется. И мне объясняют, что надо тогда нажать на застежку, находящуюся в области живота. И кто-то из сидящих в самолёте говорит, что с ним случалось такое, но он, тем не менее, приземлился. И я понимаю, что это не единственное препятствие, и пытаюсь представить себе ту высоту, на которой мы летим, и как я падаю и что чувствую, падая, и хватит ли у меня сил выдержать это, пока парашют не раскроется, и что, если он вдруг не раскроется... И с ужасом я отказываюсь от прыжка...

Таким образом, Людмила Михайловна, сама не ведая, проникла в мои сны, а я представил все страхи Славы перед его полетом в самолете. Через эти страхи я проник в него и увидел Людмилу Михайловну. Она была тоненькой девочкой (или взбал-

мошной старушкой?) привязанной к нему через магическое действие картин.

– В последнее время Орхан что-то зачастил, – говорила Людмила Михайловна, намекая, что он приходит не просто так. – Он приходит не просто так. Ему от тебя что-то нужно, – повторяла Людмила Михайловна.

– Да брось ты, – отвечал Слава, – он хороший парень.

– Он заставил меня заплатить за диски (конечно, через Славу), – говорила она, – которые взял из проката. Это порнографические диски, которые лежат у него. Зачем он приходит, когда видит меня здесь? Я прихожу на два часа и не имею права быть с тобой наедине, без него. Он же рядом с тобой все 24 часа, а я прихожу только на два часа и должна терпеть его присутствие. В последний раз я так и сказала, что прихожу на два часа, и хочу видеть тебя без него, в чистом, так сказать, виде.

– Ты не права, – отвечал с расстановкой, намекавшей на некий смысл, Слава. – Потому что он приходит ко мне (*и приносит водку, расшифровывался этот смысл*).

– Но почему я не могу видеть тебя два часа без него?

«Потому что он не может угадать, когда ты придешь, а я не могу выставить его, потому что он приносит водку», хотел ответить Слава, но не осмелился и сказал:

– Потому что он приходит не к тебе, а ко мне.

Людмила Михайловна любила Славу, и поэтому ее визиты оставались вне всякого сомнения.

– Он так поет, – говорила она, указывая взглядом на Славу, пока тот слушал диск с записью Карузо, и по щекам его текли слезы. – Однажды он мне спел, и его голос звучал во мне всю ту неделю. У него необыкновенный голос. Попросите его, когда он будет в состоянии, чтобы он вам спел. – А в другой раз она говорила: – Мой покойный муж тоже пел. У него был нежный голос. И он плакал, когда слышал хорошее пение.

А Слава говорил, пока она возилась с плеером:

– Я говорю (*указывая на Людмилу Михайловну*), отведи меня на могилу мужа. Я там приму (*изображал он пальцами стопку*) и поплачу. Мне его жалко, не ее... Хорошо, что она не слышит (*выразительный жест в сторону Людмилы Михайловны*). Если б она еще онемела... цены бы ей не было...

Слава с утра выпил.

– Они сегодня уже выпили, – объявила Людмила Михайловна.

У Славы сидел Орхан, с которым он играл в нарды. Орхан был похож на средневекового воина большой своей головой, грудью, плечами и осанкой, с которой он сидел на скамейке и бросал кости на раскрытую доску, как будто не в нарды играл, а между ними шел кулачный бой. Он был немногословен – воин – и прям. Слава же, напротив, говорил и выглядел выпившим, в отличие от Орхана, закованного своей внешностью в себя. Орхан выиграл у Славы, хотя в промежутке Слава мог бы подцепить Орхана, да не повезло.

– Разве мне даст? – возмущался Слава, пытавшийся «зацепить» Орхана. Но кости были несговорчивы, и он только скользнул по гладкой его коже, не успев хватить пятерней, чтобы кулаком свободной руки повергнуть наземь.

– Ты проиграл мне 1р. 60к., – констатировал Орхан.

– Так вы ещё и на деньги играли? – возмутилась, взяв высоко голосом, Людмила Михайловна.

– А ты что думала, на щелбаны? – отвечал Слава, переливаясь баритоном.

– Я отниму у вас нарды и отнесу домой. Эта игра мне вдвойне разорительна; нет, что я говорю, втройне! Мало, что, играя, ты не пишешь картин, которые тебе заказали... Учти, Слава, сегодня, если эта картина не будет закончена, – она показала на холст, где был начат дуэт – женщина с ребенком: – я заберу у тебя три оконченные работы, которые верну, когда будет закончена эта... Мало, что ты пьешь во время игры, так ты и проигрываешь мои деньги!

– Да, замолчи, лучше дай 1р. 60к.

– Ты что, с ума сошел? Я ухожу, Слава...

– Тогда уходи навсегда. Давай попрощаемся, и оставь о себе в память 1р.

– Ничего я не оставлю, оставь лучше ты меня! Я себя плохо чувствую и должна уходить.

– Никуда ты не уйдешь или уйдешь, оставив в память о себе 1р.

– Слава, я приду через час или два, а сейчас я ухожу. Оставь меня, пожалуйста, – бросила в сердцах Людмила Михайловна, уходя к выходу.

Слава поплелся за ней, поручив мне играть с Орханом. Пока мы играли, он уговорил Людмилу Михайловну приготовить обед.

– Ты знаешь, как она готовит? – обращался он ко мне. – Ты проглотишь свой язык, если попробуешь, что она готовит. Ну, как игра? – поинтересовался он по-хозяйски.

– Он пока выигрывает, – признался без интонаций Орхан.

Слава налил из появившейся у него под диваном бутылки, полной вполовину, и выпил, издавая мелодичные звуки. Когда, наконец, Орхан отыгрался, он удалился, сославшись, что хочет спать. И мне пришлось уговаривать Славу, чтобы самому уйти.

– Зачем ты уходишь? – спрашивал Слава. – Останься. Ты же всегда приходил ко мне, и мы с тобой выпивали… а потом пиздели... Потом снова выпивали и опять пиздели... И это тянулось до самого вечера. А теперь что случилось? Почему ты уходишь? Ты же знаешь, я не могу без тебя... Сейчас Людмила Михайловна приготовит обед, и мы будем вместе кушать. Ну, куда ты собрался?

У него был вид, как будто у него отнимали игрушку. Он готов был расплакаться.

– Ну, хорошо, я подожду, пока Людмила Михайловна (в смежной комнате) приготовит. Но кушать я не буду.

– Почему? – его лицо было искренно.

– Я пощусь. Сегодня я голодаю. Ведь ты тоже иногда голодаешь.

– Нет...

– Ты же сам мне говорил, что не ел сутками.

– Когда мне не хотелось, я не ел, а не так, чтобы голодал. Ты что, решил, не есть сегодня?

– Да...

– Ты гениальный человек. Но это ведь, кажется, вредно. Ты действительно решил не есть сегодня?

– Да.

– Но то, что готовит Людмила Михайловна, ты должен будешь попробовать. Такого ты не ел не только сегодня, поскольку голодал, но и до сегодняшнего дня. Это такое, отчего можно проглотить свой язык.

Наконец Людмила Михайловна принесла, что она готовила в тяжелой чугунной кастрюле зеленого цвета. Открыв крышку, она обнажила толстый слой зелени – не

от голода ль? – это была покрошенная сверху на то, что находилось под ней, зелень. Потом она достала ложкой и положила всё это в тарелку. Я спросил, как она это делала. Она рассказала, что это состоит из нескольких слоев: картошки, курицы, демьянки, помидор и, в конце концов, зеленого перца и сырой зелени. Я поблагодарил её и отказался, сказав, что иначе нарушу обет не есть сегодня.

0.0

Когда я вышел на улицу, заметил стройные ноги женщины, стоящей у обочины тротуара в ожидании какой-то встречи. И я поразился тонкости и долготе ее ног, особенно от лодыжек и до колен (я смотрел на нее сзади). Тонкость ее ног была приятна моему глазу, сочетаясь с голодом, накатывавшимся на меня снизу. Мой взгляд прилип к гладкой коже, и я скользил взглядом по её мрамору ног, оценивая дистанцию от лодыжек и до колен и с удовольствием признавая ее немалой. И заметил, что она передвигает ногами, переставляя их из одного положения в следующее и чувствуя их завидную продолжительность и цельность. И отмечал, что это она, с присущим ей здоровьем, упакованным в тело со свойственной ему свободой перемещений.

1.1

Мы со Славой собрались на поминки к народному художнику.

– Вы увидите, как он будет красив, – говорила Людмила Михайловна, пока Слава проходил в другую комнату, чтобы одеться. – Это совсем другой человек, когда мы выходим с ним на улицу. Все, кто нас видит, говорят, это – тот самый Слава, который ходит в мастерской в одних рваных трусах, или, может быть, другой? Когда он со мной выходит на улицу, он становится такой красивый. Слава, я в тебя, кажется, все-таки ещё немножко влюблена, – говорила она, когда Слава, наконец, вышел, одетый в черные брюки и клетчатую рубашку, из другой комнаты. – Это мои брюки, я перешила их, – что было видно и по рельефным украшениям на их манжетах. Так что Слава был такой, какого она себе представляла как свою сильную половину.

0.1

Потом мы стояли с незнакомыми людьми, приехавшими с кладбища и вставшими в полукруг перед палаткой, при входе в которую стоял приземистый молла.

– Кто хочет, может помыть руки, если желает очиститься, – сказал молла и указал на мойку в стороне.

Были там и художники. Икрам, один из них, подошел к Славе, когда тот направлялся к палатке и протянул ему руку как художник художнику, картинно и конфиденциально. Однако в окружающей обстановке не было никакой богемности, может быть, благодаря молле, около которого кружили волны самой примитивной скорби и требования им подчиниться. Слава, опустив голову, направился, как и все, за ним, вместе с ним и раньше него в палатку, которая поглощала эту человеческую струю, как курица хлебные зерна.

Поэтому я не слился с ней, а, повернув в сторону, оказался на свободе. Сегодня я встретился с двумя свободными смертными, предложив им пустые бутылки из-

под пива, которые они собирали во вместительный мешок. На улице, по которой шел, я встретил Валеру, который схожим образом перекладывал бутылки из нескольких пакетов в тары перед приемным пунктом у черного входа пивной, посещаемой в основном иностранцами. И поэтому бутылки эти были изящней, чем мои. Валера бережно складывал их в тару, привычно перекладывая их из пакета в ячейки. Он, на мой взгляд, несколько изменился. Немного постарел, полысел, замкнулся, что ли, в себе, обезверился в людях? Нет, он, скорей всего, выполнял свою работу.

– А как нога? – спросил я.

– Болит; видно, неправильно срослась.

– У меня тоже бывают бутылки, – предложил я.

– Ну, так приносите их и сдавайте, – ответил он.

– Но я хотел помочь тебе, а мне не нужно.

– Ну, и мне не нужно таскаться в такую даль... Тут я беру их из пивной, завернул за угол и сдал...

– И сколько за это дают?

– За все, что здесь, один манат. А так я сдаю два-три раза в день.

– И этого хватает?

– Почему нет?

– Зимой же они не пьют...

– Ну, я зарабатываю за лето, остается и на зиму...

– Не отвлекайте его, заведующий ругается, – подошел ко мне с этими словами прилично одетый молодой человек, указывая на дверь приемного пункта.

– Ну, что ж, работай, – бросил я и ушел.

А он поднял полную бутылок тару на руки и, ковыляя, поднялся по ступеням ко входу. Я был ему уже не нужен.

В Валере, когда я встретил его у дверей пивной, сидел рассказ, который я не мог извлечь, рассказ о поломанной его ноге и серии мытарств, через которые он прошел, прежде чем оказаться здесь, у заднего входа пивной, где он сдавал стеклотару. Перед ним стоял пластмассовый ящик с резными ячейками, в который он складывал 330-ти миллилитровые изящные бутылки из-под пива, которое пили посетители этой пивной, как правило, иностранцы. И Валера, гладя эти бутылки руками, как будто б знал, кто из какой бутылки пил пиво – ведь он их знал наперечет, всех посетителей, сидя весь день напролёт перед летней верандой, где иностранцы потягивали своё пиво. Чтобы не сидеть без дела, он кормил иногда кусками куриного мяса кошку: ножкой, крылом или грудинкой; и сам питался вместе с этой кошкой. Поэтому он знал всех посетителей пивной и, складывая в ячейки бутылки, знал, кто из какой бутылки пил пиво и, возможно, даже представлял позу его, сидящего за столом. А со мной он говорил без любви и интереса, с любовью, однако, гладя бутылки, из которых знакомые ему иностранцы пили на веранде пиво. В нем, на большой его глубине, лежал рассказ обо всех этих иностранцах, их привычках и вкусах. Но рассказ этот лежал за внешней его поверхностью, и он не собирался делиться им со мной. На самом же дне его лежал рассказ о нем самом, но он берег его как зеницу ока, боясь прикоснуться к нему, чтобы не читать…

Один из поздних лежащих в нем рассказов, возможно, был таков. Этот парапет ещё тепел, так что, сяду-ка я сюда. Напротив – знакомые мне лица, хотя знают ли они

меня? Впрочем, неважно. Наверное, знают; да и что знать-то меня. Что есть во мне интересного? Вот в этом пакете, кажется, что-то есть! Ну-ка, посмотрим, что же там? Что ж, совсем неплохо. Куриная ножка. А куда, интересно, идет эта девица? Ах, да, к тому парню, что сидит за третьим столиком. Что ж, пускай развлекаются, пока я поем. А курица, пожалуй, немного крепкая и слегка отдает холодильником. Да не беда! Обойдусь как-нибудь. Главное, что есть. Ах, и ты здесь! Моя облезлая кошара. Что ж, найду-ка я и тебе кусочек ножки, если только он придется тебе по вкусу. На, держи, моя славная девочка. Что-то женственное осталось ещё в тебе, в повадках твоих. А так, ты ни то, ни сё. Как и я. Что – разве я мужчина? Страшно даже произнести это слово. Мне главное дотянуть только до вечера, чтобы преклонить голову на постель. Вон, они болтают, смотри! И чувствуется, кто там мужчина, а кто женщина. Да, впрочем, не все ли равно? Ведь мы не собираемся сидеть с тобой в баре и потягивать пиво. А здесь, какая же разница, кто из нас кто? Главное, что мы помогаем друг другу, я тебе – кусок курицы, а ты мне – общество своё. Вот и подружка твоя явилась. Знаю, как услышите запах курицы, так вы все тут. А ты что хочешь? Тоже ножку? На, получай! Ну что, мои дорогие? Приятно было посидеть в вашем обществе, да только мне надо собирать посуду. Так что, приятного вам аппетита.

Потом был рассказ о бутылках, как он собирал их с пустых столов, прихрамывая и складывая в пакеты, относил к черному входу пивной и раскладывал их в пластмассовые тары, причем в одну тару бутылки только одинаковой емкости. Поднимал тары с пустыми бутылками и сам поднимался по ступеням к двери, чтобы войти в помещение и т. д. А ночью видел сны, как сдавал посуду, кормил кошек… И еще он видел, чего никогда не было наяву. Нищенку с сумой, перекинутой через плечо и с тростью в руке. Она шла мимо парапета, где он как всегда угощал кошек, озираясь по сторонам, что придало ему смелость предложить и ей куриную ножку. Поразительно, но она садится, чтобы есть. И он, пожалуй, чувствует себя мужчиной…

Как-то я видел фильм Вендерса, «Берлин» назывался, где автор подходил к каждому из персонажей, обнимая его за плечи, чтобы выразить своё участие в его судьбе, на которую он, однако, не в силах был влиять. Также и я, встретив Валеру, когда он бережно, чувствуя каждую, складывал бутылки в ячейки пластмассового ящика, хотел подойти к нему и обнять, чтобы почувствовать его, вникнуть в него и понять. Но он проколол меня взглядом своих бледно-голубых до бесцветности глаз, не дав приблизиться к нему и защищаясь от меня вопросами или желанием жить так же удачливо, как и он. А я хотел, тем не менее, проникнуть через холодность его устремленных на меня снизу вверх, когда он сидел на корточках, собирая бутылки в тару, глаз, в его судьбу, тело, чтобы добраться до поломанной его ноги – ведь она болела, хотя со дня поломки прошло уже семь лет. Но врачи неправильно ее срастили… Но судьба его, так же, как и тело, сжалась в комок, и мой взгляд отскочил от него, от упругой ее поверхности, бессмысленно кружа в поисках подходящего места. Он собирал бутылки, пока я задавал вопросы, и пока я задавал вопросы, он всё ещё собирал в тару бутылки. Потом к нам подошел прилично одетый молодой человек и сказал, чтобы я не отвлекал его. Мол, дирекция пивной недовольна, когда его отвлекают. И я почувствовал, что он был при деле, а я – праздношатающийся субъект. И что в этот момент он был кому-то нужен, тогда как я, увы, не нужен был никому. И не это ль я прочел в его глазах, когда беседовал с ним, а он, сжавшись в комок, собирал бутылки, глядя на меня исподлобья? Что, мол, кто ты такой, что допрашива-

ешь меня, когда я занимаюсь своим делом? И как только я отошел, он нырнул в приемный пункт пивной с полной бутылок тарой. Мол, иди, и гуляй, и допрашивай других, а у меня и комар носа не подточит! Уж я-то знаю, чем занимаюсь и что делаю. Я люблю кошек и улицу и добываю пропитание, хоть таким трудом. Но я люблю это, и ничего, из предложенного тобой, мне не надо. Я привык к своей одежде, кровати и снам. И отстань, пожалуйста, от меня. Иди-ка лучше своей дорогой.

1.1

Как труден порой для нас разговор. Вчера Слава спросил:

– Сколько ты получаешь?

Я ответил, сколько.

– Но это же мизер. А ты всегда, когда приходишь, что-нибудь берешь. Я это замечаю…

Он хотел сказать, что беспокоится за меня, потому что беспокоился, и я был ему не безразличен, как и то, что я делал. Но я прервал его, ответив:

– Но я покупаю, когда есть. Мне помогают, и я не скрадываю из семейного бюджета. Так что не беспокойся, – ответил я, защищаясь, тогда как он ожидал от меня признания в любви и выражения ответной.

До этого он спрашивал, намекая, что я зачастил к нему:

– Тебя что, уволили с работы?

– Пока нет, – отшучивался я.

– Мы живем не в Америке и не в Европе, а здесь. Здесь можно ожидать всего. Скажи, что произошло у тебя на работе? Может быть, обидели? Я могу пойти и поговорить, с кем надо.

Он проявлял сочувствие и хотел выразить любовь. Но я ответил, защищаясь:

– Ничего не произошло, что бы могло вызвать интерес. Просто меня отправили на курсы, где не я преподаю, а мне.

– Значит, тебя отстранили от преподавания? Может быть, ты брал мало и не угодил начальству?

– Поэтому меня и послали на курсы, чтобы научить, как брать.

– Но это же отставка! – он не имел понятия об образовательном процессе, и поэтому ему здесь виделся подвох.

– Да нет. Просто преподаватель должен пройти эти курсы, чтобы повысить свою квалификацию.

– В искусстве взяток? А разве у нас действуют какие-то законы?

– Эти, во всяком случае, ещё остались в силе.

Опять, вместо того, чтобы понять и благодарить его, я, замкнувшись, показывал, что не нуждаюсь в этом. И поэтому он смотрел на меня с недоумением, не понимая, почему я, как рыба, ускользал от него. Он и забыл, что я по гороскопу был рыбой!

0.2

Слава прошел все этапы, на которых находились его молодые коллеги, и теперь «парил» над живописью. Он находился над верхним ее пределом, где заканчивалось обучение, и шел иной отсчет. Причем, этот отсчет мог бы идти и в противном к предыдущему направлении (в сторону простоты, например, или примитивизма и т.д.). А

до этого – как пойти к нему – я повстречал Казима (вернее, он окликнул меня), и я, обернувшись, увидел его в машине с сыном и женой; он выбрался из машины, чтоб поздороваться. Жена его выглядела посвежевшей (после инсульта!). Седина волос ее освежала. И вид ее с ограниченностью движений – она сидела прямо, на переднем сидении – отмечался загадочной солидностью, не присущей ей раньше. Раньше она была темноволоса (без седины), смугла и подвижна, что не способствовало солидности и, тем более, загадочности. Теперь же она побелела (лежа неподвижно в постели), что делало ее более женственной, с массой следующих друг за другом и нанизанных на тонкую нить любопытства вопросов, кто она? Откуда? И почему так загадочно неподвижна? Казим спросил, что я делаю и собираюсь ли идти к Славе. Я ответил положительно, и тогда он поинтересовался состоянием его рта. Всё так же в нем мало зубов, то есть, один? Да, ответил я, единственный. Но как, в таком случае, он мыслит? Ведь извилины человека в том возрасте, в котором он находился (72 года) поддерживаются за счет его жевательной деятельности (иначе могут зарасти). А если у него только один зуб во рту, то и жевать он может им, а этого недостаточно, чтобы поддерживать в нормальном состоянии все извилины мозга. Так что ему грозит в скором будущем склероз, маразм или же потеря памяти. Когда я передал этот прогноз стоматолога Славе, он улыбнулся, прежде чем пропустить в себя рюмку водки – она проходила в него без всяких жевательных усилий.

0.3

Вчера я был в мастерской, где мастер чинил мне очки, так что я должен был их снять и отдать ему. Когда я сидел так без очков, чувствуя себя неловко, так как плохо видел и, главное, не знал, как смотрят на меня остальные – там было несколько человек, которые заходили к нему с мелкими неполадками. Так вот, я не видел взглядов этих людей, и не знал, как среди них ориентироваться, что раздражало меня, напоминая о моей беззащитности. Так вот, когда я так сидел, окруженный как ореолом своей полуслепотой, на волнующемся фоне которой я видел силуэты входящих туда людей, их конечности и все их движения, намерения их, но не взгляды и лица, не глаза их, я думал, а кто же, интересно, сидит сейчас перед ними? Кого они видят перед собой, и могут ли что-то прочитать в моих глазах? Несколько позже, когда помещение то опустело, и я остался с мастером наедине, а он был погружен в свою работу; когда он копался в зрительном приборе, носимом мной так часто, что он стал частью моего лица, то есть, он копался в одной из моих составляющих, не обращая на меня никакого внимания, я подумал от скуки и одиночества, а что, если подойти к тому зеркалу, что за моей спиной? К тому узкому зеркалу, высотой больше, чем я, но шириной меньше моих плеч, чтобы поглядеться в него. Что я увижу тогда в нём? Какую историю о себе я там прочту? И меня поразило, что в мыслях я увидел по ту сторону зеркала себя молодым, гораздо моложе, чем теперь. И я подумал, что в том лице, которое я мысленно увидел в том зеркале, что находилось за моей спиной, я бы мог найти защиту от моей теперешней беспомощности. Но потом я представил себе то лицо, которое увидел бы, если и в самом деле подошел к зеркалу. И мне показалось, что едва ли я нашел в нем утешение. Едва ли я мог бы оттолкнуться от созерцания того лица, чтобы найти в себе силы для продолжения своей нынешней жизни. И меня тогда занял вопрос, а кого же, интересно, видел перед собой мастер, взявший у меня совсем немного за работу? Жалкого старика, которому он хотел помочь? – И которого всячески отталкивал от себя я. Или зрелого мужчину, в котором он видел по-

рядочного человека? – Которым я хотел бы быть. Или, наконец, мальчишку, которого он подбодрил? – О котором я так мечтал!

0.4

Приходил Казим, когда мы сидели во дворе с Таиром. Лицо у него было усталое и морщинистое – мелкие морщинки вокруг глаз и несколько коричневатый цвет кожи – как кора высохшего дуба. Он отощал, как будто б в нем было дупло, куда уходили все его силы. Он сказал, что стоматолог хуже проститутки, шаря по ртам своих пациентов в поисках заработка, тогда как они ищут у него здоровья. Он же занимался, скорей всего, рукоблудием, используя их рты. Таир сказал, что бывали случаи, когда стоматолог являлся переносчиком инфекции. Казим же ответил, что находился в зоне риска, вторгаясь без разбора в ротовые полости своих клиентов, среди которых попадались и больные, и старые, и немощные, которые могли невзначай наградить своего врачевателя не только теми грошами, которые в состоянии были дать, но, того гляди, и болезнями.

– А врач после этого передаёт эти болезни следующим клиентам, – завершил его мысль Таир.

– Но сначала его заразил клиент, так что они передают болезни друг другу.

– А посредником здесь выступает врач.

– Как и проститутка, которая выступает посредницей в передаче болезней между клиентами, с той только разницей, что она стоит в десятки раз больше. Так что, мне нужно вторгнуться в десятки ртов, чтобы заработать себе столько же, сколько проститутка от одного только разъема своих ног.

Я сказал, что Казим оптимист, так как поднял на ноги сына с врожденным дефектом нижних конечностей и жену после инсульта за счет магической силы, присутствовавшей в нем. Он может так посмотреть, что недужный встанет, а он накопленную в нём отрицательную энергию спустит потом в унитаз. Таир же сказал, что и у него есть магическая сила. Но Казим добавил, что когда магическая сила, так же, как и другая, в нём иссякнет, останется только пустить себе пулю в лоб. Я спросил, а с чем же тогда останется твоя семья, неужели же ты оставишь их на полпути от недуга к здоровью. Но он ответил, что же делать, если это будет не в его силах. А Таир добавил, что самоубийство – это грех. И не надо брать его на себя. Тогда Казим посмотрел на нас печально; мол, что вы понимаете, и из коры сухого дуба выглянули его глаза. А потом он ушел, не согласившись прокатить нас на своём «форде» – стареньком, развалившемся «запорожце» – под предлогом, что неудобно нас сажать в такую машину. Он показал свою одежду; мол, как плохо он одет; и я увидел, что он был одет ещё хуже, чем я думал; босые ноги в шлепанцах, тряпичные брюки и ветхая рубаха. Таир сказал, что в Америке не обращают внимания на одежду. «Но его одежда и в Америке, пожалуй, привлекла бы к себе внимание», – думал я, потому что был поражен ее откровенной невзыскательностью. Я сказал, тебе надо хорошо питаться, мол, отощал. А он – нет аппетита. И поэтому он ест только раз, вечером. Таир сказал, что это вредно, так как приводит к накоплению холестерина. А он: – «Никуда от этого не денешься». Обреченно, очень. А потом ушел, шаркая шлепанцами к своей развалившейся машине.

Уходя, он наказал маме грызть семечки, чтобы заставлять работать челюсти, активизирующие через свои усилия мозг. Он был сторонником той идеи, согласно которой старики поддерживают активность мозга посредством жевательных усилий,

так как все другие стимулы – чтение, наблюдение и слух – у них к тому времени угасают; что у стариков со вставными зубами число маразматиков в десятки раз меньше, чем у их беззубых сверстников.

0.5

Заходил Казим и в его глазах я прочел сказку, сказываемую всем его телом и одеждой: шапочкой в виде шерстяного колпачка на большой, обросшей и не выспавшейся голове и обувью, которую он снимал, как только заходил; и шлепал или тихо ступал по всем комнатам в черных носках сомнительной свежести – с трудом поддаваясь на уговоры надеть тапочки, которые я протягивал ему, не сомневаясь, что они тоже будут такой же сомнительной свежести. Он был как сказка всей своей массивностью, невыспанностью и неординарностью. То есть, он не был ни на что похож и ни с чем не гармонировал, как большая, старая сказка. Немного страшная тем, что он был черен – одежда на нем была темной, как и ночь, от которой он отделился, входя к нам. Но это было необходимо, чтобы в нем нашли простор все темные силы – кащеи, лешие, черти, юродивые и прочая нечисть. Но было в нём и доброе начало – он говорил, что работал и содержал семью – жена, трое детей и теща. Причем, младшего сына он поставил на ноги – у того была врожденная анемия нижних конечностей – благодаря источнику доброй силы в нём. А жену – с ней случился инсульт, и врачи ее приговорили к смерти – он поднимал за счет доброй силы, вроде живой воды из волшебных сказок. Один его взгляд – и капли той воды освежали ее, сводя на нет действие мертвой, которой забрызгали ее врачи, ставя свой диагноз; она вылетала из них вместе со слюной! Но он не поддался панике, как и Саддам Хусейн, который всё твердил: «Не бойся», когда набрасывали веревку ему на шею. «Не бойся», – говорил он, как будто б вешали не его, а кому он это говорил, кто был в нем; и, стало быть, боялся не он.

И, так же как и Хусейн с наброшенной на него петлей, говорящий себе «Не бойся», забыв о ненависти, обращенной к нему, которая прежде была обращена к его жертвам; забыв, что, совершив замкнутое кольцо, она вернулась к нему, он говорил себе: «Не бойся», и поэтому остался во мне, а через меня в нем…

0.6

Сегодня грустный день; нет, верней, грустный вечер. И грустный он отсутствием всего, что, казалось бы, мешало мне. И теперь, когда всё лишнее из него удалено, его заместила грусть. Казим был уставшим и похудевшим, точнее, исхудавшим! Он говорил, что устал таскать на себе, своих плечах, семью – троих детей, жену и тещу – и заметно от этого устал. Не может спать по ночам, волнуется, что не успеет вовремя подставить под хомут свою шею, чтобы его стеганул охотник проехаться на нём! Так он и зарабатывал деньги, давая впрячь себя в повозку с кучером и тяжелой поклажей. Его лицо было похоже на голову мула. Он сказал, что мы стары. И, когда я ответил, друг мой и ровесник, потерпи ещё, Казим возразил, что он, пожалуй, сравнил бы себя с николаевским поколением, у которых и закваска была круче! Я не стал приводить ему тот факт, что у него была любовница, зачем же добивать человека, пусть живет своими мрачными мыслями! И поэтому я не предложил ему и чаю – неохота было вставать и заниматься хозяйством – пусть, мол, предается своим мыслям,

зачем же отвлекать его? А предложил с дерева инжиру; чтобы он поднялся, сорвал его и вкусил. Но у него защемило сердце, когда он спускался с крыши с собранными в пакете плодами. Я сказал, ешь, для сердца это полезно. А он поглядел в пространство, думая о чём-то своём. Потом он ушел, съев всего два инжира. И мне стало грустно, когда я вспомнил его взгляд и подумал, что я буду делать, если ему вдруг станет плохо, или он невзначай умрет. Что я буду делать тогда? Возиться с трупом? Нет, это мне не нравилось, и я сознательно торопил тот миг, когда он, наконец, уйдет. Потом ему стало лучше, к нему позвонил друг и пригласил в чайную. А он, прощаясь, пригласил и меня, мол, пойдем вместе. Тем более, что друг тот был в прошлом нашим однокурсником. Я, конечно же, отказался, сославшись, что не готов. А он – разве готовятся, чтобы попить чаю? Конечно, это ответственный ритуал. А теперь мне грустно, потому что он ушел, и ничто меня уже не отвлекает от дел. Я наедине с мыслями, в которых запечатлен образ его головы, похожей на старого мула. Силы – а их было немало, – казалось, иссякли в нём. И голос его тускнел. И я не дал ему напоследок чаю. И он ушел, оставив меня наедине с мыслями, с запечатленным в них образом его головы.

Представление его в виде мула казалось мне продуктивным стимулом для рассказа, когда во внутреннем мире героя, как символ его былой мощи и нынешней усталости маячила изолированная от всего голова. Тот образ во внутреннем мире героя будущего рассказа делал его богаче и многозначней. Он казался мне интересным, нося его в себе, ведь голова мула была красноречива, повествуя о кровавых и трагических событиях, произошедших с ней в прошлом.

Часть 3-я
Перед вечностью

1

Был у Славы. Когда я пришёл, он лежал в своей комнате на диване. И, увидев меня, поднялся, чтобы сесть. Движения его были тяжеловаты и медлительны. Я сказал, что он может лежать, но он уселся на диване, прикрывшись лёгкой простынёй – одеялом. Его лицо было, как если б он написал себя – с бородкой, светлыми глазами, густыми белыми волосами – ну, точно, как будто бы сам выбирал свои черты, так они напоминали манеру его письма!

– Не скажешь, что он больной, верно? – спросила ЛМ.

– По-моему, он ослаб, – ответил я, заметив, что ему тяжело было приподыматься на диване, и когда он переходил из горизонтального положения в вертикальное, лицо его на время удлинилось, что представилось мне нехорошим знаком. Я знал, что у него в животе собралась жидкость, и хотел припугнуть его, чтобы он не тянул с лечением. Когда я заметил эти изменения в его внешности, которая казалась мне созданной им как живописцем, я посчитал, что не могу не сказать ему об этом, как автору. И он не может с этим смириться как художник, со всеми теми мелочами, которые портили в целом произведение. Но, когда мы с ЛМ предложили ему больницу, он попросил отсрочки.

– Эти палаты на несколько человек, – пояснял он. – К тому же, там лежат одни чушки. Не с кем и говорить. Туалет общий. Как я могу в таких условиях оставаться?

– Но тебе откачают жидкость, и ты почувствуешь себя лучше, – возразил я.

– Это я знаю, – ответил он. – Но, подожди, я должен позвонить Алтаю (председателю Союза). Я скажу, что в такой-то больнице есть палата люкс со всеми удобствами. Чтобы он позвонил главврачу и договорился.

– И тогда ты пойдёшь?

– Конечно. Но сейчас я не готов. У меня ведь не только печень, но и астма. Я задыхаюсь, подожди, передохну. Что ты ничего не ешь? – указал он на стол, который до этого заставил накрыть ЛМ. Она принесла бутерброды с колбасой и голландским сыром, присланным ей сыном из Москвы.

– Давай выпьем, – предложил он.

– Я налью тебе, только немного, – предупредил я.

– Ну, хотя бы пол-рюмки, – уточнил он.

– Будь здоров, Слава.

– Ну, и ты, главное, не болей.

Когда мы выпили, он признался.

– Она, – намекая на ЛМ, – стащила все мои работы. А я не могу без них жить. Мне главное – работа. А выпивка, комфорт, всё это так… Если б я начал сейчас работать, я бы перестал пить; только немного… Знаешь, есть такой момент в творчестве, когда ты что-то задумал и у тебя это получилось на холсте. И вот в этот момент надо остановиться… Вот тогда бы я немного и выпил…

– А чтобы это было возможно, надо освободиться от жидкости…

– Я знаю… Если бы я сейчас стал работать, то всё бы сделал совсем по-другому. Я вижу, как я сделал бы это. Всё это здесь, – указал он на себя, поверх той части тела, где находилась жидкость.

Когда я пришёл – пришёл с намерением уговорить его лечь в больницу – он, как я уже говорил, с трудом приподымался на диване, чтобы занять сидячее положение. Я же сел в кресло наискосок от него. ЛМ решила мне помочь.

– Слава, тебе надо ложиться в больницу, – начала она. – Я уже договорилась в четвертой и пятой больницах. Там у них…

– Да замолчи ты! – перебил её он. – Принеси-ка лучше сюда что-нибудь поесть. Гость ведь пришёл.

И потом, когда она накрывала на стол, принеся из кухни блюдо с бутербродами и другое, с огурцами и помидорами, и делая ещё одну попытку уговорить Славу, что воспринималось им как уклонение от ухаживания во время приёма гостя, Слава её осадил.

– Поставь лучше водку. Где водка, где рюмки? Да ты что? Совсем голову потеряла? Клади всё это на стол и не мешай нам. У нас мужской разговор.

Когда она расставляла рюмки и водку, сделала еще одну попытку:

– Слава, я сегодня обегала все больницы и договаривалась с врачами… Правда, у них в палатах нет туалетов и по три человека в одной, – добавила было она…

– Иди отсюда и не приходи больше, пока мы будем говорить…

– Я устала бегать по всем больницам, налей и мне водки.

– Да уйдёшь ты или нет? Какой ещё водки? – сказал он дрожащим от раздражения голосом, даже замахнувшись на неё, когда она хотела взять бутылку с водкой… – Уйди отсюда и не встревай в разговор между нами…

И потом, когда она ушла, он говорил:

– Это она меня сделала больным. У меня уже не осталось больше нервов. А это, – указал он на живот, – держится, как ты знаешь, на нервах. Не дала мне работать. Она же все мои работы украла. У меня не осталось ни одной из моих работ. А я не могу без них жить. Что выпивка? Это я так только пью. А на самом-то деле мне нужно работать. Да, только с ней поработаешь… Не успевал я поставить несколько мазков на холст, как он на следующий же день исчезал. Выяснялось, она забрала. Но ведь я только что начал … Если б не она, я бы не заболел так…

Только казалось, что от его болезни до больницы лежал путь, являвшийся кратчайшим из всех возможных. Но в топологии болезни, в нём самом, этот путь, увы, не был кратчайшим.

2

В топологии болезни, исказившей его, так что он казался не лучшим своим произведением, не было прямой (в нашем понимании), соединяющей его с больницей, а была геодезическая (причудливая кривая), соединяющая эти две точки и проходящая через его звонок Алтаю (председателю Союза) и того звонок главврачу и т.д. и т.п.

Он всё то время, что болел, находился внутри своей болезни, весь, целиком, а мы были вовне. И мир через линзу его болезни представлялся иным. Геометрия этого мира изменилась для него. И путь в больницу лежал через напрасный (в наших глазах) звонок Алтаю, а потом воображаемые (для нас же) звонки Алтая главврачам с просьбой выделить ему палату с люкс-обстановкой, как заслуженному художнику. Жидкость была в нём, а не в нас, и мир, преломляясь в ней, проникал в него. И он видел мир теперь по-другому, и как художник восхищался им. А мы хотели отнять у него вместе с жидкостью и возникший в нём мир.

– У меня не только печень, но и всё остальное. И астма впридачу, – говорил он, желая подчеркнуть, что болезнь его не имела определённого местоположения, откуда можно было её изъять. А он – вся эта болезнь вместе с тем представлением о мире, которое она принесла.

Он отклонял все попытки ЛМ помочь ему, потому что она находилась в естественных своих границах, определяемых её физической природой, и не могла сочувствовать ему. И поэтому его раздражали и границы её тела, определяемые внешностью, носом, ушами, волосами и т.д. И косвенные признаки, которые выражались её голосом, он не мог слышать его без раздражения, особенно, когда она предлагала больницу.

3

Что приходит мне на память при воспоминании о Славе?

Я вижу, несомненно, его лицо и особенно ту часть, что в области рта; над верхней губой что-то вроде усиков, волоски, соединяющиеся в жидкую кисточку, которую он скручивает пальцами. Пальцами мастера эту жидкую кисточку из волосков своих, которой он не может писать картин, как, к примеру, кистью живописца, толстой и весомой, но отстранённой от него, не столь родной как кисточка его усов, но которая, тем не менее, лучше может вскрыть, как скальпель хирурга, что творится в его душе. Ведь она чужеродна, и ей видней, что там творится! А эта кисточка усов выходит из самой его плоти, и не ей решать, что в нём происходит, она – продукт этого. И поэтому он теребит её, размышляя. Она нужна ему только для украшения, чтобы

показать, как он мыслит, а не чтобы расчленять природу мысли, докапываясь до её исходного звена. Потеребит и бросит. Она украшает его как живописца, ведь она тоже кисточка! Хотя и исходит из него, и он красуется ею, как данной ему природой, которой он играет, настраивая мысли. Он играет ею, а не пишет; он не может писать тем, что родственно плоти. Он пишет тем, что ей чуждо, хотя и не враждебно. Ведь кисточка усов и живописная имеют и общее, хотя бы то, что обе они – кисти! Одна для украшения и косвенной подготовки к работе, а другая для работы и косвенного её украшения! Так что это – отличительная черта. Кисточка усов над верхней губой как наглядный признак живописца!

Потом шли его светло-голубые или серые глаза, которые, казалось, опровергали всё, что успела внушить губа с жидкой кисточкой усов над нею. Они глядели прямо и ясно, и, казалось бы, не нуждались ни в какой подготовительной работе. Они как бы говорили, что живопись – это просто; пиши, что видишь, не мудрствуя лукаво! Потом, однако, были и волосы, густые и белые. И тут вставал вопрос о сложности, потому что их было много. Они были чисты, хотя он их подолгу и не мыл, курчавились на концах и стояли торчком в готовности завершить портрет в соответствии с признанными канонами живописи (по крайней мере, им!).

И это все естественно соединял в себе голос. Он был зодчим в ином измерении, завершавшим портрет. Слава говорил напевно, скользя резцом по всем чертам лица и придавая им необходимую простанственную рельефность. Казалось бы, что – голос! Но он придавал смысл всем чертам, выделяя одни и приглушая другие, а потом, наоборот, приглушая первые и выставляя вторые. И вы видели, что лицо это живёт, принимая выражения, в зависимости от ситуации.

Когда я познакомился со Славой – мне его представляли выдающимся – в разговоре, который состоялся у него на чердаке, в мастерской, меня поразило, что он не был оригинален в целом.

Жил на тех же улицах, переезжая из одной квартиры в другую, на которых не раз бывал и я. Дружил с теми же людьми, которых и я знал, считая некоторых из них недостойными себя. А он с ними дружил, находя в них интерес и показывая, что имелось в них, прошло мимо меня и отложилось в нём, так как гордость была в нём повержена художником, который интересовался всем, что его окружало. Он хотел проникнуть вглубь, в подноготную тех людей, где находились критерии их оценок.

Так что мы исходили из одного: улиц, окружающего нас общества людей, но приходили иногда, увы, к противоположным результатам.

И меня бросало по сторонам, как в тарантасе, несущемся по ухабам, когда, рассуждая об общем знакомом, мы приходили к единой оценке одних его поступков – и я тогда думал, чем же он так замечателен, если мыслит стандартно – и к противоположной, когда обсуждали иные его действия; причём, его оценка основывалась на опыте и часто противоречила первой, моя же – на наблюдении и как бы его дополняла. И я тогда думал, что у него есть опыт жизни, и он знает людей. Но, в основном, моя оценка была, что в жизни он не столь замечателен и, если бы перенёс свой опыт жизни в живопись, едва ли кого заинтересовал. Но в живописи его было больше, чем он говорил, и, в сравнении с ней, он выглядел порой заурядно.

В нём сочеталось это: вполне заурядный человек, хотя и добрый, весёлый, нетерпеливый, и деликатный и незаурядный живописец, от которого можно было ожидать многого, судя по тому, что он сделал.

4

Утром звонила ЛМ и сказала, что Славе было плохо, и она вынуждена была трижды ночью вызывать «скорую». Что ему сделали укол, от которого он вырывался, и ей пришлось прикладывать усилия, чтоб удержать его. Я решил ехать, чтобы видеть как он. Спешил, потому что должен был оттуда ехать на работу. Времени было в обрез и поэтому, входя во двор, думал, посмей хоть кто-нибудь окликнуть меня, и он получит сдачу! Или, например, предложи мне способствовать, кто бы он ни был, выносить мебель, и я сотру его в порошок! Так я думал, входя во двор и направляясь к Славе. Но, выходя, я уже думал по-другому. Что он в беспамятстве и глаза его не видели и никогда уже не увидят меня! Что он не отзывался, когда я кричал ему в ухо: Слава! Что он по пути туда, откуда нет возврата. А я не отзываюсь на крики посторонних, потому что всё время думаю о нём. Потому что не хочу отвлекаться от попыток понимания, что с ним происходит. Но эти попытки не дают ответа на вопрос, что с ним. Что с ним? Почему он не отвечает, когда я зову? Почему не хочет видеть меня, а быть окружённым всюду небытиём? И ещё я видел на обратном пути женщину средних лет на тонких ногах и с большой головой, во всю ширину которой её заставляли чёрные очки. А по пути туда я видел фруктовые прилавки магазинов, и на одном из них лежал початой горкой крыжовник. И ещё – молодую женщину с покрашенными в оранжевый цвет волосами и тонкой фигуркой, ждущей кого-то у голой стены.

А вечером к Славе пришёл врач, что был прошлой ночью, из скорой помощи. И лицо его мне показалось испуганным, потому что не было оно ни солидным, ни приятным, и ростом он подкачал. И он сам знал об этом и боялся, что я не стану ему верить, и поэтому его объяснения смахивали немного на оправдания. И мне стало жаль его, потому что лицо его с маской прозрачной неуверенности показалось мне трогательным, и я сочувственно воспринял все его путаные объяснения. Потом он ушёл, не взяв у ЛМ благодарности из пяти манат, желая этим сказать, что пришёл он к больному, не за выручкой. И это было веским аргументом в пользу его. А до этого, когда он ещё не был уверен в себе, он склонялся над ухом Славы и звал его, как будто знал: «Славя»! И мне это было смешно. ЛМ указала ему на картину «Мадонна с младенцем», и он смотрел на неё потерянно, а я подсказал, чтобы он поменял угол своего зрения, встав немного поодаль и напротив. И он встал и что-то при этом бормотал. Возможно, не понимая, что мы хотели этим сказать, что он погубил такого художника или что он имел честь с ним возиться. А потом, взяв свой чемоданчик, откланялся. И на повторное предложение денег со стороны ЛМ, ответил отказом, отвернувшись к выходной двери с поднятой вверх головой. Теперь он, кажется, не сомневался, что он врач, выходящий от пациента, которого лечил…

5

Врач скорой помощи, пришедший к Славе после той ночи, когда он делал ему уйму уколов, чтобы продлить его жизнь, по его словам, ещё на один день, был внешне мал и неказист. И печать плотоядной стяжательности отмечалась на его лице, которую он уже не мог скрыть. Она явственно читалась на нём, и он знал, что о ней всем известно и что он слишком мал и непривлекателен. Это не было уже ни для кого тайной, и он знал об этом, зная также, что он уже не был ни для кого тайной. Иногда, пытаясь скрыть эту свою непривлекательность, он обнаруживал вместе с ней и попытку её скрыть и догадывался, что и она была уже выявлена. И поэтому то здо-

ровое ядро, что в нем было, он не верил, что сможет его когда-нибудь показать. И не верил, что оно ещё в нём. Но потом, все же пытался показать его, оправдываясь, как врач, хотя внешне и казался преступником. Но дрожание его внутренностей говорило, что он преступник лишь поверхностный, являясь в глубине своей лекарем. Хотя пациент, должен он признать, был безнадежен. И, если бы не его вмешательство, умер бы ещё прошлой ночью, говорил он, извлекая из себя лекаря и подавляя, кого мы видели, неказистого и плотоядного человека. И всё больше выходил из него лекарь; всё больше и больше, чем больше говорил он о проведённом ночью лечении. Может быть, не самый лучший, менее искусный, чем самый искусный, но не самый худший и не недобросовестный. И если он сделал что-то не так, то не намеренно, а по незнанию или недостатку имеющихся у него возможностей. Потому что, если уже говорить начистоту, то имеется лишь одно известное ему лечение – это замена повреждённого органа, то бишь, печени, донорским. Всё же остальное – временное затягивание конца. Если мы хотим, он может даже привести его в чувство, чтобы Слава сказал последние свои слова, чтобы потом снова впасть в беспамятство.

– Нет, – сказал я, – зачем же его мучить. А слова его, слава богу, мы знаем, «дайте ещё водки». Так что не надо приводить его в чувство ради этого.

– Как скажете, – сказал он.

И я заметил произошедшую в нём метаморфозу.

Он перестал быть тем, чем казался, превратившись в того, кто в нем был. И когда ЛМ предложила ему денег за визит, отказался, уверовав, что он – что было у него внутри, не сомневаясь, что и мы об этом уже знаем. «Нет», – сказал врач, неказистый и непривлекательный, но достойный и уверенный. И скрылся за дверьми в прихожей, развеяв все наши сомнения…

6

Трепетание тела Славы перед смертью было подобно, может быть, трепетанию его кисти над холстом, когда он писал свои картины. А кто-то теперь писал его телом на воздушном полотне заключительные строки его жизни, используя его как инструмент. И он дышал тяжело, как будто был воздуходувом для приведения в движение этого пишущего приспособления. Он как будто б трубил как олень во время гона. Рогами его были густые белые волосы, лежащие на подушке в форме рогов, а губы, вытянувшиеся вдоль всего полотна подушки, были похожи на губы оленьего самца, зовущего из лесной чащи самку. А потом наступила ночь, окутавшая Славу; но то не была ночь, приносящая покой, но усиливающая тревогу. Она не обволакивала его, осеняя молчаливым спокойствием, а хотела войти в него, широкая, и он дрожал от непомерной её необъятности. Он дрожал, заглатывая ночь, исполненную неисчислимых огней, тревог и водного простора, исчезавшего под её лёгким прикосновением. И в нём, животе его, уже были куски той ночи, входящей в него неправильно, неравномерно. Он понимал, что не понимал этой ночи и всех её неправильных кусков, потому что никогда не видел всей её вопиющей неправильности. Что неправильной была и мёртвая тишина и гром вспыхивавших средь неё фонарей, как всплеск фонтанов в забытом парке. Но Слава лежал с кусками этой ночи, и его тянул привязанный к горлу траурный трос. Он тянул его туда, где начиналось похожее на смерть бледное утро; далёкое утро, кривая улыбка которой напоминала смерть… Оно ухмылялось вдалеке, а чёрный трос, привязанный к горлу, тянул к нему, где начинался бледный смех… Его тело волочилось в постели, похожей на лохань со свален-

ными в неё булыжниками, а вдали улыбалось бледное утро, похожее на смерть. Это было мучительно… волочиться по груде булыжников к смерти навстречу утру с бледной улыбкой, напоминавшей смерть. Трос душил его, а в улыбке той он не видел отрады, и это было мучительно. Но если бы, кто тянул, отпустил трос, то удар от тяжести убил бы его. И поэтому он не хотел, чтобы отпускали трос и не хотел, чтобы так безжалостно его тянули … И, значит, он чего-то хотел, раз не хотел этого … Но то, что он хотел, не было хотением, потому что тут же проникало в него и становилось им. Он ничего не хотел, потому что был тем, что и хотел… И это было непривычно. Он должен был поглотить всю необъятность этой ночи, а потом и ехидную улыбку утра. В нём она уже была вся со всеми её неправильными кусками. И он удивлялся, почему же он не видел их раньше. Почему свет фонарей начинался там, где-то на горизонте, или на возвышенности, перед горизонтом, а море спало где-то внизу, под трюмами кораблей, с которых едва слышно доносилась перебранка или кто-то ворчал на свою судьбу… Этого он раньше не видел, поглощенный лицами своих натур; портретов, которые он делал блестяще. Но внутри них, за ними была, как будто бы, жизнь, которую он теперь мучительно постигал. Он не помнил, что было раньше. Раньше он только скользил кистью по поверхности натур, а теперь он был внутри них, в гуще их страданий, забыв обо всём, что было… Только бы ослабить трос, который тянул его к бледной улыбке утра… Неужели же он способен поглотить всю необъятность этой ночи…

Он ещё не знал, что поглотит и необъятность следующего за ней дня. Взгляд его прояснится перед самой смертью, и он замрёт навеки…

7

Вчера ЛМ звонила, чтобы пойти на кладбище.

– Мне одной боязно, – созналась она. – Так что, если б ты мог… мне, правда, неудобно…

– Да что там, звоните, – я ответил.

– Я уже позавтракала, – сказала она сегодня утром, – и скоро выхожу.

– У нас нет никого дома, – ответил я. – Скоро должна придти женщина, ухаживающая за мамой. Я её дождусь.

– Ну, я буду ждать около школы, – ответила она, – когда придёшь, придёшь…

Конечно, до завтрака она пошла в туалет – я не сомневался в этом. И посидела на унитазе, сколько ей было нужно, в ночной рубашке, и расставив ноги на ширине плеч, старческие, рыхлеющие ноги! А потом сделала туалет, причесалась, умылась, чистила зубы… А мне сказала, что позавтракала, скрыв, что предшествовало этому, свою невзрачную позу после сна на унитазе… Как будто я не мог догадаться об этом. Но я тоже скрыл, что делал утром, как чистил, остервенело массируя щёткой зубы, пока они мои, то есть, не вставные! И что делал в туалете, я не сказал. Я и не знал, что ей приспичит сегодня идти на кладбище. Ведь ещё не сорок дней и не так уже и прохладно. Так что, с чего бы! Но всё же я ждал звонка даже днём раньше. Ведь она созналась, что как будто бы он – покойник, Слава – зовёт, чтобы она принесла ему воду. Что у него, мол, жажда и хочется попить. А ей не с кем идти. Ведь там случается… Она кое-что слышала. «Так что, если бы ты мог… Ой, мне стыдно сказать …» Как будто она хотела что-то сказать. И повторила, что я уже слышал, что не мог бы я пойти с ней на кладбище. Я хотел сказать, что уже слышал это! И не надо жема-

ниться, чтобы сказать, что уже говорила. И подумал, что когда она сегодня утром делала туалет, то есть, сидела на унитазе, а потом возилась у зеркала, она, верно, думала, что позвонит мне, а потом пойдёт на кладбище, так как больше не могла… как бы терпеть разлуки с ним – покойником – который, будто бы, просил её попить…

Мы встретились, где она и говорила, и пошли на кладбище. Вход там был замысловат. Мы вошли, кажется, не туда и уже прошли. Но потом увидели, обернувшись, позади надпись на чёрной ленте, которая обвивала высохший венок. «Вот он», – сказали. И прошли по узким песчаным и замусоренным тропкам к нему.

– Он и в жизни любил беспорядок, – сказал я, увидев на кладбище, рядом с ограждённым участком, где он лежал, и внутри него – участка – такой же беспорядок, с которым впервые столкнулся в мастерской.

– Я не люблю стерильной обстановки, – признавался он, когда я думал, сколько же уровней отделяло этот беспорядок от примерного порядка, а того от стерильности, и не мог сосчитать. А он продолжал: – Я могу жить только в мастерской, где делаю, что хочу. Но не в квартире, как все люди, где нельзя, не запачкав и чего-то не испортив, сделать что-то.

И теперь на кладбище, где он лежал, была угодная ему обстановка захламлённости. Мусор из пустых бутылок, тряпок, окурков, газет, щепок, засохших листьев и прочего был брошен здесь. Эти пустые бутылки, может быть, перешёптывались на ветру или он пользовался окурками – ведь их не сосчитать – когда хотел курить. Но из этого происходила жизнь, почему ЛМ и ответила: «Пусть будет так, он любил это», убрав с изголовья высохший венок, принявший образ метлы и сняв с него траурную ленту.

– Её надо забрать, – заметила, сворачивая и кладя её в пакет. Потом посадила какой-то кустик у изножия могилы. – Он не цветёт, – уточнила, – а то, кто будет здесь поливать?

Но после её кропотливой деятельности над могилой, когда я читал надписи на соседних – я узнал из фотографий, взглядов и улыбок на них, что покойники, его соседи, тоже были людьми, и когда-то наслаждались жизнью, и интересы у них, кроме того, чтобы стать впоследствии покойниками, были… А на одной из них была изображена стёршаяся фотография молодого человека в матросской тельняшке, крепкого и широкогрудого, улыбающегося и, несомненно, имевшего успех у женщин, но не дожившего и до сорока лет… Со дня его смерти прошло уже полвека… кто вспомнит о его внешности, улыбке, какой он был… покойником он был гораздо дольше, и живые воспринимали его, верно, как покойника, забыв, что он когда-то жил … – после её деятельности могила его приняла вид песчаной постели с украшавшим её кустиком в изножии.

Когда она суетилась над могилой, приводя её в порядок и посадив кустик у изножия, а потом, оставив бутылку с водой, говорила, что он хотел пить и будто бы несколько дней её звал, я думал, что она, возможно, вспомнила последние 1,5 суток, когда он тяжело дышал и почти ничего не ел, что она давала: кусок рыбки, отварной картошки впридачу, сок фруктовый или просто фруктовую воду. Когда он ничего не ел, а только хрипел и тяжело, как схваченная за жабры и поднятая в воздух рыба, дышал, а она клала ему в рот кусочки льда, и он то ли послушно, то ли жадно их сосал, и она, я думал, вспомнила теперь это. А может быть, корпя над могилой, она вспоминала себя перед зеркалом, когда проснулась сегодня утром и собиралась идти на могилу, думая, что всё ещё сохранилась, и приводя в порядок свое лицо и волосы.

Когда же её деятельность завершилась, она сказала:

– Постоим, не будем спешить, и ты не спеши, а постоим. Ты знаешь, как будто б он меня звал и то ли хотел попить, то ли, чтобы я рядом была.

А потом мы пошли, и она вручила мне газету, где про него было писано, где он изображён был вместе с картинами, которые не сохранились, часть из них украли, а часть была продана за бесценок, бутылку водки или коробок спичек!

– «Одиночество пьяных роз», трогательно пишет, – говорила, указывая в газету. – Но самое трогательное, что было, когда я его встретила, об этом не писано, потому что это трогательней, чем можно написать или сказать. Когда я его встретила, он кашу варил – гречневую – в консервной банке и это тронуло меня до слёз. Художник с таким именем стоял в рваных трусах около электроплитки, чтобы готовить себе в банке от рыбы кашу! Я купила ему шорты, нарядные, и он хаживал в них весь день на чердаке по коридору, шикуя обновкой! А на следующий день их украли. Не нашёл, проснувшись, и облачился в прежние, которые я в сердцах списала! Тогда я ему купила другие, в которых он потом ходил, остереглись красть. Вот как я его застала, с консервной банкой вместо кастрюли и в рваных трусах! Ты же видел его портрет с Алтаем, в балахоне на голое тело, с обвисшими веками, красными глазами, распухшим носом; он уже больной был, когда я его застала в таком состоянии с балахоном, прикрывавшим все его натуральные прелести! Ведь он у них за шута ходил, с манерой одеваться и пить, когда он приходил в себя, неизвестно где, перед закрытой дверью в мастерскую, – решили пошутить и забрали ключ. А он ночевал на голом цементном полу в коридоре, стужа себе спину и все внутренние органы. А картины, какие видишь на фотографии, их уже нет. Я написала против названий в списке. За водку, в нарды, украли, отдал и т.д. Шесть картин он проиграл тому, седому, одну – Фархаду, ещё одну – врачу. Кто же играет на картины, такие! в нарды. Они же держали его за шута. Ты же видел его взъерошенного в балахоне и с красными глазами. Вот такой он был, когда я к нему пришла. И впервые, на следующий же день за несколько лет жизни на чердаке, причесался. Ты же видел и эту фотографию! Где он причёсанный – красавец! – стоит. Впервые за много лет причесался. А когда я только пришла, не то, чтобы причесаться… Серебряную медаль на международной выставке за одну из его картин, знаешь, где он хранил?... Не хочу говорить… Хочешь, скажу?... Сказать? Так и быть, скажу, и только тебе… в говне! А деньги… я этого никогда не скажу, куда он прятал от последней своей любовницы… Она же обирала его, как липку… Ну, так и быть, скажу… в анальном отверстии… И только, когда я появилась, стал понемногу приходить в себя… И поначалу причесался впервые за немалый срок жизни на чердаке. А потом загорелся ехать со мной и представил все документы, что у него были, чтобы я выхлопотала ему паспорт и заслуженного… И нечего меня попрекать, что я не сообщила детям о его болезни. Где же они были, когда их отец спал на цементном полу, а потом проигрывал по одной все свои работы, а те, что не проиграл, уносили во время сна его собутыльники…

– Когда я вызвала Соколенко Игоря, – рассказывала она о последних днях его жизни. – Ты же знаешь, я его вызвала…

– Да, знаю…

– Так он сказал … Он же пришёл не сразу, а только после того, как Эльман, сын, позвонил ему… Он и тогда не мог придти, потому что был на кладбище, хоронил бабушку. Но пришёл на следующий же день. И сказал – срочно в больницу. Слава же не хотел в больницу. Он тогда смотрел телевизор и, хоть ему и нехорошо было, но

он не верил в свою болезнь. Он всё тянул, когда я предлагала ему больницу…

– Я помню…

– Ведь и ты говорил с ним на эту же тему… Но он сказал, чтобы мы подождали… Он ещё не верил в свою болезнь, не думал, что это так серьёзно. Мой сын Эльман говорил с ним по телефону из Москвы. Он его слушал, как и тебя… Но он и слушался его… Он сказал, дай я поговорю с Эльманом. И говорил с ним долго. А потом попросил отсрочки… Он не хотел быть где-то вне дома, в больнице, хотя Эльман и уговаривал его. Он хотел оставаться у меня, в знакомой ему обстановке, около телевизора, пока мог смотреть свои любимые передачи… И не верил, что может наступить тот момент, когда он этого лишится. Ты же видел его, когда он был плох.

– Да, он сказал, когда я его спросил, как он чувствует себя, что плохо. И теперь я жалею, что не спросил ни о чём больше, например, чем бы я мог ему помочь.

– А чем ты бы мог помочь?

– Ну, чтобы он чувствовал, хотя бы желание, так, может быть, ему легче бы было…

– Он и так чувствовал, когда ты пришёл. Этого было достаточно … Он всё чувствовал…

– Но тогда он был совсем плох и готов впасть в беспамятство, в котором на следующий же день я его видел… И это был уже не Слава…

8

Слава умирал в своей комнате. Он бледнел, теряя силы и тёплый цвет кожи и яркий блеск в глазах и эластичность волос, всё ещё белыми волнами обрамлявших его голову. Надо сказать, что путь его от житейской суеты к мёртвенной неподвижности, когда он уже лежал в гробу, а также утрата им всех признаков жизни, в том числе и красок на лице и глазах вместе с блеском его волос, был не простым. Не проще, к примеру, чем переход войск через Альпы.

ЛМ всё это время думала только о себе, как она среагирует на его смерть.

– Меня подготовили к самому худшему, – говорила она, – что из ушей и носа и всех пор его тела, не буду перечислять все, может открыться кровотечение. Вот я и приготовила для этого страшного случая тряпки и постельное бельё. Ведь в животе у него вода, а печень раздута невероятно, так что ожидается предсказанное кровоизлияние под большим внутренним давлением.

И, заметив мой недоверчивый взгляд, продолжала:

– Ведь повешенные – это не те, что нам показывают на экранах телевизоров. Одна моя знакомая поведала, что это только для публики, что вы видите. А что не видите – гораздо хуже. Это их сваленные внутренности, которые вылезают под действием силы тяжести, так как расслабляются все мышцы тела от плеч и до пят, и уже не держат всего, что в нём находится. Вот так-то, – заключила она, утирая платком нос и веки. – Я готова теперь и к этому…

Но Слава дышал тяжело, как будто б задыхался. Как будто грудь его приводили в движение могучие мехи, чтобы прогонять в него воздух. И она вставляла ему в рот кусочки льда, которые он как будто бы жевал, посасывая. И всё это было поразительно, что, вроде бы, уже не сознавая, он, однако же, чувствовал прохладу льда, которая оказывалась, как ни странно, ему нужна. Когда, казалось бы, ничто уже не может быть ему нужно, что было бы понятно и необходимо нам. И переход его в это неподвижное состояние, в котором он днём позже уже будто безмятежно лежал

в гробу, требовал для своего осуществления чего-то обыденного, но не совсем, как, к примеру, кусочки льда, что было бы понятно и нам. И, казалось, почему же этот переход открылся для него только сейчас, но пока что вроде бы был закрыт для нас. И вот когда-то, верно, он разверзнется и перед нами, и мы тоже, с кусочками льда во рту, пустимся в него, в этот переход, соединяющий между собой то, что враждебно друг другу, жизнь со смертью. Мы теперь наблюдали только их борьбу, которая происходила в Славе, и уже не сомневались в её исходе. Да, она должна, конечно же, закончиться смертью. Но какой? И когда на следующий же день я увидел его в гробу, я ощутил всю её восковую неподвижность и, что наступил, наконец, мир там, где недавно шла война. В гробу лежал теперь воск в форме Славы. И не надо было, казалось, ни портретов, ни скульптур, как бы говорила сама смерть, так как она взяла эти функции на себя, увековечив того, кого она принимала в безмятежной неподвижности.

9

А Усейн снимал Славу во всех ракурсах, как будто хотел догнать смерть в своём стремлении запечатлеть того, кого она уносила с собой. Он снимал его в гробу, когда гроб положили на лавку у парадной дома, откуда его вынесли. Потом, когда гроб подняли и понесли его коллеги, он снимал другую картину, Славу, несомого коллегами, идущими под гробом. И, наконец, на кладбище, когда его вертели перед вырытой ямой, Усейн вмещал в объектив и эту ступень траурного процесса. А потом гроб вместе с жёлтым – настолько, что он казался восковым, ткнёшь прутиком, и он в него войдёт – покойником опустили в могилу и засыпали землёй.

И те, что оставались наверху, смотрели друг на друга, ничего не понимая. И от этого, возможно, и плакали. Плакали некоторые безутешно, например, его дочь, Марианна, удочерённая им, так как брак с её матерью не был регистрирован. Плакали больше от непонимания случившегося, а ошибочно полагали, что от определённости, утраты ими близкого человека, большого, как они говорили, художника. Верно, определённости было меньше, потому что близкий человек был и не столь близок – он уединился и «буйствовал» в одиночестве, правда, под присмотром ЛМ, но и она это едва ли делала бескорыстно. Большой художник – скорее бич, чем утешение для коллег, утешившихся только теперь вместе с его смертью; никто впредь не будет раздражать их своей непредсказанностью.

Ну, и слава богу… Зачем же нужны эти лишние волнения…

10

Антип, единственный его законный сын, не состоялся как художник, хотя и был членом их Союза, внешне и особенно бородой и даже блеском или каким-то по временам её отливом, чрезвычайно напоминал Славу, особенно в молодые его годы, которые были запечатлены на фотографиях, с которых он смотрел на зрителей победно. У Антипа же больше была не победность, а скорей всего защитная заносчивость. Ею он как бы защищал своё право быть земным существом, вне зависимости от родства, что являлся, так сказать, сыном самобытного художника, непохожим, в этом смысле, на отца. Он может, таким образом, избрать себе любой путь, а не тот, истовым служителем коего был отец. И, стало быть, он свободней, живей своего отца, который, как только что все видели, закончил свой путь тем, что восковым своим по-

добием расположился, как и многие до него, в гробу. Возможно, что его участь будет лучше. Во всяком случае, она будет другой.

– Не сокрушайтесь о нём. Его болезнь была неизлечима, – сказал я, чтобы он не терзался, что не был при отце в последний период его жизни, знаменовавшийся присутствием ЛМ.

– Конечно, нет, – возразил он. – Он пожил достаточно при его-то образе жизни. Это должно было чем-то закончиться. Был ещё здоров. Другой давно бы уже смотал удочки. А этот держался. Так что пожил вполне.

Но слова его были в некотором роде и укором. Мол, почему же пил, коли хотел, как говорил, работать. Вот и работал бы, не щадя себя, чем то же, но за рюмкой водки… Но не учитывал он, что отец его был артист, который должен был вести богемный образ жизни. Мол, хотел женщину, и имел, а водку, тем паче… Ведь недаром же в его мастерскую и даже в последнее время приходили некоторые, что называется, не в надёжные руки заключённые женщины.

– Недавно приходила одна, – рассказывал Слава. – Ну, так, в общем-то, ничего. Говорит, нравлюсь? Ну, да, отвечаю. Хочешь, покажу ещё что-то, предлагает. Ну, что ж, показывай. И обнажила свою попочку. Ну, попочка тоже, в общем-то, ничего. Аккуратная такая, крепенькая. Что ж, хорошая попочка, говорю. И спереди всё как будто бы в порядке; чисто, аккуратно подстрижено. Хочешь? – говорит. Отчего же не хотеть; ведь я художник. Конечно, хочу. Ну, и я, говорит, хочу, только денежек. Сколько? – спрашиваю. Ну, в общем-то, недорого. Можно было бы и заплатить. Да нет деньжат у меня, ты же знаешь. Ведь все картины мои продаёт ЛМ, и деньги за них забирает, а мне приносит одну дешёвую водку и сигареты самые дешёвые, какие я и курю; их продают на вокзале, а в магазинах их нет. Так что, нет у меня денег, да и зачем они мне? Я даже не знаю, что на них нарисовано. И говорю ей об этом, что нет их у меня. Тогда картину, говорит. Нет, с картиной повременю. С картиной не сейчас. Так и ушла. А попочка была ничего, крепенькая такая. Она мне всё здесь показала; тут же торг шёл, а что и скрывать. Надо товар лицом показывать. Вот она и показала свой товар. А я, стало быть, свой. Только обмен не произошёл. Только и всего. А остальное было как на хорошем базаре. Вот так-то.

Ещё одна была, Аечка, которая тоже заходила к нему, как заблудшая лань. Глаза у неё были как у дичи и взгляд…

– Он ей обещал зелёненькие, вот она и тянется к нему, – поясняла ЛМ.

«Антилопы ведь любят зелень», – думал я.

– Я ей обещал три тысячи долларов за её красоту, – хвастал Слава.

– А она, дурочка, и поверила. И с тех пор всё ходит сюда, за обещанным, – добавила ЛМ.

Этих девиц поставлял ему Тарлан, чокнутый художник, который тоже жил на чердаке, только в противоположном его крыле.

– А где он их достаёт? – изумлялся я.

– Он их находит в Интернете, – чеканил Слава. – Он же умный, хотя и сумасшедший. И обижается, когда я его так называю. А я, может быть, похлеще него, как и все гении. Он же обижается, когда я делаю ему этот комплимент.

Так что Антип ошибался, полагая, что эти две вещи – работу и разгульный образ жизни – можно оградить друг от друга. Для его отца, по крайней мере, Славы, увы, или ура! Или и то, и другое вместе, это было, как видим, невозможно.

11

Что ещё особенно удивительно было в эти оставшиеся дни жизни Славы, последние два дня которой были только физиологической борьбой со смертью, когда он впал в кому, а на улицах бродили люди? И я спешил к нему, замечая то молодых, то средних лет женщин в прилежащих к дому, где он жил с ЛМ, улицах, которые или ждали встречи, или спешили по своим делам, или вовращались в семьи. Так, вот, меня, особенно при воспоминании теперь, поразило, что мы в эти последние дни относились к Славе, лежащему в коме, как к неодушевлённому предмету. Как будто б его уже не было с нами, и вопрос времени был, когда же, наконец, его вынесут из квартиры. И точно так же мы (то есть я) говорили и с врачом скорой помощи, сделавшим с поддержки ЛМ ему укол, от которого он отбивался, но всё же его сделали. И врач скорой помощи не мог скрыть в пуповине своего лица какую-то вину, которую он до этого как будто бы скрывал, а теперь она вдруг обнаружилась, показываясь на его лице. И он не мог или не хотел уже ничего с этим делать и знал, что она на виду у всех, по крайней мере, у меня. И поэтому он как бы хотел сказать, что он всё же врач, а не мошенник, хотя и с очевидным изъяном на лице. А я, в свою очередь, хотел представить ему Славу, каким он был, художником, и показал одну из его работ последнего периода, мадонну с младенцем. И он робко и искоса на неё смотрел, не смея подступиться ближе. Но я сказал, что на неё надо смотреть, встав напротив, и подозвал его к себе. И он нерешительно подошёл и всмотрелся в то, что было писано Славой, лежащим в коме с шумным хрипом за нами. И мы смотрели на то, что было им писано, но не о нём, хотя он и мучился, хрипя как животное за нашими спинами. А потом врач склонился к его уху и позвал: «Славя», но Слава не отзывался и, вообще, никак не реагировал, как будто бы не признавал в нас людей, достойных своего внимания. Как будто такие взлёты, как мадонна с младенцем или хрипы как у поваленного носорога были присущи только ему или таким же, как он, художникам, но не таким, как мы, простым смертным. Нам свойствен только показной восторг перед тем, на что он положил отрезок своей жизни. А теперь и остаток её, к которой мы обращались своими спинами. Он уходил, как бы оставляя нам решать, к чему следует оборачиваться спиной, а к чему лицом. И мы знали, что никогда не справимся с этой задачей. И поэтому, чтобы не разбиваться об эту головоломку, считали его почти что предметом, чуть более интересным, чем, может быть, диван, на котором он был заключён…

12

Перед тем как покинуть этот мир, Слава спрашивал, где мои руки? А потом, где мои ноги? И ещё, дай мне руку, на что ЛМ вложила в его руку свою. Он уже, видимо, не ощущал ни ног своих, ни рук; он летел туда, где они были не нужны. Но, впрочем, это не помешало ЛМ, через пару дней после его смерти посетить мастерскую, чтобы вынести оттуда картину во всю стену, писанную им в молодые годы.

– Её нельзя было вынести, – говорил Слава, – иначе я бы её продал. За неё предлагали уйму денег.

– А почему её нельзя вынести?

– Она осыпается, тронешь, и краски отстанут, и останется тогда один дряхлый холст.

Действительно, краски курганами вздымались над холстом. На нём была изоб-

ражена картина, состоящая из трех женских фигур. Причём крайняя, левая, была старухой с неприятным оскалом, сидящая на чём-то низком, может быть, на лавочке, не на камне ж! Две другие были женщинами средних лет и та, средняя, была чем-то связана со старухой, то ли нитями родства, а то более жёсткими узами обязательств, возможно, что и мистического толка. Третья же была, пожалуй, приглашена той, средней. И между ними, скорей всего, происходил торг, но не как это бывает у женщин, когда всякая их беседа обращается в торг, а, напротив, когда вспыхнувший торг переходил в беседу с яркими жестикуляциями и выражениями в лицах. Причём, лица Славой были выписаны тоже непропорционально. Лицо одной из них, средней, занимало чуть ли не треть картины. Но тем ярче выделялись их роли и слова, что они хотели бы сказать, как будто это было оставлено кистью на их лицах. Конечно, нельзя было прочесть всех фраз, но на них были оставлены зачатки слов, и вы почти что угадывали, о чём эти женщины говорили или спорили в пылу своего торга. Во всяком случае, эта картина никого не оставляла равнодушным.

И вот её-то, не боясь возвышавшихся на ней мазков красок, и намерилась вынести из мастерской ЛМ. По её словам, чтобы мастерскую эту превратили в музей её возлюбленного художника. Но зачем же тогда выносить оттуда плоды его деятельности? Чтобы посетители музея обозревали в будущем пустые стены? Добро, если б она собиралась вернуть по реставрации эту картину. Но она же и признавалась, что собиралась её продать, и детям его из вырученных денег выделить по доле. Что это? Запоздалое служение искусству или удовлетворение личных потребностей? Справедливости ради заметим, что ещё до выноса этой картины, когда появились первые признаки тревожного самочувствия Славы в виде подозрения на водянку вследствие ненормального вздутия его живота, она освободила мастерскую от пакетов, рассованных Славой во все имеющиеся здесь ниши и дыры с содержимым его фекалий. Ведь у него в мастерской не было, кроме ванной, биде и прочего, даже обычного туалета. Так что он готовил, таким образом, «завтрак для мышей», запаковывая фекалии свои в старые газеты и рассовывая их, где они – мыши – могли бы их достать! Из этого, конечно же, не следовало, что он был противником всех животных, как не следовало, что он был человеконенавистником из того, что он опорожнял содержимое банок со своей мочой через окно на улицу. Так что мог, невзначай, и оросить запоздалого прохожего – эту процедуру он выполнял поздно вечером, в пределах полуночи – мочой мастера (так что, не исключено, что тому могли передаться и искорки его таланта!). К животным он относился благосклонно, особенно к ярым врагам мышей и крыс, котам.

В различные периоды молодой жизни его сопровождали отличающиеся повадками коты. Один из них считал, к примеру, своим долгом класть убитую крысу у изголовья хозяина, так что, когда он просыпался, обнаруживал перед кроватью свежую тушу с перегрызенным горлом. «Что ж, ты мне картины, а я тебе добычу», – так, видно, рассуждал тот кот. Однако был и такой, которого он с малолетства баловал мясом, и кот чувствовал себя барином в мастерской. Однажды, когда мимо него прошла крыса, разгуливая и не сторонясь своего кровного врага – она вышла из одной норы и прошествовала в другую по всей мастерской, так что и Слава обратил на это внимание (но не его кот!) – он подозвал к себе кота и строго, по-мужски отчитал его, говоря: «Какой же ты барин, когда, извини меня, какая-то девка, именуемая крысой, дефилирует по всей мастерской, не обращая на тебя никакого внимания. Как же ты можешь терпеть такое, ты, кого я с детства баловал мясом, чтобы из тебя вырос бла-

городный потомок кошачьего рода. А ты что сделал? Допустил, чтобы какая-то, извини меня, крыса посмеялась над вами, ходящими, правда, как и она, на четырёх ногах, но опирающихся не как у неё на уродливую пятерню, а на мягкие подушечки. И хотя хвосты и у вас есть, но сравни, хотя бы бегло, свой пушистый хвост с тем грязным шнуром, что плетётся, когда она, мягко говоря, ходит, вслед за ней. Мы с тобой мужчины и едим свежее мясо, а эта каналья ест неизвестно что и согласна и на то, чем мы с тобой испражняемся…» В общем, много я наговорил, – рассказывал Слава, – а он, опустив голову, слушал. А потом, не поверишь, исчез. Исчез навсегда. От стыда ли? Или его похитили… А какой кот был, красавец! Редкой расцветки и с повадками настоящего барона…

Так что животных он любил. А людей тоже и не менее… Каждый раз, когда я к нему приходил, а он сидел с очередным посетителем мастерской, играя с ним в нарды – трик-трак, как он говорил – или беседуя, кто к нему заглянул походя, полуобернувшись к собеседнику и одновременно выражением своего лица встречая меня, при этом он говорил гостю, «знаешь, какой это поэт?!» А остальное выражали искры его глаз. А когда «стоячий гость» покидал его, оставляя нас в мастерской, он рассказывал с пеной – и не только из бороды и щёк – у его рта (вокруг него!); говорил: «он редкий душевными качествами – имея в виду ушедшего – человек. В отличие от его брата, с коим я учился, Тарика, который тоже был не мудак, но этот – лучше, шире и душевней. Они – два брата – противоположности. В отличие от того, художника, этот работал в государственных органах».

– Вот такой парень! – восклицал он, подняв большой палец, и как бы боясь, что я после последней его характеристики усомнюсь в его похвале. – Однажды он пригласил меня в гости на дачу, и там за одним столом под открытым небом, в тени листвы сидели одни рецидивисты и воры в законе. Все, кто когда-либо проштрафился перед государством. «Как это? – спрашиваю: – ты и они за одним столом, не удивительно ли? Как если бы кошки сидели с мышами или, ещё лучше, еда с теми, кто ею лакомится. Как это понять?»

– А они что ни на есть надёжные в нашем государстве люди, то есть, конечно же, не в том смысле, что заняли самые низшие места, и падать им больше некуда, а что заняли они места свои надёжно, и слову их, особенно, когда речь идёт обо мне, верить можно.

А за тем столом, осенённым прохладой зелени, всякие яства, и виданные мной прежде, ведь я всякоежка, и невиданные были. И напитки всевозможные, и наши, и заморские, коньяки и вина, и всё, что придумало человечество. Но ты же знаешь, мне подавай только водку. И тут выяснилось, что никто из того люда, что собрался там, то есть, всех этих воров и рецидивистов, не пьёт водку и вообще ничего. Так что мы вдвоём с ним и пили. А на десерт подали изысканное их курево, ну, в общем, что объяснять. И тут уже закурили все. Дружное пошло дымоиспускание, аж и птицы на ветвях захмелели. Да, знаменитое, что и говорить, получилось угощение! И наговорились и напились и накурились. Что ещё надо?

Так что любил он и людей.

КЁНЮЛЬ ГАСАНГУЛУ

З А П А Д Н Ы Й В Е Т Е Р

Среди лимонных деревьев

Гюнель Эминли

Где-то сейчас одна женщина,
Раскрыв створки окон, зовет голосом хриплым
Непослушные ноги своего сына, зовет домой
С пыльной улицы, где детвора
Играет в мяч.

Другая целует взглядом своим в стеклах оконных,
Что протирает дочиста, отраженье дочки, которая
Лежа на полу, разметала длинные и желтые как Солнце кудри.

Мне теперь столько лет,
Когда женщина устает и отдаляется
От мужниных губ и целует
Сына в лоб,
Завивает локоны дочке...

Но мои руки всё еще блуждают
В Ваших густых волосах,
Господин Лорка, среди лимонных зарослей
Дальнего Запада.

Пустите, дайте вернуться домой...
Смеркается в жизни моей... Смотрите,
Даже вороны слетаются в этот час
К своим гнездам с пищей,
К птенцам, что сиротливо пищат.

Солнце сядет и тут же спровадит меня вдаль.
Прошепчите мне в уши все Ваши
Неоконченные стихи,
Ворвитесь мне в душу вместе с Западным ветром –
Состарьтесь вместе со мной.

Давайте вот так вот обнимемся с Вами
Под сенью красных облаков,
Среди неописуемо-желтых лимонов –
Ароматного места свиданья...

Слёзы глобуса

**Жеманно кручу глобус, –
Что держу в руке,
Кончиком пальца.
В мгновение ока
Обращаю назад начало истории,
К 30-ым годам прошлого века.**

**Крутанула назад,
Еще до начала Второй Мировой?!
Тихонько
Прикасаюсь к садам Гранады
Левой рукой –**

**Зажимаю весь мир
В ладонях, когда
Шел 36-ой год от рождества Христова.**

**Плюю на всех
Вооруженных франкистов
Кровавым плевком Вахида!**

**И
Левой рукой давлю бараний помёт
Там, где расстреляли Лорку.**

**Затем
Встаю и вытираю руки,
Будто раздавила слизняка…**

**Пото́м
Утираю кровь с губ Вахида,
Холодный пот
Со лба его…**

**И, протянув одну руку к Шуше,
Качаю деревянную люльку двухлетнего отца –
«Бааааю, папочка, бааааюююю……..»**

**Я повергаю мир в ужас
Своими ладонями…**

**Пусть пули,
Пущенные в поэтов,
Запнутся в дуле
Всех ружей!**

**Пусть подавятся ружья!
Пусть подавятся глотками франкистов!
Пусть их на сотни частей разорвёт!**

Раз – и к чёрту сердце!
Раз – и к чёрту живот!

Пусть кровь Вахида
Вцелуется в их губы.

Господа диктаторы, трубите, трубите, трубите в трубы,
Господа провокаторы, остро у вас наточены зубы
На эту круглую сладкую землю,
Жрите до отвала материки –
Деревья,
Животных,
Детей,
Матерей!
Любовными письмами утирайте губы в жиру!
Запивайте океанами, вы на пиру!

Под конец
Выплачьте под ярким солнцем эти воды
На сухую
Почву Гранады...

На «могилу» Лорки
Плачьте днями, ночами,
Глобуса
Слезами!!!

Под уличным фонарём

I

Если б сейчас эта серая тень
Не легла предо мной на асфальт –
Откуда б мне знать этой больной головой
И пьяным сердцем
Жива ли всё еще я?

Моя тень, ноги и сердце змеятся
У начала улицы и вопрошают меня:
Куда ты?
Тень, ноги и сердце возносят секиру
Вопросительного знака...

К чему, к чему же надобен был
Весь этот букет бедных, увядших людей?!

В теле моем столпотворенье –
Всё, кроме пожелтевшего фотоснимка в кармане,
Всё, что есть у меня,
Кажется лишним, кажется слишком...

II

А еще этот август…
А еще – ночные жуки…
Мне от них жутко
С тех самых пор, как помню себя.

Ах, август… Август… Если б не ты
Вместе со своими жуками,
Если б не 19-ое число,
Может, любимого поэта моего
Твое б отсутствие спасло…

III

Ночь.
Улица.
Разбитый фонарь на стене над моей головой
При ветра порыве издает почти вой,
Его ведут на убой…

Простите, Федерико…
При слове «смерть»
Наверное, ёжится Ваша душа в левом кармане моем,
Точно так же, как ёжусь я
При виде ночных жуков…

Простите меня за слово «смерть»,
Простите… Может,
Я захочу эти строки стереть,
Когда придется отдать
Стихи свои в печать.

IV

Ночь.
Безлюдная улица.
Стрелки часов показывают заполночь.
Короткая стрижка, длинная шея,
А в руке у меня красный шарф…

Левой рукой
Достаю из левого кармана пожелтевший лик –
Федерико Гарсиа Лорка!
Смотрю на Ваши локоны –
На копну волнистых волос,
С которыми резвился Западный ветер…

Закрываю глаза,
Осторожно прижимаю к груди Ваше фото –
К самому сердцу…

V

Ночь.
Темная улица.

И я больше
Не вижу препятствий к тому, чтобы
Обращаться к Вам на «ты».

Пусть вся обходительность
Покоится вне места и времени.

Покамест мы живы,
И правы – не лживы,
И длится ночь,
Товарищ Лорка,
И улица длится.

Взгляните-ка на того интеллигентного пьяницу,
В этот час, в этот миг вся его изысканность,
Как джин и джинн, выскочившие из бутылки, –
На свободе!

А сам он
Напоминает бутылку без письма,
Брошенную в холодные волны.

Что же всё-таки я хотела тебе сказать?
Вспомню-вспомню! Минуточку...

VI

Ночь.
Холодная улица.

Федерико,
Перед глазами встает
Твоя западная улыбка,
И вот тогда, несмотря на эту ночь,
Я обхожу босиком пядь за пядью
Каждую улочку прокаленной солнцем Гранады.

VII

Ночь.
Сырая улица.

Разбитый фонарь над моей головой
При ветра порыве издает почти вой –
Его ведут на убой...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

ПОЗВОЛЬ СЕБЕ БЫТЬ БОГИНЕЙ!

*Обращение к Женщине**

*

Человек боится признаться даже самому себе, что только его тело пребывает в настоящем. Мысли же и чувства потерянно плутают в потёмках прошлого.

*

Жизнь учит нас не находить нужные ответы, а задавать нужные вопросы. Когда нам удаётся овладеть этим искусством, все ответы приходят сами.

*

Зачастую тебе приходится ломать голову над решением задачи, которая никогда не возникла бы на твоём жизненном пути, будь этот выбранный тобою путь действительно твоим.

*

Угроза, от которой ты пытаешься защититься, исходит не от мира, а от твоего низшего человеческого «я».

*

Знай: даже если ты навсегда отречёшься от Вечности, Вечность никогда не отречётся от тебя.

*

Ты пришла в этот мир чистой и неискушённой, чтобы, познав самые страшные и тёмные его глубины, сохранить свою чистоту и невинность. И кто-то должен был преподать тебе уроки обмана, подлости и предательства. Будь благодарна своим учителям и не держи на них зла. Ведь Там, откуда мы приходим и куда неизменно возвращаемся, есть только любящий и всепрощающий Свет.

*

О, как заблуждаются люди, считая, что со смертью тела всё заканчивается. И как мог бы измениться мир, если бы они узнали, что именно тогда настоящая жизнь для них только начинается.

*

Если в результате твоего взаимодействия с миром не пробежала искра и не случилось чуда, то твоё взаимодействие было напрасным.

*

То, что иногда нам приходится сжигать мосты, вовсе не означает, что их не

*Продолжение. Начало см. № 1, 2016г.

надо строить.

*

Зачем вести к свету слепцов, приспособленных жить во тьме и уверовавших в то, что они зрячие?

*

Раскаяние в содеянном не избавляет от расплаты, но превращает её из кары небесной в тяжкий труд исцеления души.

*

Настоящий художник в своих творениях не пытается отразить окружающий его мир. Какой смысл множить копии, заново воспроизводя то, что и так доступно всякому? Это привычное занятие обыкновенного ремесленника. Истинный творец – мастер алхимии: каждый раз он создаёт из переплавленных в золото кусков самого себя нечто новое и неведомое никому.

*

Далеко не все представители рода человеческого способны испытывать духовный голод. А многие из тех, что способны, искренне верят, что могут его утолить чтением, музыкой или посещением всякого рода религиозных сообществ и духовных школ.

*

Все мы пленники этого мира. А тела, в которые нас заключили, – это камеры пыток. Существует шесть разновидностей заключённых.

К первой относятся те, кто мучаются, но терпеливо сносят все тяготы и лишения земной жизни, уверовав в какую-то идею, объясняющую всё необходимостью испытаний и расплатой за грехи. Это невежественные страдальцы.

Ко второй относятся те, кто, удачно приспособившись, ловко пользуются всеми благами этого мира и даже получают от них удовольствие. Это невежественные счастливцы.

Третью категорию составляют те, кто стараются вырваться на свободу, уничтожив своё тело. Это невежественные безумцы.

Четвёртую – те, кто, не сумев прежде помочь себе, пытаются помочь другим вырваться из плена. Это недоучившиеся лжеучителя.

К пятой категории относятся те, кто, осознав в полной мере свою участь, ищут спасения у таких же пленников, как они сами. Это просвещённые глупцы.

И есть те немногие, кто составляют шестую категорию. Только им суждено избежать смерти. Они находят божественный источник мудрости и силы в себе и, перерастая своё бренное тело, выходят за пределы этого мира и получают Освобождение. Это просветлённые Мастера.

*

Иные, потерпев неудачу в делах земных, пытаются добиться успеха на духовном поприще. Поистине глупцы! Неужели они думают, что получить доступ к нетленным сокровищам Духа проще, чем к недолговечным земным безделушкам?

*

Для одного пощёчина – это просто безобидный шлепок, не оставляющий никакого следа, а для другого – смертельная душевная рана.

*

Неужели Земля это всего лишь бездушный комочек грязи, кишащий разнообразием биологических видов, обладающих разной степенью разумности, или всё же живое, осознающее себя существо, способное мыслить и чувствовать?

*

Сказано древними: «Помни о том, что ты оставишь после себя на планете».

А Я говорю: «Забудь о том, что оставляешь, собирай то, что ты заберёшь с собою в Вечность».

*

То разрушительное чувство, которое ты принимаешь за боль, тоску и отчаяние, не что иное, как рвущаяся на волю беспричинная радость, которую ты ещё в детстве заперла на все засовы в своём тесном, съёженном сердце.

*

Твоя жизнь вовсе не начинается с прихода в этот мир и не заканчивается с твоим уходом. Покидая сцену, актёр становится самим собой, оставляя за кулисами все свои театральные маски и личины.

*

О женщина! Столько сверхъестественных усилий и ухищрений ума и тела – и всё лишь только для того, чтобы привлечь к себе внимание и завоевать мужскую особь, не всегда достойную сей великой жертвы! Ах, если бы эти невероятные способности направить в нужное русло, наш мир действительно изменился бы до неузнаваемости!

*

Лишь мудрому известна разница между покорностью и смирением.

Покорность – одёжа раба и опирается на два постулата-костыля. Мир несправедлив ко мне, но я склоняю голову перед его несправедливостью, потому что бессильна это изменить. Я обречена расплачиваться за то, в чём виновны другие. Посему я жертва обстоятельств.

Смирение – одеяние воинов Духа и святых и держится на двух заповедях-крылах. Что бы со мной ни произошло, – это всегда наилучшее из всего того, что могло бы произойти. За свою жизнь и смерть ответственна я сама и поэтому признаю такое же право за другими. Посему я владею ключами своей судьбы.

*

Духовное пробуждение не имеет отношения к нашим поступкам, мыслям и чувствам. Это не мистическое, не религиозное переживание, а освобождение от всяких переживаний, связанных с нашим миром, и осознание себя в Духе.

*

В воспоминаниях и сожалениях о вчерашнем дне и в ожидании дня завтрашнего ты всегда теряешь день сегодняшний.

*

Главная помеха на твоём пути вовсе не дремучее невежество, а груз бесполезных знаний, который не даёт тебе сдвинуться с места.

*

Самая большая глупость, на которую человек растрачивает свою жизнь, – это поиски счастья за пределами себя самого.

*

На многоголосом базаре иллюзорного мира людей можно купить всё что угодно, кроме Тишины Истинной Реальности.

*

В детстве мы знаем, что обладаем всем.
В юности мы считаем, что всё утратили.
В молодости мы верим, что ни в чём не нуждаемся.
В зрелости мы пытаемся вернуть, что имели.
В старости мы понимаем, что не владеем ничем.

*

В детстве мы не отделяем себя от Бога. В молодости мы о Нём не вспоминаем. В зрелости некоторые из нас отрекаются от Него, другие пытаются в Него верить, а иные отправляются на Его поиски. В старости первые делают вид, что Его нет, вторые – что Он есть, а третьи – что нашли Его.

*

Сколько раз твои обиды пытались покинуть тебя! Но ты не отпускала их от себя, как немощных, убогих, но любимых детей. И тогда они остались… чтобы стать твоими болезнями.

*

Битва за справедливость – это не что иное, как попытка силой навязать мирозданию своё личное представление о правильности и неправильности происходящего в нём. Любое сражение не должно выходить за пределы собственного сознания.

*

Какая разница, что из двух зол владеет твоим сознанием, навязывая тебе представление о мире и о тебе самой, – холодный рассудок или слепая вера, если ты в любом случае находишься в рабстве?

*

Ты всегда получаешь тот результат, которого ожидаешь. Поэтому высшее откровение – это не предвидение результата, а знание глубин собственного «я».

*

Талант доставляет своему обладателю столько хлопот и неприятностей, что иному легче от него отказаться, чем всю жизнь смиренно подчиняться его властному зову.

*

Если бы молитвы, посты и ритуалы могли сделать нас богоподобными, то Земля давно бы стала святой обителью.

*

Сказано: «Знание законов этого мира делает нас зрячими».

А Я говорю: «Иногда нужно ослепнуть в этом мире, для того чтобы прозреть в другом. Но вовсе не обязательно умереть в этом мире, чтобы родиться в другом».

*

Только покинув Землю, мы понимаем, что срок нашей жизни измеряется не возрастом тела, а зрелостью души.

*

Разве для того чтобы быть счастливой, нужна причина?
Разве для того чтобы любить, нужен объект?
Разве для того чтобы вернуться к Нему, нужно умереть?

*

Я знаю имена многих, чьи тела давно уже истлели в земле, но чьи души живы и поныне. Оглянись! Сколь много вокруг тех, чьи тела ещё живы, но души давно уже мертвы.

*

Сказано: «Спешите творить добро».

А Я говорю: «В мире духовной слепоты даже благодеяние может стать причиной трагедии».

*

В спорах рождаются и умирают тысячи истин, придуманных людьми. Истина, которой принадлежат оба мира, никогда не рождалась и не умирала.

*

Увы! Твоей так называемой житейской успешности обычно сопутствует полный духовный крах.

*

Как часто мы отчаянно цепляемся за то, без чего легко могли бы обойтись, и упорно не замечаем того, без чего наша жизнь становится комфортным биологическим существованием.

*

Ты спрашиваешь, почему Он словно забыл о нас, когда мы так нуждаемся в Нём. А мы часто о Нём вспоминаем, когда Он нуждается в нас? Мы несём Ему только свои жалобы и просьбы, а в ответ ждём чего-то другого.

*

Истинная вера не в признании Его существования, а в осознании высшей справедливости всего того, что при отсутствии этой веры кажется несправедливым.

*

Тот, кто доволен собой и собственной жизнью, никогда не отправится на поиски Истины. Но и тут важно не ошибиться в предмете своих поисков – иначе легко можно принять правду за Истину.

*

Мы умираем в наших детях, слишком быстро или мучительно медленно, с обидой или с раскаяньем, с надеждой или с отчаянием, с гордостью или с негодованием, с радостью или с болью, с любовью к ним или со страхом за них. И всегда – с чувством вины перед ними и перед собой.

*

Мы имеем глаза, но не видим.
Мы имеем уши, но не слышим.
Мы способны любить, но не любим.
Мы дети Света, но живём во тьме.
Мы на Земле лишь гости, но не хотим возвращаться Домой.

*

Нас карают не силы небесные – это наши злые посылы, предназначенные другим, возвращаются обратно к нам и обрушиваются на наши собственные головы.

*

Разве не удивительно, что никто не может толком объяснить, что же такое счастье, но при этом поголовно все стремятся его заполучить?

*

Всю жизнь мы гоняемся за миражами, вновь и вновь бросая вызов судьбе, и только на пороге смерти внезапно осознаём: всё, что нам нужно, – это немного понимания, немного нежности и немного любви.

*

Всё, что нам принадлежит, это только короткий и быстротечный миг настоящего. Но мы с бездумной расточительностью тратим его на обеспечение нашего будущего, не имея ни малейшего представления о том, сколько этого самого будущего нам отмерено и успеем ли мы воспользоваться тем, чем себя обеспечили.

*

Мы не ценим настоящие сокровища, доставшиеся нам даром, и платим жизнью за пустые безделушки.

*

Важна не цель, а препятствия на пути к ней, ибо не достижение, а преодоление способно закалить наш дух, наделив нас силой.

*

Каждый прожитый тобой день приближает тебя либо к концу, либо к вечности.

*

Каждое дарованное тебе мгновение таит в себе миллионы возможностей. Стоит лишь шире открыть глаза и вслушаться в голоса Вселенной.

*

Многообразие судеб вовсе не предполагает такое же многообразие ответов на вопрос, для чего человек приходит в этот мир. Ответ во все времена один. И тот, кто понял хотя бы это, уже не зря прожил жизнь.

Откажись от поиска ответов в мире слов. Научись слышать Тишину – и все ответы придут к тебе сами.

*

Ценность прожитой жизни определяется отнюдь не деяниями и не словами человека, а его мыслями и чувствами в момент смерти.

*

Увы! В отличие от тела душа не взрослеет без нашего участия. Не потому ли Земля и поныне колыбель для спящих беспробудным сном духовных эмбрионов человечества?

*

Стоит только признать, что сценарий своей жизни ты написала ещё до прихода в этот мир и поэтому всё в нём происходит с твоего согласия, как из обиженной на судьбу неудачницы ты превратишься во владычицу земную и небесную. А это значит, что в любой момент ты сама можешь изменить свой сценарий.

*

Обвиняя других в своих бедах, ты тем самым признаёшься в том, что эти другие имеют власть над тобой и не ты, а они распоряжаются твоей жизнью и управляют твоей судьбой.

*

Мы приходим в этот мир свободными. Но потом обрастаем привычками и убеждениями, а ещё вещами и людьми. Наши мысли становятся тёмными, тяжёлыми и неповоротливыми, и мы врастаем в землю, забыв о том, что наше предназначение – летать. Так мы теряем свободу и становимся рабами этого мира.

*

Сказано: «Если бы камни могли говорить!..»

А я утверждаю: «Они кричат! Услышьте их крик, чтобы не повторять ошибок своих прошлых жизней. Услышьте сейчас, чтобы не было слишком поздно».

*

Когда ты в тысячный раз повторяешь, что жизнь ужасна и отвратительна, эти слова становятся твоей молитвой, твоим магическим заклинанием.

*

Прежде чем утверждать, что ты видишь свет в конце тоннеля, убедись вначале в том, что ты действительно движешься в тоннеле, а не сидишь в глубокой яме.

*

Мы часто обливаемся слезами над красочно расписанными драмами выдуманных авторами персонажей, в то время как неприкрашенные трагедии живущих рядом с нами людей оставляют нас равнодушными.

*

Мы столь мастерски и увлечённо играем свои земные роли на подмостках жизни, что напрочь забываем о том, что мы на сцене, а кругом собратья по актёрскому ремеслу.

*

Мы долго и упорно взращиваем своих демонов, насылая их на наших недругов и обидчиков. Эти верные слуги Тьмы, порождённые людскими страхами и пороками, исправно служат нашему эго, но стоит нам ослабнуть телом или духом, как всю свою беспричинную злость они направляют на своих собственных хозяев.

*

Мы хотим проникнуть в иные миры, а нам недоступно даже сердце ближнего. Мы пытаемся достучаться до сердца ближнего, а не способны добраться до собст-

венной души.

*

Сказано: «Пока смерть на разлучит нас…»

А я говорю: «Нас всегда разлучает жизнь, даже если мы ухитряемся остаться вместе до самой смерти».

*

Ты думаешь, что твоё тело принадлежит тебе и ты распоряжаешься собственной жизнью? Какое заблуждение! Это ты пребываешь в пожизненном рабстве у своего тела, а твоими мыслями, чувствами и действиями руководят гены и гормоны. Именно они, эти незаметные безжалостные тираны, безраздельно владея тобой, решают твою участь.

*

Все мы рождаемся биологической массой. Подавляющее большинство без особого труда достигает состояния высокоразвитых животных. Некоторым удаётся дорасти до уровня людей. И лишь избранные становятся Богами.

*

Даже если нам удаётся прожить очень долгую жизнь, это ещё не значит, что мы успеваем распробовать её на вкус, на цвет, на запах, на ощупь, на слух.

*

Все люди одинаково пребывают в вечных поисках пищи. Разница состоит только в её качестве. Абсолютное большинство ищет пищи для тела – земных благ и удовольствий. Очень немногие нуждаются в знаниях, пище для пытливого ума. И лишь единицы отправляются на поиски Бога, пищи для страждущей души. И у каждого есть шанс найти то, что он ищет, и утолить свой голод.

*

Тебе так сказочно повезло: ты оказалась здесь, под этими глядящими на тебя звёздами, один на один с огромным загадочным миром, в котором могут осуществиться твои самые безумные фантазии и самые несбыточные мечты, стоит только вспомнить о своём божественном происхождении и поверить в своё могущество и способность творить!

*

Люди настроены на смерть, поэтому умирают. А ты настройся на жизнь – и будешь жить вечно. Скажешь: так просто? А зачем усложнять то, что действительно просто?

*

Жизнь кажется несправедливой и непонятной, когда пытаешься просчитать её головой, а не постичь сердцем.

*

Мы находим в других врагов и друзей, не понимая, что даже в других нужно искать себя.

*

Мы создали вокруг себя такое множество божков, что за ними не видим Бога.

*

Наше тело стареет вслед за нашими мыслями, а никак не наоборот.

*

Чтобы увидеть мир в истинном свете, научись смотреть не на предметы, а на кажущуюся пустоту, в которой они находятся.

*

То, что мы называем жизнью, на самом деле является социально-биологическим существованием белковых тел.

*

Всё, что ты держишь в руках, это тлен.
Всё, что ты накопил в голове, это сор.
Всё, что ты вобрал в своё сердце, это Свет, это Жизнь, это Бог.

*

Жизнь подаёт нам множество знаков и предупреждений, пытаясь нас остановить, пока мы, словно под гипнозом, упрямо движемся к краю бездны.

*

Завеса между миром живых и миром мёртвых настолько прозрачна, что вовсе необязательно пытаться проделать в ней брешь – нужно всего лишь изменить фокус зрения.

*

Мы не всегда способны отличить безудержную трескотню болтливого ума от жаркой исповеди смятенного сердца.

*

Жизнь отнимает у тебя только то, что, являясь балластом, не позволяет твоему духу воспарить над земной суетой.

*

Кто ты: биологический объект, созданный безликой природой и представляющий собой совокупность привычек, верований и поведенческих реакций, сформированных обществом, или всё же живое воплощение Божественного замысла, наделённое бессмертным духом?

*

Где тебя больше: внутри или снаружи?
Что чаще подаёт тебе сигналы: голова, желудок или душа?
Чему ты привыкла подчиняться: сердцу или голове?
Кому ты доверяешь больше: себе или миру?
Ты живёшь, повинуясь крикам толпы или голосу своей души?
Ты благодаришь жизнь только за то, что ты есть?
Ты сможешь, глядя на пепелище собственной судьбы, заявить во весь голос: «Я выстрою всё заново!»?
Ты способна простить себя за свои ошибки, которые уже невозможно исправить?
Ты готова творить, наслаждаясь самим процессом, не заботясь о результатах и не рассчитывая на награду?
Что заставляет тебя делить людей на своих и чужих? И каких в твоей жизни

больше?

Ты слышишь позывные Вселенной или притворяешься, что слышишь?

Способна ли смерть застать тебя врасплох?

Считаешь ли ты, что вправе принимать решения за своих детей?

Ты следуешь за потоком или плывешь против течения?

Что радует тебя больше: возможность получить или возможность отдать?

Ты действительно любишь жизнь во всех её проявлениях или просто миришься с ней, а когда она отворачивается от тебя, ты в страхе цепляешься за её подол?

Известно ли тебе, что монета Судьбы неразменна, потому что одна сторона её – зло, а другая – добро?

Ты научилась радоваться за другого больше, чем за себя? А за себя ты умеешь радоваться?

*

Мы называем воровство тягчайшим преступлением, и, ссылаясь на одну из десяти заповедей, требуем для преступника сурового приговора, а сами из жизни в жизнь обворовываем собственную душу, да ещё ропщем на судьбу, когда она заслуженно наказывает нас.

*

Участь каждого из нас зависит от того, как он относится к смерти – как к концу пути или как к его продолжению.

*

Скольких трагедий можно было бы избежать, если бы люди научились слышать голос собственного сердца!

*

Почему всё, что нарушает наши планы, мы называем в лучшем случае – досадной неприятностью, а в худшем – вопиющей несправедливостью или трагической ошибкой?

*

То, что принято называть трагедией и катастрофой, одного превращает в отважного воина, а другого – в подлого предателя или жалкого раба.

*

Кровоточащие детские раны – вот то, что мы самоотверженно защищаем до последнего вздоха, отчаянно сражаясь… нет, не с миром, с собой.

*

Лучшие умы человечества бьются над разгадкой извечной тайны бытия. Но уму никогда не постичь того, что давно известно сердцу!

*

Жизнь человека трагична и бессмысленна хотя бы потому, что как бы она ни сложилась, судьба его предрешена и смертный приговор вынесен ему ещё до его рождения.

Жизнь, как бы она ни сложилась, – это высочайшая привилегия и величайший дар, и всякий, кто его получил, – избранный, наделённый правом вершить собственную судьбу.

Оба эти утверждения справедливы и истинны. Но которому из них следовать,

всяк выбирает сам.

*

В сколь многих, что считают себя несчастными жертвами Судьбы, пробудился бы воинский дух, если бы в том, что им кажется проклятьем и карой, они узрели бы вызов, который Судьба бросает лишь достойным и равным себе!

*

Всё тленное мы делаем сообща. Всё вечное – творим в одиночку.

*

Если судьба отобрала у тебя только малую часть – забудь о потере и будь благодарна ей за то, что избавила от лишнего.

Если она отняла у тебя половину – выплесни свой гнев и дай волю слезам, но отпусти с миром то, что уже нельзя вернуть, и радуйся тому, что осталось.

Если ты лишилась львиной доли – считай это добровольным пожертвованием, раздай остальное другим и начни всё сначала.

Если ты потеряла всё – вспомни, что в этом мире мы ничем не владеем, и улыбнись: отныне судьба не властна над тобой – ты свободна.

*

Люди! Вы причиняете Матери-Земле столько боли! А потом, когда она сотрясается от рыданий или корчится от мук, не в силах больше терпеть, вы впадаете в беспокойство, но не за неё, а за своё мнимое благополучие, называя её конвульсии стихийным бедствием, слепым, бессмысленным и беспощадным.

*

Человек не может довольствоваться монотонностью и однообразием сытого благоденствия. Он никогда не откажется от данной ему привилегии привлекать в свою размеренную и упорядоченную жизнь всевозможные беды и потрясения, находя в этом убедительный повод для страданий.

*

Мы знаем ответы на миллионы ненужных вопросов и не можем найти ответ на самый главный вопрос – как стать счастливой?

*

У тебя всегда есть выбор между обидой и прощением, между знанием и невежеством, между рабством и свободой, между жизнью и смертью.

*

В каждой женщине уживаются двое: доверчивая и беззащитная малышка и злобная зубастая псина, надрессированная охранять её любой ценой. Если найти подход ко второй, то можно добраться до первой. Но это удаётся очень немногим. Большинство мужчин даже не подозревают о том, что всю жизнь имеют дело со второй, которая только притворяется первой.

*

Наша жизнь – это затянувшееся прощание на платформе станции «Земля». И за это недолгое время мы ещё ухитряемся так много сделать!

*

Категорично заявляя о своём неверии во что-то, ты всего лишь выражаешь мнение своего ума, которому доступен только опыт, получаемый пятью органами чувств, подкреплённый всевозможными устройствами и приспособлениями, придуманными самим же умом.

*

Наше неверие, как правило, бывает продиктовано либо человеческим невежеством, либо животным страхом.

*

Вся жизнь человека – это непрестанная борьба между необходимостью перестать быть животным и возможностью стать Богом. Увы, многие предпочитают капитулировать.

*

Высшее проявление Его Любви – это дарованная нам возможность совершать ошибки и судить себя за них своим собственным судом.

*

Чем ещё ты готова поде литься с Ним, кроме своих жалоб, просьб и сожалений о содеянном и несбывшемся?

*

Увы! Многие весьма достойные мужи и не менее достойные жёны умудряются пройти свой путь до роковой черты, за которой начинается небытие, так и не узнав о том, что жизнь – это не только семейные ценности и карьерные достижения.

*

Наши мысли – или кандалы на ногах, или крылья за спиной. Они либо держат нас в темнице, либо уносят в заоблачные выси.

*

Обладание избытком – это либо симптом стяжателя, одержимого страстью к накопительству, либо признак царя, наделённого даром привлекать изобилие.

*

Почему зачастую того, кто отнял одну жизнь, общество справедливо называет убийцей, а тот, на чьём счету множество отнятых жизней, становится национальным героем и кумиром миллионов?

*

Мы усиленно заботимся о теле, которое даётся нам во временное пользование, и при этом даже не вспоминаем о потребностях души, предназначенной для вечности.

*

Всё самое худшее на Земле было сделано неполноценными мужчинами – теми, кто, одержимо развивая свой ум, оставался глух к голосу сердца.

*

Все мы нуждаемся в любви, и все мы заслуживаем признания. Но в награде за любовь и в признании собственных заслуг нуждаются только убогие.

*

Жизнь всего лишь срок, отпущенный нам судьбой на подготовку к величайшей мистерии под названием «Смерть».

*

Каждый раз, отправляясь в царство Морфея, мы репетируем собственную смерть. Но когда наступает час премьеры, все мы оказываемся не готовы выйти на сцену, чтобы сыграть свою последнюю роль.

*

Стремление помочь всегда продиктовано состраданием или жалостью, желание облагодетельствовать – потребностью самоутвердиться.

*

Великий сказал: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры».

А я говорю: «Весь мир – торжище, люди в нём – покупатели и продавцы, а самый ходовой товар – страсти и пороки человеческие».

*

Самый лучший способ изменить мир – это измениться самой.

*

Все мы нуждаемся в хлебе насущном, и только избранные нуждаются в хлебе духовном.

*

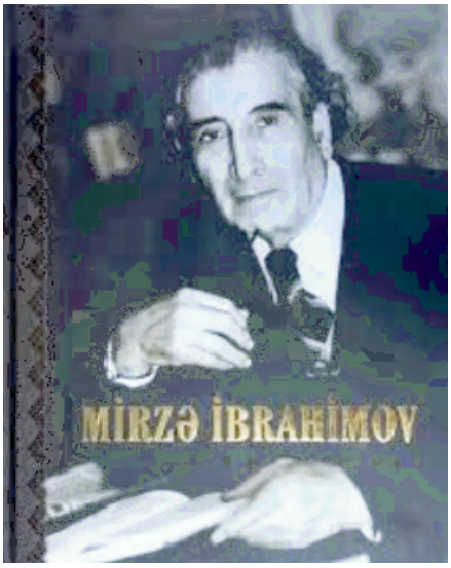
Мы называем калекой того, кто лишён руки или ноги. Но насколько же безнадёжно несчастный калека всякий, кто лишён даже веры в Него!

(Окончание следует)

АЯЗ МУСАЕВ

ИЗДАНИЕ, ДОСТОЙНОЕ ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ

Книжный рынок Азербайджана недавно пополнился очень ценным в плане содержания и весьма роскошным в полиграфическом отношении изданием «Мирза Ибрагимов», автором которого является известный в республике ученый и публицист, руководитель одного из авторитетных печатных органов Азербайджана - газеты «Республика» и двух популярных журналов «Фиюзат» и «Ишыг», доктор филологических наук, профессор Теймур Ахмедов.



Издание представляет собой большой фундаментальный труд объемом около 700 страниц, посвященный жизни, творческой и общественной деятельности народного писателя Азербайджана, классика азербайджанской национальной литературы, академика, Героя Социалистического Труда, неординарного человека, каковым являлся незабвенный Мирза Аждар оглы Ибрагимов.

Мирза Ибрагимов представлен в книге-альбоме в нескольких ипостасях: как чуткий и мудрый человек, прошедший большую жизненную школу, выдающийся художник слова, признанный деятель культуры, неутомимый общественный деятель, любящий муж, заботливый отец и замечательный дедушка… Все эти фотографии и сопровождающие их воспоминания коллег по литературному цеху, друзей, родственников, а также высказывания самого героя книги создают немеркнущий **ОБРАЗ** личности, имя которому – Мирза Ибрагимов.

Будучи большим мастером художественного слова, М.Ибрагимов оставил после себя огромное литературное наследие. Многие из его романов, драматических и публицистических произведений вошли в «золотой фонд» азербайджанской литературы. Полагаю, в данной статье нет необходимости заниматься перечислением созданных им произведений, так как широкому читателю они достаточно известны. Однако заслуги писателя не исчерпываются одними литературными достижениями. Трудно переоценить многогранную государственную и общественную деятельность М. Ибрагимова. Редактор газеты «Вэтэн йолунда», министр просвещения республики, народный депутат, председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, руководитель Правления Союза писателей Азербайджана, председатель Комитета солидарности стран Азии и Африки… И это далеко не полный послужной список Мирзы муаллима. Он умел говорить с самых высоких трибун, выступления его всегда отличались актуальностью и смелостью поставленных в них проблем, будь-то вопрос о статусе азербайджанского языка или Нагорного Карабаха. Как и подобает подлинному художнику, М. Ибрагимов не мог оставаться безучастным к судьбе своего народа и разделял с ним все его радости и невзгоды. Многим из ныне живущих памятно знаменитое выступление Мирзы Ибрагимова на известной встрече представителей азербайджанской и армянской интеллигенции, проходившей в Кремле под председательством М.С.Горбачева. Как представитель Азербайджана, Мирза муаллим тогда попросил слова и с присущей ему муд-

ростью и выдержкой произнес речь, которая своими неопровержимыми истинами повергла всех в изумление, а оппонентов заставила отступить.

Пересказывать содержание книги-альбома, думается, не имеет смысла. Чтобы представить себе гигантский масштаб неустанной и подвижнической деятельности Мирзы Ибрагимова, надо это издание просто взять в руки и перелистать. В судьбе этого человека, прошедшего тяжелый жизненный путь, отражается целая эпоха, охватывающая наиболее значимые события, очевидцем которых он был. При всем этом издание представляет его как незаурядную личность, патриота, гражданина, который ни при каких обстоятельствах не поступался своей совестью, а действовал по велению разума и в соответствии со своими жизненными принципами. В этом смысле, я считаю, что Теймур Ахмедов выпустил в свет издание, достойное памяти Мирзы Ибрагимова.

Как бывший издательский редактор, считаю необходимым отметить также следующее: данное издание – весьма интересное в типологическом отношении печатное произведение. Книга-альбом, как вид издания, оказался весьма удачно продуманным выбором автора, который помог ему создать уникальную летопись о Мирзе Ибрагимове в фотографиях (в основном, из архива писателя) и комментирующих их текстах. Для непосвященных поясню, что книга-альбом – это своеобразный синтез книги и альбома, представляющий собой тип издания, отличительной особенностью которой является ее ведущее средство – фотография, а связующий их текст, выполняя организующую и информационную функции, зачастую соседствует с изображением на паритетных началах. Иными словами, в подобных изданиях изобразительный ряд сопровождается текстом, органически образуя визуально-вербальное единство.

Следует отметить, что выпускать издания в формате книги-альбома Теймуру Ахмедову не впервой. Еще в 80-90-х годах прошлого века благодаря ему увидели свет издания «Сулейман Рустам», «Нариман Нариманов», «Самед Вургун», а впоследствии, уже в нашем столетии, этот список продолжили книги-альбомы «Халил Рза Улутюрк», «Залимхан Ягуб» и другие.

У Теймура Ахмедова удивительно развитое чувство книги. Он прекрасно разбирается в технологии и особенностях печатного дела, знает специфику изобразительного языка изданий альбомного типа. Тщательно продумывая сценарный план и разрабатывая концепцию будущего издания до мелочей, он в конечном итоге получает интересный и весьма оригинальный в издательско-полиграфическом отношении печатный продукт.

Автору этих строк не раз доводилось участвовать в издании книг, подготовленных и составленных Теймур муаллимом. Мне всегда импонировало его трепетное и благоговейное отношение к книге, а требования, которые он предъявлял к свои будущим изданиям, заслуживают всяческих похвал. Т. Ахмедов, можно сказать, интересуется и вникает во все процессы подготовки книги к печати, от редактирования, составления научно-справочного аппарата, художественного конструирования, макетирования и до выпуска ее в свет.

Рецензируемая книга-альбом « Мирза Ибрагимов» является несомненным достижением ее автора. Как и предыдущие работы Т. Ахмедова, ее отличают чувство вкуса, разумное соотношения текста и изобразительного ряда, привлекательная внешняя конструкция. Оригинальный дизайн, модульная система фотоизображений, высококачественная плотная мелованная бумага, удачная окантовка книжных полос, наличие закладки, добротный и в то же время строгий переплет, где под портретом писателя золотистым тиснением дается название издания, - все это говорит о том, что перед нами не совсем обычное издание. Указанные качества представляют книгу-альбом в выгодном свете, располагают к нему читателя-зрителя, позволяют рассуждать об издании как о произведении искусства. И за всем этим стоит огромный кропотливый труд и напряженная работа как самого автора – создателя книги-альбома профессора Теймура Ахмедова, так и коллектива издательства «Нурлар», давшего жизнь этому ценному изданию.